

Das Bayerische Land

WILHELM REICHARDT
Herausgeber

Юлианна, или Игра в «Дочки-мачехи». Том 3 - Юлия Вознесенская

Вознесенская Юлия Николаевна

Перед вами долгожданное продолжение приключений двух сестер, Юли и Ани. В третьей книге мачеха Жанна объявляет падчерицам настоящую войну, любой ценой пытаясь сжить девочек со свету и добраться до денег их отца, она решает прибегнуть к помощи своих коллег - «целительницы» Агафьи Тиховны Пуповзоровой, экстрасенса Жоры Магилиани и ведьмы Ахинеи.

См. также [АУДИО: Юлианна, или Игра в дочки-мачехи](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [КУПИТЕ МОЛИТВЕННЫЙ КИРПИЧ!](#)
- [Глава 10](#)
- [Allons enfant de la patrie,](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)

Глава 1

Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, - бормотала преподавательница русского языка и литературы Александра Николаевна Берсенева, шагая сквозь метель по малоллюдному сейчас Каменному острову. - То как зверь она завоет... Ой! - Тут она угодила левой ногой в сырой сугроб и сразу промочила и невысокий бежевый сапожок, и носок, и ногу. Ноге вмиг стало холодно и мокро, но это еще можно терпеть, на носок вообще было наплевать, а вот промокший сапог - это была катастрофа! Сапог на глазах потемнел от воды и сделался на вид совсем не парным с правым сапожком. А ведь именно сегодня надо было выглядеть прилично одетой и обутой, потому что она шла на очень важную встречу. Нахмурившись, Александра подумала немного и - решительно сунула! в тот же сугроб! и правую ногу! Нога, естественно, тут же промокла и замерзла, но зато правый сапог стал выглядеть «адекватно», как сказала ему, сапогу, Александра, - то есть стал таким же, как левый.

Летевший над девушкой Ангел Хранитель по имени Александрос покачал темнокудрой головой: опять Александра среагировала на неприятность скорее, чем он успел подсказать ей правильное решение! Надо же было просто вынуть из кармана носовой платок, захватить им немного снега и протереть правый сапожок: кожа сапога потемнела бы точно так же, зато нога

осталась бы сухой и теплой - хотя бы одна нога. Не успел, однако...

- Ха-ха-ха! У-у-у! - раздалось откуда-то слева.

Ангел повернул голову.

- У-у-уходи с нашего о-о-острова-а-а! У-у-у! - завыл крылатый черно-зеленый бес, винтом крутившийся в столбе метели рядом с девушкой. Похоже, что именно бес подтолкнул Александру в мокрый сугроб, а Хранитель его вовремя не заметил и не успел прикрыть подопечную крылом.

- Да-да, - подтвердил бес, - это я ее толкнул! Бе-е-е! И еще толкну, как только ты зазеваешься, сверкунчик белокрылый!

- Чего тебе от нее надо, жаб крылатый? - возмутился Александрос и поднял светящийся меч, отгоняя беса. - Идет девушка по своим делам - чем она тебе помешала?

- Так я тебе и скажу-у-у! - глумливо ответил бес и, дразнясь, показал Ангелу длинный черный язык.

- Да и не надо, можешь не говорить, - сказал Ангел. - И так все ясно: увидел крещеную душу и решил напакостить. А ну, пошел вон!

Бес сиганул в сторону и полетел в темноту, петляя между деревьями, а Хранитель распахнул могучие белые крыла и поплыл в воздухе над самой девушкой - на всякий случай.

Сама же Александра их разговора не слышала и бодро топала вперед мокрыми ногами. Она торопилась. Шла вторая неделя января, по-церковному Святки, еще продолжались школьные каникулы, но заведующий учебной частью лицея все-таки согласился принять Александру Берсенева и любезно назначил ей время для беседы, а она уже почти опаздывает...

Ага, вот он, лицей! Об этом торжественно извещала - золотом по черному - доска на каменном столбе у ворот. За высокой чугунной оградой дремал заснеженный сад. Стоящее в глубине его трехэтажное старинное здание, с каменным крыльцом, с колоннами и балконами по всему фасаду, было подсвечено со всех сторон синими и желтыми прожекторами. Цветные блики искрились в снегу и в столбах метели, плавающих таинственными видениями между черными стволами: сад казался прекрасным, загадочным и волшебным. Второй этаж особняка сиял высокими окнами, и оттуда доносилась музыка, торжественная и, конечно же, классическая. Как хотите, а представить себе ТОРЖЕСТВЕННУЮ попсовую музыку ну просто нет никакой возможности. У Александры даже дух захватило: неужели она будет каждый день входить в эти роскошные ворота с непонятными золочеными вензелями?

Однако у роскошных ворот Александру сурово остановил охранник, потребовал у нее паспорт, полистал, почитал, потом отошел и позвонил по мобильнику, что-то сказал и что-то выслушал в ответ, и только после этого вежливо пробасил:

- Проходите, вас уже давно ждут! Третий этаж, первая комната по коридору налево.

Александра побежала к широким ступеням входа в лицей. Ох, как же она опаздывала!

Завуч оказался мужчиной средних лет, с коротко стриженными полуседеыми волосами и в хорошем дорогом костюме. Симпатичный, вежливый и важный такой господин! Он долго и дотошно расспрашивал Александру, почему та оставила Москву и решила переехать в Санкт-

Петербург, где она проходила институтскую практику и в какой школе успела отработать первое полугодие. А потом вдруг взял и ошарашил:

- Конечно, диплом у вас с отличием, и это неплохо. Но вот опыта, как я вижу, почти никакого. А у нас, Александра Николаевна, извините, лицей, а не просто какая-то там городская школа. Так что придется мне вас огорчить...

- Ну что ж... Благодарю за потраченное на меня время.

Александра встала и собралась покинуть кабинет, сдерживая слезы разочарования и обиды: что ж он так долго и нудно ее расспрашивал и шуршал бумажками? Она ведь еще по телефону его предупредила, что проработала в школе всего одно полугодие!

Но оказалось, что завуч не просто тянул время, а, взирая проницательным оком на Александру, заглядывал в будущее.

- Годика через три, когда наберетесь опыта в обычной школе, обязательно загляните снова к нам. Тогда, я думаю, мы вас возьмем на испытательный срок, - сказал он, возвращая ее бумаги.

Ох! Не объяснять же было этому важному и довольному собой и жизнью господину, что если ее возьмут в городскую школу - а туда ее, конечно же, возьмут! - то прожить в Петербурге на обычную учительскую зарплату целых три года она никак не сможет. Ей ведь надо еще квартиру снимать и оплачивать! Пока она живет на положении гостьи у родной тетушки, но, похоже, тетя Муся не так уж и счастлива ее затянувшимся гостеванием, и Александра это уже поняла. Вот сейчас она выйдет на завьюженную улицу и будет бродить, бродить по городу до позднего вечера, чтобы, придя домой, тихонько проскользнуть в свою комнатку и избежать неприятных поучений типа «Опять изволишь дома прохлаждаться? Так ты работу не найдешь, голубушка!». Вот о чем думала Александра, укладывая сначала в папку, а потом в рюкзачок свои документы.

Она попрощалась, встала и двинулась к дверям.

- Пойдите-ка, Александра Николаевна!

Она резко обернулась, уже начиная невольно на что-то надеяться. Но нет, завуч вовсе не передумал!

- У нас сегодня школьная елка, концерт, - сказал он. - Не хотите ли пойти взглянуть на наших лицеистов? Это этажом ниже, в актовом зале... Сходите, Александра Николаевна, развлекитесь, а то, я вижу, вы расстроены. И не грустите, у вас еще все впереди!

- Да, конечно, - не стала Спорить Александра, хотя впереди она в конкретный момент ничего лучезарного не наблюдала. - Я обязательно спущусь в актовый зал. Спасибо. - Она решила так и сделать, ведь это была возможность провести пару часов в тепле, тем более что на кино или кафе денег у нее не было. И она осторожно прикрыла за собой дверь кабинета - боялась не сдержаться и хлопнуть ею как следует.

Завуч вздохнул. Девушка ему понравилась, если честно, даже очень понравилась. Но у него был принцип - никогда не иметь дела с человеком, опоздавшим на первую встречу хотя бы на пять минут. Александра же опоздала на целых семь минут! Может быть, через три года, когда поветрят московские привычки, молоденькая преподавательница русского языка и литературы научится приходить строго к назначенному времени, как это принято в Санкт-Петербурге. Впрочем, даже петербургские девушки, которым он когда-то назначал свиданья,

все как одна на первое свиданье опаздывали: потому-то он и оставался до сих пор холостяком, а нерастрченную потребность в семье и детях отдавал безраздельно своим лицеистам.

Александра спустилась по широкой парадной лестнице на второй этаж лицея, уже издали слыша, как хор поет на английском языке старинную рождественскую песню «Джинглз белз»

Песня кончилась, занавес закрылся, послышался легкий шум уходящего со сцены хора, а на просцениум вышла красивая, стройная, как манекенщица, девочка лет четырнадцати. Выдержав паузу, она чуточку покрасовалась перед микрофоном, зачем-то поправила его, кокетливо улыбнулась залу и объявила:

- Танец с зеркалом. Исполняет Юлианна Мишина.

В зале дружно захлопали.

Раздвинулся занавес. На пустой сцене, не в центре, а немного сбоку, теперь стояло высокое старинное зеркало в тяжелой золоченой раме. Александра ожидала, что танец будет с зеркалом в руках, а тут вдруг этакий громоздкий антиквариат - и как же с этим танцевать? Зазвучал «Грустный вальс» Сибелиуса. Под музыку из-за кулисы вышла тоненькая девочка в белой тунике: она почти не танцевала, а просто шла в такт музыке скользящим шагом, понуриив голову. Одна ее короткая косичка была завязана голубым бантом, а вторая расплелась, банта в ней тоже не было, и распущенные волосы закрывали почти половину девочкина лица. Похоже, что ей было грустно или ее кто-то обидел. Она сделала медленный и печальный круг вальса по сцене и закончила его перед зеркалом. Остановилась и, покачиваясь на носочках, стала рассматривать свое отражение, потом протянула руку и коснулась его: ее пальцы и пальцы отразившейся в зеркале девочки встретились. Она протянула отражению вторую руку, как бы приглашая танцевать. И вдруг девочка-отражение в зеркале кивнула, протянула из зеркала руку и провела ею по щеке танцовщицы, стирая с нее слезу! А потом «девочка-отражение» шагнула из зеркала и сделала поклон - пригласила «грустную девочку» на тур вальса! Та улыбнулась, ответила ей реверансом и тоже протянула руку. И вот они уже танцуют, кружатся в вальсе по всей сцене, совершенно одинаковые, неразличимые... И Александра поняла, что это танцуют сестры-близнецы. Интересно, а почему было объявлено одно имя, а не два? Разве может такое быть, чтобы у сестер было одно и то же имя - Юлианна? Музыка звучала все веселее, и танцующие Юлианны кружились, расходились и сходились - но движения их при этом все время оставались абсолютно зеркальными. У одной расплетена была левая косичка, а у другой - правая. Они танцевали, незаметно приближаясь к зеркалу, и вдруг внезапно остановились перед ним. «Девочка-отражение» стала прощаться, а «грустная девочка» не хотела ее отпускать: и хотя они выражали это мимикой и движениями, все было понятно и очень трогательно. И вот «девочка-отражение» шагнула назад в зеркало, а «грустная девочка» осталась стоять перед ним. Они поцеловались и стали медленно расходиться, маша на прощанье друг дружке руками; и одна ушла со сцены за кулисы, а другая - за раму зеркала. Музыка, к концу танца снова ставшая печальной, стала затихать и смолкла, а зал после мгновения тишины взорвался аплодисментами и криками:

«Юлианна! Bravo, Юлианна!». Александра хлопала вместе со всеми, успев незаметно стереть слезу.

Пока Аннушка и Юля танцевали, их Хранители, Ангел Иоанн, которого знакомые Ангелы чаще звали просто Иваном, и Ангел Юлиус, стояли за кулисами, следя за ними любящими глазами и обмениваясь впечатлениями.

- Как ты думаешь, брат, поймет отец, что хотят сказать этим танцем наши девочки?- спросил

Ангел Юлиус.

- Конечно, поймет! Как не понять, коли даже ты - Ангел, и то слезу пустил! - улыбнулся Ангел Иоанн.

- Я вспомнил, как одиноко жилось моей Юленьке до приезда сестры. Очень выразительный получился у них танец, прямо-таки говорящий! Спасибо тебе, братец Иван!

- Да за что же? Это ведь не я их танцевать учил, и танец тоже не мною придуман.

- Да я не про танец, я про нашу жизнь вообще! Плохо нам с Юленькой жилось до вашего приезда.

- А, ты вот о чем! Да что там благодарить, не чужие ведь. И они не чужие друг другу, и мы с тобой... - У сурового Ангела Иоанна тоже дрогнул голос. - А и в самом деле дивный получился танец! Дома я сколько раз видел, как они танцуют этот грустный вальс, но так трогательно у них ни разу не выходило.

- Еще бы, ведь тут на них смотрят и зрители, и отец родной!

- И Павел Иванович, которого они так любят, тоже в зале.

- А ведьмы Жанны, которую они так не любят, в зале нет... Между прочим, Жанна тоже собиралась пойти на концерт и только в последнюю минуту передумала. С чего бы это? - встрепенулся Ангел Юлиус. - Поди, опять какую-нибудь пакость затевает?

- Да она без этого и не может. Давай-ка, брат, оставим девочек с отцом и Павлом Ивановичем под охраной их Ангелов, а сами слетаем, поищем Жанну и посмотрим, чем это она там занимается?

- Надо бы...

- Ну так летим!

Никому не видимые Ангелы скользнули через сцену в зал и полетели к Ангелам Хранителям Димитриусу и Павлосу, стоящим возле своих подопечных. Подлетев, они объяснили им ситуацию:

- Жанна в последнюю минуту отказалась идти на концерт, сославшись, как всегда, на головную боль. Может, ей просто не вмоготу на чужую радость любоваться, а может, какое новое зло затевает. Хотим слетать и проследить за нею. Присмотрите тут за нашими девочками, братие?

- Присмотрим, - пообещал Павлос и обернулся к Димитриусу: - Ты тут оставайся, в зале, а я тем временем облечу вокруг лица дозором, обстановку выясню...

Трое Ангелов вылетели из зала, один остался на месте.

Когда зал угомонился и перестал хлопать, Александра встала и пошла к выходу. Ей было одиноко, как той девочке на сцене, и стало вдруг так горько-горько, что она не будет преподавать в лицее, где учатся эти чудесные близняшки. Она еле-еле сдерживала слезы - не плакать же на виду у веселых лицеистов! Лучше уж она пойдет на улицу и там, если настроение не переменится, немножко поплачет. Чтобы никто не видел.

А вот Александрос, Хранитель ее, плакать не стеснялся: он шел за своей подопечной к выходу

и плакал не видимыми людскому миру ангельскими слезами. Но слезы его заметили другие Хранители, стоявшие возле крещеных лицеистов. Ангелы сочувственно глядели ему вслед. Но плачущий Ангел помощи не просил, и поэтому они постеснялись к нему подойти.

Александра спустилась по лестнице и толкнула тяжелую старинную дверь лица. Метель тут же швырнула ей в лицо пригоршню мокрого снега, сорванного с ближайшего карниза. Она спустилась с крыльца, остановилась на дорожке и стала застегивать куртку.

Ангел Хранитель вышел за нею и тоже остановился на крыльце.

- Что за беда приключилась с тобой, брат? Может, помощь нужна?

Александрос оглянулся. Рядом стоял статный, широкоплечий Ангел в зеленом стихаре.

- Со мной? А что со мной может случиться, брат? Вот подопечной моей трудно. Видишь вон ту светлую девушку? Это моя...

«Светлая?» - удивились бы вы, если бы услышали слова Ангела: кудри у Александры были черные, а глаза цвета шоколада без малейшей примеси молока. Ну да ведь Ангелам виднее, кто из нас светлый, кто серенький, а кто и вовсе темный.

- Сирота?- спросил Ангел в зеленом стихаре.

- Сирота, - кивнул Александрос.- А теперь еще и бездомная и безработная сирота. Ну да эти испытания ей Богом ниспосланы, так что роптать не приходится.

- Знаешь что, братец? А ты, не ропща, просто расскажи мне в чем дело-то? Не бойся, не убежит твоя подопечная, если ты минуту-другую со мной побеседуешь. Догонишь, пооди!

- Догоню, вестимо. А ты почему ко мне подошел? Тебя послали?

- Да нет, никто меня не посылал. Я сам вижу, что ты не наш, не питерский, а странствующих Бог велит привечать и помогать им в дороге.

- Угадал ты, брат. Московский я Ангел Хранитель, а зовут меня Александрос.

- Ну а я - Павлос. Будем отныне знакомы.

- Так слушай, брат Павлос, мою заботу! Оба родителя моей Александры в одночасье погибли в автокатастрофе. После Перехода родителей в другую жизнь Александра осталась со старшей сестрой. Сестра три года о ней заботилась, помогла ей университет окончить, а недавно... В общем, замуж она вышла, и Александра моя начала ей немножко... ну как бы это сказать...

- Говори прямо - стала ей мешать.

- Вроде того, - вздохнул Ангел. - Вообще-то она хорошая, наша старшая сестра Евгения, но тут вдруг выяснилось, что она непраздная, ребеночка ждет...

- Непраздная - это замечательно!

- Да, конечно! Только вот квартирка-то им от родителей досталась из двух крохотных комнаток. Ну, я и надумил мою Александру оставить молодым супругам квартиру в Москве и уехать в Петербург к тетке, родной сестре ее покойной матери. Так все хорошо было задумано! Тетка эта, раба Божия Мария, одинокая старая дева, ей вскоре, через четыре года примерно,

предстоит пережить insult и стать инвалидом. Мы с ее Ангелом Хранителем посоветовались и решили, что хорошо бы моей Александре загодя у нее поселиться: сейчас тетюшка племянницу пригреет, поддержит, а потом та за нею ухаживать станет - вот и будет между ними любовь да взаимная подмога. Но не тут-то было! Тетка так привыкла жить одна, такая она самовластная и самодостаточная, что племянница с первого же дня стала ее раздражать. И ведь не объяснишь ей, что на эту-то племянницу у нее единственная надежда в будущем! В общем, уходите нам от тетки надо, чтобы в еще больший грех ее не вводить. А куда идти - на улицу?

- Да, сиротам в нынешние времена нелегко жить.

- Именно. Никому, можно сказать, кроме меня не нужна моя Санечка. Вот и маемся мы с нею вдвоем: от тетки съезжать надо, а работу найти никак не удается - такую, чтобы хватило и на жизнь, и на жилье.

- Беда... Жаль-то как девушку!

- Да ведь и тетку жаль: вот сляжет она, и стыдно ей будет племянницу на помощь звать.

- Ну, это ты зря беспокоишься: неужто ты не подскажешь своей подопечной, что за немощной тетюшкой уход нужен? Девушка хорошая, она и не вспомнит старые обиды...

- Подскажу, конечно, и Александра прибежит на помощь! Только вот самой-то тетке как неловко будет...

- Ну, ей для смирения даже полезно будет перед Переходом принимать заботу обиженной племянницы.

- Это так. А лучше бы она сейчас сироту пригрела...

- Вестимо! Ангел-то у тетки есть, говоришь? Мог бы посодействовать...

- Ангел есть, да она его не слушает и никогда не слушала!

- Беда...

- Впрочем, не будем чужих подопечных судить, - и тут же Ангел Александрос перевел разговор на другое. - А ты тут при лицее служишь, брат?

- Нет, я с соседнего Крестовского острова, мы на праздник сюда слетелись. Под крылом у меня начальник охраны одного бизнесмена, он тут сейчас присматривает за его двумя дочками, сестрами-близнецами.

- Это случайно не те, что танцевали «Танец с зеркалом»?

- Они самые, Анна и Юлия Мишины. Все их зовут общим именем Юлианна, чтобы не путаться.

- Хорошие девочки, светленькие такие, и танец их нам с Александрой понравился. Ну, прощай, брат, мне пора лететь! Все-таки места пустынные, и вечер уже, и метель - нельзя молодую девушку без присмотра на улице оставлять!

- Что ж, лети, брат! Рад был знакомству. А если вам понадобится помощь - призывай меня без всякого сомнения, Ангел Александрос! И я, если узнаю что-нибудь насчет работы для твоей подопечной, тут же сообщу вам.

- Спасибо тебе и за ласковые слова, и за добрые намерения, Ангел Павлос!

Ангелы распрощались, помахали друг другу крылами и разлетелись.

- Папочка, как тебе понравился наш танец? - спросила одна из Юлианн. Сестры уже переоделись и спустились в зал.

- Очень понравился! - ответил отец. - Чудесный танец у вас получился, дочери мои милые, дочери мои любимые! - бизнесмен Мишин иногда обращался к дочерям, как купец из старинной сказки про аленький цветочек.

- А вам, дядя Павел, понравилось? - спросила другая Юлианна Павла Ивановича.

- Конечно! Очень хорошо вы танцуете - ну просто самый настоящий балет! Я даже не ожидал, что вы так умеете, хотя много раз видел, как вы танцуете с папой и друг с дружкой.

- А что ж вы такой грустный танец сочинили, дочурки? - спросил Дмитрий Сергеевич.

- А ты что, не понимаешь, папа? - нахмурив тонкие бровки, спросила Юлька.

- Нет, не понимаю.

- Ну, какой непонятливый... Аннушка, скажи ты!

- Девочки радуются, что встретились и горюют, когда им приходится расставаться, - объяснила Аннушка, доверчиво прижимаясь к отцовскому плечу.

- И мы тоже горюем, - вздохнув, добавила Юлька. - Нам ведь тоже скоро придется расстаться...

- А это вы с чего взяли, Юлианны? - удивился Мишин.

- Нам Жанна сказала.

- Да слушайте вы ее больше, эту Жанну! - рассердился отец. - Никто вас разлучать не собирается! Вот мы поедem на весенние каникулы к бабушке и уговорим ее переехать к нам жить навсегда. Кстати, а почему это Жанна не пришла на концерт? Вы ее приглашали?

- Мы ее пригласили, папа, - сказала Аннушка.

- Мы бы сами ни за что этого делать не стали, но Аннушка сказала, что иначе ты расстроишься, - откровенно призналась Юлька. - Мы, конечно, хорошо сделали, что все-таки пригласили Жанну, как ты хотел. Но она сделала еще лучше, что не ответила на наше приглашение!

Мишин только вздохнул тихонько: отношения у его дочерей с будущей мачехой явно не складывались.

- Пора бы ему выводы сделать! - заметил вернувшийся с улицы Ангел Павлос.

- Всею свое время, - заступился за подопечного Ангел Димитриус. - Поспешишь - и Ангелов насмешишь.

- Ладно, заступник! Лучше подумай, как ему помочь с Жанной разобраться.

- Да я стараюсь, - вздохнул Ангел Димитриус. - Но ведь человек не Ангел, он имеет право на

заблуждения и ошибки!

- Жанна уехала к какой-то специалистке посоветоваться насчет своей головной боли, - с едва заметной усмешкой доложил Павел Иванович.

- Ах, эти ее вечные головные боли! -досадливо заметил Мишин. - Но с чего это она взяла, что нашим девочкам придется разлучаться?

- Она говорит, что раз наша бабушка выздоровела, то мне скоро придется ехать обратно в Псков, - сказала Аннушка.

- А ты не хочешь?

- Хочу, конечно! Но только вместе с Юлей и с тобой!

Папа засмеялся.

- Ну, так навряд ли получится. Только и Жанна ерунду говорит: разлучать вас никто не собирается, жить вы будете вместе. И бабушка с нами. Ну и Жанна, конечно.

- А Жанна-то зачем нужна, если с нами будет бабушка? - спросила Юлька.

- Ш-ш-ш! Смотрите, ваша подружка Кира вышла новый номер объявлять - давайте послушаем! - дипломатично ушел от ответа отец.

И все четверо снова повернулись к сцене.

Глава 2

А в это время Жанна, невеста Дмитрия Мишина и кандидатка в мачехи его дочерям, подошла к дому-башне на Петроградской стороне. Здесь жила ее старинная подруга Агафья Тихоновна Пуповзорова, колдунья и ясновидящая. Жанна позвонила в домофон и почти сразу же услышала в ответ ликующее приветствие:

- Жанночка! Жабка моя зелененькая! Какими судьбами?

- Привет, Ага. Извини, что я без звонка. У меня к тебе дело, срочное и важное.

- Вот как! А я-то прозрела тебя и удивилась, я ведь не ждала тебя. Ну, поднимайся скорее, на улице вьюжно.

- «Прозрела» она, как же! В окно увидела небось... - прошептала Жанна.

- Да нет, не в окно: окна у нее на двадцать втором этаже, оттуда подъезд не видно, -сказал Жанне сопровождавший ее бес по имени Жан. У беса был вид гигантской ящерицы, черной, гребнистой, зубастой и мерзкой. Он шел рядом с Жанной, как ходят рядом с хозяевами большие и послушные собаки. Но кто тут был хозяином и кто кого слушался - это еще большой вопрос!

- Не хочешь ли ты сказать, что она и в самом деле прозорлива? - фыркнула Жанна. - Это, скорее, очередной ее фокус.

- А вот тут ты угадала, хозяйка. В кнопку домофона у нее вмонтирована старая шпионская камера - визитеров удивлять и сразу ошарашивать. Большие деньги отдала за нее ведьма!

- Я так и поняла, что это ее рекламные штучки. Ох, да наплевать, лишь бы в деле помогла!

- А вот это - сомнительно.

- Ты думаешь?

- Прозреваю, что это ей не по силам! - ухмыльнулся бес. - Хотя, конечно, кое-что в магии она понимает, не то что ты.

Жанна замахнулась на него сумочкой.

- Ну ты, динозавр-недоросток!

- Но-но! - пригрозил бес когтистой лапой.

Жанна отступила в раскрывшуюся дверь лифта и пригласила беса:

- Входи, Жан, и не обижайся!

- Я - на тебя обижаться? Как ты могла подумать, дорогая! - А про себя добавил ехидно: «Глупая! Какой же бес станет обижаться на свою добычу, пока она у него в руках?»

Ведьма встретила их на пороге квартиры. Почему-то на ней был белый медицинский халат, накрахмаленный до хруста.

- Проходите, проходите оба! - радушно пропела она с порога.

Ого! А вот это был уже высокий класс: Агафья Тихоновна действительно разглядела Жана, хотя тот и не проявлялся на материальном уровне. Впрочем, потому Жанна к ней и явилась с визитом, что Ага в кругу общих знакомых слыла все-таки весьма продвинутой ведьмой, давно и успешно сотрудничающей с бесами.

- Все хорошеешь, змеечка моя зеленоглазая? - спросила Ага, оглядывая Жанну критическим оком. Сама она тоже была довольно хороша собой - этакая подтянутая блондинка: и лицо, и тело - все у нее было подтянуто косметическими операциями. Поэтому издали Агафью Тихоновну вполне можно было принять за молодую женщину.

- Да ладно тебе! - поскромничала в ответ Жанна. - Я ужасно подурнела за последние полгода. И сплю, и ем плохо. У меня серьезные проблемы, Ага...

Но та замахала на нее руками:

- Никаких проблем с порога! Сначала чай с рюмочкой «Амаретто» и пирожными из «Норда».

- Мне нельзя пить, я за рулем.

- Глупости! Неужто я не выведу алкоголь из организма своей гостью? Да запросто, одним полузаклинанием! Проходи, садись вот сюда, на диванчик, гадючка! А ты, дракончик, можешь устроиться под диваном. Пыль тебе, надеюсь, не помешает?

Жан, не протестуя, полез под диван. В некоторых случаях он пренебрегал своим достоинством,

и тут был как раз тот самый случай: бесу важно было быть в курсе всех дел, затеваемых Жанной. Что-то у нее не ладилась отношения с падчерицами: никак, ну просто никак не удавалось Жанне известить сестер! И бес этим, конечно, был очень огорчен.

Попили хозяйка с гостьей чаю, съели по пирожному, выпили по рюмочке душистого ликера, поговорили о здоровье и о погоде и только после этого перешли к делу.

- А дело вот в чем, - начала Жанна. - Я собираюсь выйти замуж за богатенького бизнесмена, а у него в наличии две дочери... Жутко вредные девчонки!

- Сколько лет-то им?

- Двенадцать.

- А второй?

- Обеим.

- А-а, близнецы! И что ж в них вредного?

- Ну, много всего. Главное - богомолки они! Дом в какую-то церковь превратили, бесов домашних почти всех разогнали.

- Двое нас всего и осталось, я да Михрютка-домовой, - скорбно добавил бес из-под дивана. - Прочие все захирели и от дома отошли. Остались одни минотавры в подвале - бесы мишинских охранников, скотина бестолковая, от них и прежде толку не было.

- Ясно. Так ты, кобродка, хочешь от девчонок избавиться?

- Естественно!

- Понятно. Работа на устранение... А ведь я такими делами больше не занимаюсь, сколопендрочка! Я перешла на целительство и на улаживание конфликтов второго рода.

- Чего-то я, Ага, не понимаю. Ну, целительство - это ясно, а вот как понять «конфликты второго рода»? Межпланетные что ли?

- Да нет! Это семейные конфликты второго рода - между зятями и тещами, невестками и свекровьями, двоюродными братьями и сестрами, ну и соседями, само собой. Тут меньше риска, чем при улаживании конфликтов первого рода - между женами и мужьями, родными братьями и сестрами, детьми и родителями. Помирится свекровь с невесткой - моя работа выполнена, съедет теща от нелюбимого зятя - опять же моя заслуга. Ну а если ничего не произойдет, так еще лучше - тяни и дальше с клиента деньги!

- В таком случае моя проблема как раз в твоём ключе - мачеха и падчерицы. Устрани их, а? Это ж тебе нетрудно!

- Это на первый взгляд, скорпионочка, только на первый взгляд! Падчерицы-то у тебя верующие, церковные, ведь так?

- Ну, так.

- Значит, прежде чем до них добраться, надо ангельскую защиту пробить и молитвенную ограду устранить. Мне такое, извини, не под силу, тут нужен специалист особого профиля!

- Выходит, ты мне помочь не можешь...

- Да уж, прости, змейка!

- Жаль... Выходит, зря я к тебе пришла. Ну, а лечишь-то ты как, Ага? У тебя ж нет никакого медицинского образования!

- А зачем оно мне? Я ведь на кожных болезнях специализируюсь.

- Остроумно! Мази-шмази, таблетки-горошки, ванночки да витаминчики - и порядок! Никто не выздоравливает, но никто и не умирает. Никакого риска.

- Примерно так. Сечешь, медяночка!

- А что это ты так осторожничать стала, Ага? Прежде ты неплохо зарабатывала, работая на устранение.

- Времена меняются, пивочка. То есть, они еще не переменялись, нас пока особо не преследуют, не гоняют и даже почти не разоблачают. Но старшие маги и низшие силы предупреждают, что вот-вот начнется...

- Опять будет охота на ведьм?

- Хуже.

- Что же может быть хуже?

Старая ведьма оглянулась по углам, наклонилась к самому уху Жанны и громким шепотом произнесла:

- Призрак бродит по России, призрак смерти атеизма! В стране все больше людей начинает верить в Бога, тысячами крестятся, - и вот этой-то православной волной всех нас накроет и смоев подчистую! Ни ведьм, ни магов, ни экстрасенсов в России вообще не останется! - глаза ведьмы при этих словах расширились и потемнели от ужаса.

- Какой кошмар! А может, это только слухи? Разве христианство это не просто мода, которая как пришла, так и уйдет?

- Увы, нет! Мода бывает на заграничные тряпки, на танцы, на азартные игры, наркотики и всяческое распутство, а не на христианство. Поди-ка, выстой в церкви два часа из одной только моды! Сама-то мода где придумана? В аду, тарантулка, в аду!

- Верно говорит Ага! - прозвучало из-под дивана. - Моду мы сочинили. Мы же распространяем миф о том, что христианство в России - это только мода. Кое-кто верит, однако!

- И ты прав, страшненький! Но мода там или не мода, а привольная наша житуха в этой стране, похоже, идет к концу.

- Конец света в отдельно взятой стране? - потрясенно спросила Жанна.

- Конец тьмы в отдельно взятой державе, девочки! - поправил из-под дивана бес. - У нас внизу об этом тоже слухи идут.

- Ты правду говоришь, Жан? Ой-ой-ой!... Ну да ладно, не будем заранее горевать, - резко

оборвала себя Жанна. - Авось, на наш век тьмы еще хватит. Мне бы вот только от противных девчонок избавиться. А там уже можно будет сесть и хорошенько подумать: здесь оставаться и открывать собственное дело или забрать деньги моего Мишина да за границу махнуть? У меня ведь и за рубежом связи имеются.

- А вот мне, бедненькой, здесь придется остаться и затаиться, я за границей конкуренции не выдержу. Вот я и вышла на тропу осторожности. Так что, прости, непосредственно ничем тебе помочь не смогу, эфочка ты моя! Я больше на устранение не работаю. А вот советом - помогу.

- Ну, помоги хоть советом, Ага!

- Адресок я тебе подкину интересенький и рекомендацию дам. Девчонки у тебя, говоришь, церковные? Так вот есть у меня на примете ведьма, которая именно по таким делам большой специалист - православная ведьма!

- Это как же так? - опешила Жанна. - Ведьма - и вдруг православная!

- А вот так, скорпеночка ведь одно и то же, как мы понимаем. У нее весь дом иконами обвешан, святой водой заставлен. Только иконы эти нельзя в церковь вносить - тут же сгорят! А своей «святой водичкой» она потихонечку травит тех, кого ей «закажут» клиенты. Такой вот у нее бизнес, крокодилочка!

- Ну дает бабулька! - захохотала Жанна. - Через святыни - травить! Класс! Давай адресок, Ага!

Адресок был тут же записан на бумажке и вручен Жанне.

На прощанье Агафья Тихоновна хотела было обнять Жанну, но та уклонилась:

- Без этих нежностей, пожалуйста! А то еще удушишь ненароком... по привычке! Пока, красавица-удавица!

- Тебя удушишь, анакондочка! - сказала Ага, закрывая входную дверь за посетителями на сложный заграничный замок. Она пересчитала сунутый ей Жанной гонорар, осталась довольна и даже запела песенку времен своей молодости:

Эту песню запекает

Молодежь,

молодеж- ж-жь, молодеж-ж-жь!

Наш- шу песню не задуш-ш-шишь,

Не убьеш- ш-шь,

не убьеш- шь, не убьеш-шь!

Агафья Тихоновна, судя по дремучей этой комсомольской песне, была намного старше, чем казалась! Оставшись одна, она приободрилась: может, права Жанна, и на их век дураков в России еще хватит? Но тут она вспомнила, что ее старинного дружка, пророка и серийного воскрешателя Гришеньку Грабового уже посадили в тюрьму за мошенничество, и пригорюнилась...

А Жанна решила посетить «православную ведьму» не откладывая. Жила мать Ахиня в

двухэтажном домике-флигельке в Коломне - одном из старейших районов Петербурга. Домик стоял во дворе, и в сгустившихся сумерках Жанна едва его разыскала. Она позвонила, как было велено, три раза коротко и один подлиннее - условным звонком. Открыла ей дверь сама матушка, и Жанна, увидя ее на пороге, сначала отшатнулась и хотела было бежать без оглядки. Но тут она вспомнила, что бежать-то ей больше некуда, других адресов у нее под рукой нет, и решила остаться.

Матушка Ахинея и вправду была похожа на монахиню. Небольшое круглое личико ее на первый взгляд казалось очень добрым и все состояло будто из яблочек: крутой ее лобик напоминал антоновское яблоко, две круглые румяные ранетки составляли щечки, две маленькие желтенькие китайки - подбородок с ямочкой посередине, а носик - красненькое райское яблочко. Подрясник на матери Ахинее был черненький, к монашескому кожаному поясу вязаные четочки подвешены, на голове суконная шапочка-скуфеечка, на груди медный крест на цепочке - ну как есть монашечка! Только вот крест - перевернутый.

Что сразу же отметил Жан и поспешил успокоить Жанну:

- Не пугайся, хозяйка, это не настоящая монашка, а ряженая! - Он довольно ухмыльнулся, очерив акульки зубы. - И крестик-то, обрати внимание, перевернутый, как и положено по всем законам святотатства!

- Прошу пожаловать, гости дорогие! - пригласила матушка Ахинея: она тоже, как и ведьма Ага, сразу разглядела беса. - И пусть дизайн моей келеечки вас не смущает, это только для рядового клиента!

«Келеечка» оказалась большой, погруженной в сумрак комнатой; освещалась она лишь лампадкой из угла и желтым черепом-лампой на столе. Угол с лампадкой был сплошь завешан иконами. Жанна содрогнулась, увидев иконы, и опять нерешительно остановилась в дверях.

- Это декорация, Жанна, не бойся! Подойди поближе и погляди, какие тут иконы! - Жан, смеясь, лапой подтолкнул ее к «святому углу».

Жанна подошла, пригляделась и успокоилась. Со злобным удовлетворением она отметила, что глаза и сложенные для благословения руки святых были замазаны черной краской. А на некоторых иконах вместо святых были утопленные в оклады фотографии кинозвезд и даже парочка олигархов.

Жан демонстративно протопал в «красный угол» и уютно улегся под глумливыми образами, свернулся клубком и положил мерзкую голову на передние лапы. Уютно ему там было, безобразнику!

- Ага мне позвонила и все про твою беду поведала, - тут же приступила к делу хозяйка. - А я твою беду - руками разведу! Присядь пока на диванчик, красавица. Чайку?

- Можно чашечку, если это не слишком хлопотно. Холодно на улице. А я одета не по погоде...

- Оно и понятно. Как у нас в народе говорят, верхняя одежда крутого мена - его автомобиль...

Матушка Ахинеюшка принялась хлопотать, готовя чай, и при этом продолжала беседу.

- Как там Ага поживает, все такая же красатуля?

- Да, она недурно выглядит.

- А ведь мы с нею почти ровесницы... К сожалению, я не могу поступиться правдой жизни во имя красоты... Имидж, имидж обязывает! Кто же доверится молодой монахине? А вот кипяточек-то уже и поспел к вашему приходу! - сообщила матушка Ахинея, потирая желтые ручки без колец и даже без маникюра, «украшенные» только коричневыми старческими пятнышками. - Кипяточек готов, сейчас травки заварим и попьем чаечку! Прощу к столу!

Жанна села на указанное место возле стола, на узкий и неудобный старинный резной стул с потрескавшимся кожаным сиденьем и высокой спинкой. На столе, рядом с черепом, уже стоял электрический самовар и стеклянный заварной чайник, на дне которого лежал коричневый и на вид какой-то подозрительный комочек. Мать Ахинея налила в чайник кипятку из самовара, комок распустился в горячей воде и превратился в подобие морского животного с шевелящимися щупальцами. По комнате поплыл приторный и даже слегка гниловатый запах. Появились две черные китайские лаковые чашки с золотыми драконами, и хозяйка с гостьей приступили к чаепитию.

- Выкладывай свою заботу со всеми подробностями, ничего не стесняйся! - пригласила хозяйка, и Жанна рассказала о своих злоключениях участливо слушающей матушке Ахинее.

- Ну что я тебе скажу? - сказала та, когда Жанна окончила рассказ. - Извести твоих девчоночек я, конечно, могу. Но работа предстоит большая, серьезная, и плату я за нее спрошу тоже серьезную. Деньги-то у тебя есть али одна только красота в наличности? Красота ведь нонче не капитал, а только средство к приобретению капитала!

- Денег у меня достаточно, об этом не беспокойтесь, матушка.

- Это хорошо. А еще ты мне рекламу сделаешь в кругах «новых русских». Много у тебя таких знакомых?

- Много, матушка. У меня других знакомых и нет.

- Вот и расчудесненько! Поможешь мне рейтинг поднять, а то конкуренты больно одолевают. Сама понимаешь, без рекламы на эзотерическом рынке не пропихнешься, а пиар нынче дорог, ах как дорог пиар-то, девушка!

- Я вам обещаю отличную рекламу в самых серьезных кругах, матушка, и даже на самом верху, но только потом, когда стану мадам Мишиной.

- Само собой, само собой. Вперед я с тебя, голубушка, возьму только деньги, простые и обыкновенные деньги.

- Сколько?

- Для начала - тысячу.

- В долларах? - спросила догадливая Жанна.

- В евро. Долларский курс чтой-то круто пошел на снижение. Ох, боюсь, вот-вот паника на валютной бирже начнется!

- У меня с собой только доллары...

- Ну, ин ладно. Сколько ж это у нас будет по нонешнему курсу, если еврики в зелененькие перевести? - матушка Ахинея извлекла из кармана подрясника калькулятор и ловко им

пощелкала. Сумма матушкой была названа и тут же выложена Жанной на стол.

- Ну, а теперь тихими стопами да прямиком к делу, лапуля. Чтоб иметь подступ к девчонкам, надобно обезвредить вокруг них духовную защиту. Рабочее пространство, так сказать, обеспечить. Для этого ты мне должна будешь перетаскать по одной все иконы, какие есть у них в комнате. Я эти иконки дезактивирую, а ты их потом на место вернешь. Я их так обработаю, что ни один Ангел к ним не приблизится, не говоря уже о Святых! И святую воду, если она у них есть, прихвати. Сумеешь ты мне сюда всю эту их православную атрибутику доставить?

Жанна замялась.

А Жан в углу недовольно и предостерегающе заворочался, свирепо глядя на Ахинею.

- Не знаю, мать Ахинея... Боюсь, что не смогу я прикоснуться ко всему этому - к иконам, к святой воде...

- Вот, значит, как? Да ты, видать, далеко продвинулась, зайка моя! Хвалю, хвалю... А вот скажи мне, умница, надежный человек у тебя в доме имеется, чтобы эту работу за тебя проделать и никому не проболтаться?

- Нет у меня такого человечка. Все теперь против меня: и домоправительница, и горничная, и секретарь моего Мишина, и даже его охрана.

- Это усложняет дело и потребует от тебя лишних вложений.

- Да я согласна, матушка, вы только помогите! Сил у меня больше нет моих падчериц терпеть, извели они меня вконец!

- Понимаю, понимаю, краса ты моя подколодная... то есть, ненаглядная! А мы вот что сделаем: мы на их территорию своего агента забросим.

- Подружку им, что ли, подсунем?

- Никакая твоя подружка не сможет святынями манипулировать, для этого бо-о-ольшая подготовка требуется! Мы это дельце иначе провернем. Они ведь малолетние, за ними глаз да глаз нужен?

- Еще как нужен!

- О-кеиньки! Значит, их отца ты без особого труда сможешь обработать в нужном направлении. Ты ему скажешь, голубушка, что девицам в переходном возрасте полезно иметь воспитательницу - бонну, гувернантку. Это теперь последний писк домашней педагогики - гувернантки. Ты отца уговоришь, а о подходящей кандидатуре я сама позабочусь. Дашь объявление в местную газетку, а я тебе, будто бы по объявлению, пришлю свою кандидатку. И красотку, и веселую, и современную, и православную - напоказ только, конечно. Всех подряд и наповал очарует! И вот эта моя гламурненькая и православненькая гувернанточка все ихние иконки по одной ко мне на обработку и перетаскает. Ну как, милушка, нравится тебе мой план?

- Еще бы! Так, может, она их заодно сразу и отравит?

Жан прислушивался к беседе двух ведьм с большим интересом, а тут и вовсе встрепенулся и даже на задние лапы привстал.

Но у матушки Ахинеи был свой план действий:

- Травить будем поэтапно. Сначала духовно, а уж потом и физически.

- А если наоборот? Сначала отравить тело, а потом, когда они ослабеют и заболеют, уже и души их православные?

- В такой очередности не проходит. Этак можно по неосторожности из обыкновенных девчонок святых мучениц сделать. А ну как они, ослабев телом, начнут еще больше о спасении своих душ беспокоиться? А вдруг они болезни свои с кротостью и терпением переносить станут? Оно тебе надо?

Жан разочарованно плюхнулся на брюхо и отвернулся. - Конечно, нет! - испугалась Жанна. - Святых мне только в доме не хватало!

- Вот именно. Помрут они в таком-то вот безобразном состоянии духа - и сразу на Небеса. А там, ежели ты их отца обидишь - а ты ведь обязательно обидишь, тебе ведь не он, а деньги его нужны, так?

- Ну так.

- Так вот, стоит тебе их отца обидеть, они там наверху попросят кого следует за папочку заступиться, и тебе, душечка, мало не покажется!

Жан в своем углу испуганно взвизгнул! Уж бес-то знал, что маленькие мученики - дети, которые долго и тяжело болели на земле, в момент смерти улетают с земли прямо на Небо, в Райские сады, к Самому Господу, и у Него в любимцах ходят. И на своей черной шкуре знал бес, что бывает, когда эти Божьи любимчики заступаются за своих родителей, за братьев и сестер, за друзей, оставшихся на земле. При мысли об этаким бедствии у Жана даже шкура зачесалась!

- Что ж... Я с вашим планом согласна, матушка Ахинея, - не стала спорить и Жанна. - Так когда ждать вашу лихую гувернантку?

- А вот как дашь объявление, так сразу позвони мне «на трубу». Я уж к тому времени подготовлю свою лучшую ученицу и сразу же пришлю ее к тебе.

- Но пусть эта ваша развеселая монашка к девчонкам не только любовь, но и мягкую строгость проявит, чтобы отец ею доволен остался!

- Уж моя кандидатка сумеет ему понравиться, не беспокойся! И о пароле мы с тобой заранее, прямо вот сейчас договоримся. Пароль такой будет: как войдет она в дом, так сразу споткнется, в долгополой монашеской юбке запутается, подол приподнимет - а под юбкой-то у нее джинсики окажутся! Это чтобы девчонкам понравиться. И скажет моя гувернантка пароль простой и запоминающийся, блин.

- Так какой пароль-то?

- Я ж тебе говорю, касаточка, пароль - «Блин»!

Жанна засмеялась.

- И в самом деле, легко запоминающийся пароль!

- Значит, договорились?

- Договорились, матушка Ахинеюшка! Довольная Жанна попрощалась, вышла на улицу, села в свою «хонду» и включила дворники: метель все не стихала, и снег уже залепил переднее стекло.

Жан, тоже довольный визитом, улегся на заднем сиденье и задремал.

В белых вихрях снежной вьюги ни ему, ни Жанне не видны были Ангелы, летевшие над машиной.

- Иван! Жанна, видно по всему, собирается начать новую крупную игру! - сказал ангел Юлиус.

- Проиграет! - успокоил его Ангел Иоанн. - Нам ее игра в дочки-мачехи не страшна. Надо только с самого начала держать все под контролем. Попросим всех Ангелов нашего дома следить за нею.

- Верно, брат! Так и сделаем.

Глава 3

У Павла Ивановича Орлова была привычка бегать для здоровья не только по утрам, но и перед сном. Вернувшись с концерта и поужинав, он отправился на свою обычную вечернюю пробежку.

Мокрый снег все валил и валил, и никто его, конечно, не убирал и даже не думал убирать до утра - а может, и до следующего понедельника. Он лежал толстым покровом на всем пути Павла Ивановича, бежать по глубокому снегу было трудно и жарко, и вскоре он скинул на бегу куртку, а затем и свитер, и бежал теперь по пояс голый, но все равно пар от него так и валил.

А потом ему вдруг захотелось бежать не к усадьбе Белосельских-Белозерских, как он всегда бегал, а почему-то как раз в другую сторону - к гостинице, носившей незамысловатое название «Крестовский остров». И Павел Иванович, послушавшись внутреннего голоса, изменил привычный маршрут.

«Внутренним голосом» Павла Ивановича был, конечно, голос его Ангела Хранителя. Павел Иванович в него верил, молился ему каждый день дважды, а перед причастием специальный «Канон Ангелу Хранителю» читал, но по простоте своей думал, что слушается не Ангела, а своего внутреннего голоса. Впрочем, так ведь и многие думают. Но Ангел Павлос на него совсем не обижался: он очень любил своего добродушного, крепкого в вере и мужественного подопечного.

Пробегая по набережной в том месте, где река Средняя Невка омывает сразу три острова - Крестовский, Елагин и Каменный - Павел Иванович вдруг заметил на скамеечке сгорбившуюся, почти занесенную снегом фигуру. «Бомж или пьяный, - подумал он. - Замерзнет, не дай Бог, насмерть, бедняга... Придется будить и поднимать!» Он перешел на шаг, приблизился к скамье и тронул замерзающего бомжа за плечо.

А это был вовсе и не бомж, и уж тем более не пьяный, а бедная девушка Александра, сидевшая в ожидании часа, когда можно будет вернуться к тетушке. Она сидела, сидела и задремала... А потом и вовсе уснула!

А рядом с нею стоял как на часах недремлющий Ангел Александрос.

- Приветствую тебя, брат Александрос! -раздался с неба бодрый и веселый голос. - Вот и свиделись мы, и даже раньше, чем ожидалось!

- Брат Павлос! Откуда ты взялся?

- Искал вас - и нашел. Сейчас мы с тобой будем наших подопечных знакомить.

- Вот хорошо-то! Спасибо тебе, брат!

- Давай стараться, чтобы они сразу подружились.

- Давай, брат!

- Эй, друг! А ну проснись! - произнес над Александрой грубый мужской бас.

Александра разлепила намокшие ресницы, поглядела и ужаснулась: перед нею стоял страшный полуголый громила, а его огромная горячая лапища лежала у нее на плече. Но тут же она сама себя успокоила: «Это мне снится. Не ходят в метель по островам полуголые бандиты...» - Она немного повозилась, устраиваясь поуютнее, и снова зажмурила глаза.

- Эй, парень, не спи! Так и замерзнуть недолго!

- Кончай мне снится, обормот противный и голый! - пробормотала Александра, не размыкая глаз.

- Э, да это ж девчонка! - воскликнул Павел Иванович и еще сильнее затряс ее за плечо. - Просыпайся сейчас же, глупая, замерзнешь!

Пришлось Александре проснуться совсем.

- Ну что вы меня трясете? Чего вам от меня надо?

- Мне от тебя ровным счетом ничего не надо, а спать на улице я тебе не позволю. Ты что, пьяненькая?

- С чего это вы взяли?

- Ну, спишь тут, на скамейке... Непонятно!

- А вы голый в метель по улицам ходите - это что, по-вашему, очень понятно?

- Так у меня пробежка!

- А у меня - прогулка!

- Так, ясно. А ну вставай и давай прогуливаться вместе в сторону твоего дома! Ты где живешь-то?

- В данный момент - здесь.

- Я тебя серьезно спрашиваю: адрес у тебя какой, куда тебя проводить?

Не отвечая ему, Александра сдвинула рукав куртки и край варежки, чтобы взглянуть на часы.

- У тебя что, адрес на часах записан?

- Да нет. Просто я смотрю, можно ли мне уже домой идти или еще рано.

Павел Иванович не особенно удивился - мало ли какие бывают семейные обстоятельства.

- Ну так что? Можно тебе уже идти домой?

- Можно. Если не слишком торопиться.

- Ладно, давай не спеша поторапливаться! - И Павел Иванович стал натягивать на себя свитер и куртку.

- А вы чего одеваетесь? Вы же голый бегаєте!

- Бегаю. Но если не бежать - замерзну. Мы же вместе пойдем.

- Это еще зачем - вместе? - подозрительно спросила Александра.

- Провожать тебя пойду. Вставай давай!

- Нечего меня провожать, я и так дойду...

- Ты давно на нашем острове живешь?

- Да не живу я тут. Я случайно на острове вашем оказалась. А в чем дело?

- Дело в том, что по этому острову молодым девушкам ночью гулять не положено.

- Так еще не ночь!

- Для тебя - ночь! Несовершеннолетним не рекомендуется гулять по улицам после двадцати одного часа.

- Так это несовершеннолетним. А я сама учу несовершеннолетних. Я, между прочим, педагог.

- Да ну? Серьезно?

- Серьезней некуда, - вздохнула Александра. - Позвольте представиться: безработный и бездомный преподаватель русского языка и литературы при дипломе с отличием Александра Николаевна Берсенева.

Павел Иванович удивленно присвистнул. «Так все-таки она - бомж! Молодой и образованный бомж. Вот какая жизнь в стране настала!» - сокрушенно подумал он, а вслух сказал:

- Давай, рассказывай!

- Чего рассказывать? - не поняла Александра, притоптывая на месте изрядно промерзшими ногами.

- Как ты дошла до жизни такой, вот чего! Пошли, ноги на ходу разойдутся и согреются. И по дороге ты мне расскажешь, как это ты вдруг оказалась «безработным и бездомным преподавателем русского языка и литературы при дипломе с отличием».

Александра разок-другой глянула на него исподлобья черными глазищами и вдруг решила, что

дядечка этот совсем не опасен, а как раз наоборот: если вот такому все про себя рассказать, то он непременно посоветует что-нибудь основательное и разумное. Такой уж вид был у Павла Ивановича.

Ну и Ангел Александрос о том же ей на ушко нашепывал.

Когда они дошли до метро, Александра уже почти все ему и рассказала. Тут бы им и расстаться, но упрямый Павел Иванович захотел поехать вместе с нею на метро и проводить ее до самого тетушкиного дома, поскольку тот находился в еще более опасном, чем Крестовский остров, месте, а именно - на Сенной площади. Так он и проводил Александру до самого дома на углу Екатерининского канала и Сенной, дал ей номер своего мобильного телефона и ее телефон домашний спросил, тетушкин то есть, и обещал позвонить, если вдруг узнает что-нибудь о подходящей работе для молодого педагога-филолога. Александра не очень-то надеялась на его обещания. А с другой стороны, у нее что, было еще на кого надеяться? В общем, записала она телефон Павла Ивановича и свой номер ему тоже продиктовала.

Очень довольные Ангелы Хранители тоже попрощались и разлетелись. Они-то были уверены в том, что Павел Иванович обязательно Александре поможет! Ангелы, они такие -прозорливые.

На другой день за завтраком Жанна вдруг задумчиво сказала:

- Знаешь, Митя, у всех приличных девочек в возрасте Юлианн есть гувернантки.

Сестры насторожились, а Дмитрий Сергеевич очень удивился.

- Зачем им гувернантка? Тебе что, надоело за ними присматривать?

- Да нет, что ты! Но все же... Ты часто в командировки летаешь, ну и я хотела бы иногда вместе с тобой путешествовать. Не оставлять же их одних в наше отсутствие? Сестрицы тут же подхватили мысль.

- А что, пап, у нашей Гули уже есть гувернантка! - сказала Юлька.

- Можно нашу Екатерину Ивановну из домоправительниц в гувернантки перевести, она ведь бывший директор школы, - предложила Аннушка.

- Ну нет! - заявила Жанна. - Без Екатерины Ивановны все хозяйство в доме пойдет наперекосяк. Да и гувернантка должна быть молодая, современная, чтобы девочкам с нею не скучно было. Можно подать объявление в нашу островную газету и выбрать подходящую кандидатуру.

- Соглашайся, Митенька! Ничего худого из этой затеи для наших девочек не будет! - шепнул Дмитрию Сергеевичу Ангел Димитриус.

И Дмитрий Сергеевич послушался своего, как он думал, внутреннего голоса.

- Неплохая мысль. Акопчик, напиши, пожалуйста, текст объявления и отправь в газету. «Требуется молодая и образованная гувернантка к двум девочкам двенадцати лет».

- Надо бы указать, что желательно с педагогическим образованием, - сказал Павел Иванович.

- И со знанием иностранных языков, - предложил Акоп Спартакович.

- С веселым характером и спортивную! - крикнула Юлька.

- И обязательно православную, - тихо добавила Аннушка.

К удивлению присутствующих, Жанна даже на это ничего не возразила.

- Хорошо, - кивнул Дмитрий Сергеевич. - Дадим объявление. Ты составь, Акоп, и покажи Жанне. А ты, Жанна, потом сама отберешь подходящую кандидатуру, если кто явится по объявлению.

- Как скажешь, Митенька, - сказала чрезвычайно довольная Жанна: все складывалось по задуманному плану!

Все присутствующие Ангелы тоже довольно переглянулись, ведь и у них уже был свой ангельский план относительно найма гувернантки.

Уже на другой день местная крестовская газетка вышла с объявлением, приглашающим на работу молодую гувернантку с педагогическим образованием, со знанием иностранных языков и обязательно православную.

- Блин! Блин! Да блин же! - закричала Александра, топая ногой и швыряя в угол последние колготки, на которых дыра оказалась на самом видном месте, прямо под коленкой - а ведь юбка ее делового костюма была выше колен!

Ангел Александрос, услышав пакостное словечко, двинулся было к подопечной, чтобы сделать ей выговор, но что-то его удержало, какой-то знак ему был дан... И Ангел остался стоять на месте, за дверью комнаты Александры, ожидая, когда она оденется и будет готова к выходу. Только головой покачал укоризненно.

- Александра! Ты опять позволяешь себе выражаться эвфемизмами? - раздался за дверью голос тети Муси. - И вообще, что это ты ни свет ни заря поднялась? Меня разбудила, выражаешься на весь дом...

- Я больше не буду, тетечка, честное слово! - Александра сама не знала, как и где она исхитрилась все-таки заразиться выпечкой словесных «блинов». Ну в самом деле, негоже филологу с образованием, школьной учительнице, пусть даже со стажем в одно полугодие, допускать в речи мусорные полупристойности! Конечно, Александра прекрасно знала происхождение словечка «блин»; им еще на первом курсе объяснили, что слово «блин» русские мужчины употребляли вместо крайне нецензурного слова, когда находились в присутствии женщин - из уважения к ним. Это в филологии называется «эвфемизмом». И уж, конечно, сегодня ей употреблять эвфемизмы никак нельзя, ведь она идет наниматься гувернанткой в приличный дом, к православным детям! К тем самым чудесным двум девочкам, что танцевали в лицее на Каменном острове «Танец с зеркалом», к Юлианнам Мишиным.

«Не ляпнуть бы такое у Мишиных!» - подумала Александра и озабоченно поглядела в сторону гладильной доски, на которой были разложены ее единственные джинсы. Она только что прошла по ним раскаленным утюгом, от них шел пар, но было совершенно ясно, что за оставшееся до собеседования с нанимателем время она их не высушит. Ей бы только успеть доехать до Крестовского и отыскать дом Мишиных. «Опять я опаздываю! - горько подумала она. - И чего это, скажите на милость, мне вздумалось вчера на ночь глядя стирать единственные джинсы?» То есть джинсы были не совсем единственные, имелись еще одни - сплошь в цветочных аппликациях, в которых она щеголяла летом.

- Придется что-то другое надевать, - сказала Александра, хватая с гладильной доски джинсы и неся их на веревку в ванную комнату - досушивать.

Ангел вздохнул. Это ведь именно он шепнул ей вчера, когда она уже спать улеглась, что надо бы встать и постирать джинсы. И он же, да простит его подопечная, нанес непоправимый урон ее последним целым колготкам, чтобы она не могла пойти устраиваться на работу в короткой юбке. То есть, он не рвал ее колготок, конечно, а просто подсказал Александре присесть на минуточку в кресло, из обивки которого торчал маленький гвоздик, и в результате - безнадежно порванные колготки. Бедный Ангел Хранитель, как не любил он огорчать Александру! Даже когда это было для ее же пользы.

Александра вернулась из ванной и еще раз оглядела убогий свой гардероб - пяток «плечиков» да две полки. Подумала и решила, что единственный выход - надеть черную шелковую юбку, длинную и довольно широкую, а под эту юбку все-таки натянуть джинсы - для тепла, те самые, с цветочками. Сказано - сделано. Осталось последнее, без чего никак нельзя было выйти из дома. Александра подошла к высокой этажерке, на которой сверху стояла темная, уже почти не различимая, икона Божией Матери - единственное наследство от ее давно скончавшейся бабушки.

- Пресвятая Богородица, спаси, сохрани и благослови! - и через минуту она выскочила из дома и понеслась к станции метро.

В вагон одновременно сели две чем-то похожие на монахинь девушки: обе в длинных черных юбках и черных шапочках, надвинутых на самые брови, и в черных спортивных куртках. Вот только прически торчали у них из-под шапочек вовсе не монашеские: у одной кудри черные, крутыми кольцами, а у другой и вовсе буйные, но зато рыжие. И вышли девушки на одной и той же остановке метро, на станции «Крестовский остров», и обе двинулись по направлению к Вязовой улице. Дошли и свернули на нее, и одна пошла по левой стороне улицы, вторая - по правой. Они уже и поглядывать друг на дружку через улицу стали с некоторым подозрением: уж не в одно ли место они обе направляются?

Но тут диспозиция вдруг резко изменилась. На улицу выехал серебристый джип, поравнялся с черноволосой девушкой, замедлил ход и остановился в трех шагах перед нею. Водитель распахнул дверцу со стороны пассажирского сиденья.

- Александра! Это ты?

- Я, Павел Иванович! Здравствуйте!

- Садись в машину!

Александра подхватила подол и неловко забралась на сиденье.

- А я встречал тебя у метро. Но, видно, пропустил, не узнал тебя в этом наряде. С чего это ты монашкой вырядилась?

- Монашкой?! - удивилась Александра. - Да бросьте вы, кто же меня за монашку примет!

- А вот как бы наша Жанна не приняла.

- Это мачеха будущая, что ли?

- Типун тебе на язык, Александра! Мы все в доме надеемся, что Бог не попустит такого безобразия.

- А хозяин дома что по этому поводу думает?

- Ну... Он, скажем так, что-то тянет с женитьбой. Видно, не определился еще.
- Поня-ятно. А юбку поверх джинсов я надела для солидности: что это за гувернантка в джинсиках?
- Лучше бы какой-нибудь строгий костюм... Или у тебя нет такого?
- Да есть, есть у меня деловой костюм! Английский, между прочим! Ну, по фасону английский, а шила мне его мама, специально для школы. Я его хотела надеть, но перед самым выходом вдруг выяснилось, что у меня все колготки продрались... Ой! - Запоздало смутившись, Александра прикрыла рот ладошкой.
- Да, это жуткое дело, когда колготки рвутся! Это страшно почти как война!
- Смеетесь, да?
- Ни чуточки. У меня, Александра, в доме полно женщин: жена, сестра, теща и почти взрослая дочь. Так вот, когда в доме у кого-то неожиданно рвутся колготки, это заставляет меня вспоминать афганскую войну: точно так же я вздрагивал, когда неподалеку рвались снаряды.
- Поня-ятно! Это вы так шутите, да?
- Ну, уж как умею, извини! Я ведь человек в прошлом военный. А сейчас, Александра, мне надо позвонить, и ты мне поможешь. Достань у меня из кармана куртки мобильник и набери номер, который я тебе продиктую, а потом дай трубку мне. - Зажав мобильный телефон между плечом и ухом, он сказал в него: - Жанна? Тут у ворот я встретил девушку, которая говорит, что пришла по объявлению наниматься в гувернантки. Провести ее к тебе или ты ей назначишь другое время?... Не надо ничего откладывать? Тогда встречай!

Они подкатили к дому и въехали в моментально открывшиеся ворота. Дом и сад Александра не разглядела: во-первых, еще было темновато, а во-вторых - не до того было. Она поднялась вслед за Павлом Ивановичем на крыльцо, элегантно приподнимая юбку на единственно возможную, хорошо рассчитанную высоту - чтобы и не споткнуться, и джинсы не показать. Но в холле оказалась еще одна лестница, на площадке которой, этажом выше, она увидела целое общество: высокую красивую женщину в красном шелковом халате и двух сестер-близняшек в джинсах и свитерах.

Начав подниматься по ступеням, Александра на этот раз не сумела справиться с юбкой, запуталась в ней, споткнулась и с громким возгласом «Блин!» одной рукой ухватилась за перила, а другой вздернула край юбки гораздо выше щиколотки, продемонстрировав всем желающим свои джинсы с цветочками. На миг она растерялась и остановилась.

Ангел вздохнул с облегчением: он знал, это был последний раз, когда из уст Александры вылетело поганое словечко. Уж больше она его никогда не произнесет, он за этим присмотрит! Как и все Ангелы, Александрос с благоговением относился к слову и следил, чтобы речь его подопечной была чиста, не осквернялась ни грязными словами, ни мусором словесным. Тем более, что она «филолог», то есть, в переводе с греческого - «любящий слово».

- Ах, да не смущайтесь вы! Поднимайтесь, поднимайтесь, мы уже ждем вас! - приветливо пропела высокая женщина и ободряюще Александре улыбнулась.

Девочки переглянулись и тоже заулыбались.

Александра поднялась на площадку и остановилась.

- Вы, наверное, хозяйка? - спросила она черноволосую красавицу в красном.

- Совершенно верно. Зовут меня Жанна. А вас?

- Александра. А это Юлианны! - весело сказала она, вспомнив чудный «Танец с зеркалом» на лицейской сцене.

- Ну, вообще-то они...

Юлька шагнула вперед и протянула Александре руку.

- По-настоящему меня зовут Юлия, а это моя сестра Аннушка. А откуда вы знаете, что нас прозвали Юлианнами?

- Я была в лицее на рождественском концерте и видела ваш танец. Девочка, которая его объявляла, так и сказала: «Исполняет Юлианна Мишина!»

- Это была Кира, наша подружка, - сказала Аннушка. - Она очень красивая, правда?

- А танец вам понравился? - перебила сестру Юлька.

- Очень! Но я чуть не заплакала, когда вы расставались. Так приятно видеть, что на самом деле вы вместе и даже не думаете расставаться.

- Спасибо, - сказала Аннушка. - Жанна, можно мы отведем Александру в нашу комнату и все ей там покажем?

- Да-да, идите! Вам следует познакомиться поближе. Жаль, что папа уже уехал в офис. Ну, ничего, я сама ему позвоню... И что же мы скажем вашему папочке, девочки?

- Скажем, что нам нравится наша гувернантка! - заявила Юлька. - Классная гувернантка!

Аннушка вслух ничего не сказала, только улыбнулась застенчиво и кивнула, соглашаясь с Юлькой.

Жанна оставила девочек и Александру на площадке, а сама, щелкая каблукочками домашних туфель, прошла в свои апартаменты, бывшие когда-то комнатами Дмитрия Сергеевича. Там она первым делом крутанулась вокруг себя, любимой, и громко сказала:

- Все сработало, Жанчик! Гувернантка матушки Ахинеи уже в доме!

- Гламурненькая? - осведомился Жан.

- Просто класс! Наши дурочки уже растаяли!

- Вот и слава Гаду! - Гадом бесы зовут своего адского владыку, которому служат и поклоняются.

- Слава Гаду! - кивнула Жанна, схватила мобильник, набрала номер и сказала:

- Это я, Жанна Рачок. Гувернантка явилась, спасибо, матушка Ахинея... Да, с паролем все в порядке - и джинсы из-под юбки она показала, и «блин» сказала. Да, ловкая девица, сразу

сумела понравиться моим будущим падчерицам... Хорошо-хорошо, я буду крайне осторожна. Я вообще не прочь и вовсе устраниться от воспитания девчонок, чтобы ей случайно не помешать.

Закончив этот разговор, она сразу же набрала другой номер.

- Митенька, а у нас новость! Пришла наниматься гувернантка, и она мне понравилась, а девочкам еще больше: они сразу же увели ее к себе в комнату знакомиться... Нанимать? Так вот с ходу? А ты не хочешь сначала познакомиться с нею, поговорить, посмотреть документы?... Ну хорошо, Митенька, как скажешь, ты в доме хозяйин. В таком случае, я свободна? Сейчас я выпью кофе и, как приличная дама, отправлюсь в салон красоты. До вечера, дорогой!

Сунув мобильник в сумочку, Жанна понеслась по комнате в лихом испанском танце, размахивая полами халата и напевая:

Кофе утром пьют дамы приличные,

чтобы был цвет лица симпатичнее!

Я могу поутру

кофе пить по ведру

и по два, если утро отличное!

Жан присоединился к ней. Он отбивал чечетку, выплясывая на задних лапах, а передними скреб по чешуе на груди: под длинными бесовскими когтями чешуя пощелкивала, как кастаньеты. Оба они были довольны!

- Останешься за девочками присматривать или со мной поедешь? - спросила Жанна беса, резко прекращая испанские песни и пляски.

- За девочками теперь без нас есть кому смотреть, - отмахнулся хвостом Жан. - С тобой отправлюсь! Дома неуютно.

Да, в доме Мишиных Жану с каждым днем становилось все неуютней: дом-то становился постепенно маленькой домашней церковью! Куда-то давно исчез проказливый Юлькин бес Прыгун, домовый Михрютка сидел в подвальном уголке почти безвылазно, а приставленный к Акопу Спартаковичу бес Недокоп ходил за подопечным только на улице да в офисе, в дом уже не рисковал заглядывать. Бесы охранников, минотавры, в подвале в картишки дулись, а наверх не показывались. Вот и крутился бес Жан на одном малом пяточке - в будуаре Жанны. Он и с виду хирел и постепенно становился похож не на дракона, а на большую игрушку-динозавра, вытертую и помятую. А по дому Жан чаще ходил не на своих лапах, а ездил на спине у Жанны, вцепившись в нее когтями. Жанне было тяжело и неудобно, но она терпела.

- Ну что ж, - сказала она, - тогда поехали. На свежий воздух хочется, душно мне здесь.

И опять Жан до самого гаража ехал на спине у Жанны и только там перелез в машину.

Выехав из ворот, Жанна увидела возле них рыжеволосую девушку в черном, стоявшую с газетой в руках

- Вам здесь что-нибудь нужно? - спросила Жанна, приспустив оконное стекло.

- Да, я пришла по объявлению. Я - гувернантка.

- Вы опоздали, моя милая, гувернантку мы уже наняли, - равнодушно сказала Жанна и закрыла окно.

- Во, блин! - выругалась рыжая, но Жанна ее уже не услышала.

«Все, больше я с Ахинеей не работаю, - подумала рыжая девушка. - Совсем из ума выжила старая, все путает! Пора мне открывать свой собственный бизнес».

И она решительно зашагала от дома Мишиных в обратную сторону, к метро.

Девочки и Александра познакомились друг с другом. Для начала Юлька решила показать ей свою фонотеку. Александра перебирала диски, сидя вместе с девочками на ковре. Взяв в руки диск с музыкой Яна Сибелиуса, она спросила:

- А вот скажите мне, Юлианны, что это за фокус такой был с зеркалом? Сначала зеркало как зеркало, и в нем отражается темная кулиса, а потом вдруг в нем оказывается одна из вас...

- Так это ж очень просто! - воскликнула Юлька. - Между зеркальным стеклом и рамой было свободное пространство, а сбоку - проход между кулисами. Совсем незаметный такой проход, потому что черное на черном из зала не различить - мы сто раз проверяли. Сначала грустная девочка танцует перед пустым зеркалом и отражается в нем. А вторая стоит в это время за кулисой рядом с зеркалом. Когда первая девочка подходит к зеркалу, другая тоже выходит из-за кулисы за раму зеркала, а наши помощники в это время убирают зеркальное стекло за кулису. Девочка-отражение оказывается в раме, а зрителям кажется, что это по-прежнему отражение первой девочки! Понятно теперь?

- Поня-ятно! Танец вы сами придумали?

- Ну да!

- И сам танец хорош, и танцевали вы замечательно!

- Это у нас наследственное, у нас папа классно танцует. А кто из нас был кем, вы можете угадать? - спросила Юлька.

- Да запросто! Отражением была ты, Юлия, а грустную девочку танцевала ты, Аннушка.

- Ой, класс! - обрадовалась Юлька. - Вы первая и пока единственная, кто различает нас с первого взгляда. Не считая бабушки, конечно - та нас вообще никогда не путала.

- Бабушка! - воскликнула Александра. - Так у вас есть бабушка? Познакомьте же меня скорей!

- Сейчас не получится. Она в Пскове живет, - грустно сказала Аннушка.

- Временно, - добавила Юлька. - Но она, может быть, скоро к нам сюда насовсем переедет! Мы уговорим ее!

- Всегда мечтала иметь бабушку! У меня с раннего детства не было ни одной, обе мои бабушки рано умерли, - печально сказала Александра. - Ну, ничего, вот я разбогатею и удочерю себе какую-нибудь бабушку-сироту!

- Это как это - удочерите бабушку да еще сироту? - с удивлением спросила Юлька.

- А очень просто! Все знают про детей-сирот, что им трудно живется без родителей, вот их и усыновляют, и удочеряют. А есть ведь еще и бабушки-сироты, которым тоже очень плохо без детей и внуков. Я бы такую бабушку взяла к себе, заботилась бы о ней.

- А какую бабушку вы хотите удочерить?

- Мудрую и добрую. И еще чтобы она умела рассказывать сказки моим детям.

- А у вас уже дети есть? - удивилась Юлька. - Вы же еще совсем молодая!

- Детей у меня пока нет, но непременно будут.

- Это будет доброе дело - удочерить бабушку-сироту, - сказала Аннушка. - Только непривычное какое-то...

- Никогда о таком даже не слыхала! - сказала Юлька.

- Всякое доброе дело делается когда-нибудь в первый раз, - пожала плечами Александра.

Сестры переглянулись. С каждой минутой гувернантка нравилась им все больше и больше. Это ж надо такое придумать - бабушку удочерить!

- Вы хотите найти мудрую и добрую бабушку, - задумчиво проговорила Аннушка. - А наша бабушка именно такая. Правда, Юля?

- Да, как раз такая!

- Расскажите про нее! - попросила Александра.

- Да пожалуйста! Про нее сто лет можно рассказывать! - воскликнула Юлька. - А хотите послушать историю, как бабушка спасла нас от ведьм и сама спаслась от смертельной болезни, от рака?

- Конечно, хочу!

И девочки, перебивая и дополняя друг друга, принялись рассказывать Александре историю, которую мы с вами уже знаем из книги «Юлианна, или Опасные игры».

Ангел Александрос тоже слушал келпинскую историю, а Хранители Иоанн и Юлиус иногда дополняли рассказ девочек, излагая Александросу некоторые события со своей точки зрения - с высоты, так сказать, ангельского полета.

Александра уже давно поняла, что девочки ей с каждой минутой нравятся все больше и для нее будет величайшим бедствием, если их отец и хозяин дома не примет ее на работу. На втором часу знакомства она все поняла и про невесту Жанну и решила, что ей просто НЕОБХОДИМО остаться в этом доме, чтобы защищать сестер от козней красивой, но злой мачехи. В оставшееся до обеда время девочки успели досказать ей всю келпинскую эпопею и заодно совершенно откровенно заявить ей, что она им подходит, и они ни за что на свете и никогда не захотят никакой другой гувернантки!

- Да, кстати, - вдруг встрепенулась Юлька, - вы, наверное, хотите, чтобы мы звали вас по имени-отчеству?

- А нам это разве трудно? - удивилась Аннушка.

Но Александра успокоила обеих девочек.

- Договоримся так: при посторонних и даже при своем отце и Жанне вы зовете меня Александрой Николаевной, а наедине можете звать пока просто Александрой.

- Почему «пока»? - спросила Юлька.

- Да потому, что близкие друзья зовут меня Саней, а некоторые даже Санькой-Встанькой.

- Круто! Я, кажется, уже догадываюсь, почему вас так прозвали! - сказала Юлька.

Тут в комнату сестер заглянул приехавший домой к обеду Дмитрий Сергеевич.

- Здравствуй, папочка! - сказала Аннушка.

- Пап, привет! - крикнула Юлька.

- Привет и вам всем, девчушки. Как дела?

- Отлично!

- Папочка, а ты уже знаешь нашу новость? - спросила Аннушка.

- Знаю, знаю - у вас появилась гувернантка, с чем и поздравляю. Ну, спускайтесь обедать, а за обедом расскажете о ней: как она вам понравилась, как выглядит и все такое.

«Ничего себе! - обиженно подумала Александра. - Ни тебе здарсьте, ни как зовут... «Как она выглядит?» - будто он меня не заметил или словно я пустое место. Странноватый какой-то родитель у моих воспитанниц. Ладно, Санька-Встанька, не дрейфь, прорвемся!»

Дмитрий Сергеевич спустился вниз, умылся, переоделся к обеду и, выйдя в столовую, спросил у сидевшего там с газетой Павла Ивановича.

- А ты, Павлуша, видел уже новую гувернантку?

- Видел.

- Надо бы и мне взглянуть, прежде чем Жанна окончательно решит, брать ее или не брать.

- А ты разве не поднимался сейчас к дочерям?

- Поднимался.

- И что, гувернантки наверху не было?

- Не было там никакой гувернантки. Подружка какая-то сидела с ними на полу, играли, видно, во что-то, а больше там никого не было.

- Не приходила к ним сегодня никакая подружка, Митя.

- Как же не приходила? Она и сейчас там.

- Так это и есть гувернантка.

- Что?! Эта пигалица кучерявая - гувернантка моих дочерей?!

И надо же было «пигалице кучерявой» именно в этот самый момент войти вслед за сестрами в столовую! Между столовой и холлом двери не было, и все сказанное о ней Дмитрием Сергеевичем Александра прекрасно расслышала. «Так, похоже, что проблемы у меня будут не только с мачехой, но и с папочкой!» - подумала она и немедленно принялась играть роль классической гувернантки. Пожалев о том, что уже успела опрометчиво скинуть длинную черную юбку, она мысленно поправила на шее несуществующий шарфик, сдвинула набок воображаемую шляпку и сказала голосом Мэри Поппинс из кино:

- Девочки, будьте любезны, представьте меня вашему отцу!

- Папочка, это Александра Николаевна, наша гувернантка, - послушно сказала Аннушка.

- И теперь ты можешь больше не беспокоиться о нашем воспитании - она с этим отлично справится! - добавила Юлька.

- Юлия! - тихо произнесла Александра.

- Извини, папка, я хотела сказать, что теперь вы с нею вместе будете нас воспитывать.

Дмитрий Сергеевич покраснел, прокашлялся, а потом сказал:

- Приятно познакомиться, Александра Николаевна. Я - Мишин Дмитрий Сергеевич, отец ваших воспитанниц. Это вот Акоп Спартакович, мой секретарь, а это - Павел Иванович, начальник нашей охраны, а покормит нас уважаемая, незаменимая и великолепная наша домохозяйка Екатерина Ивановна...

- Мне тоже приятно познакомиться со всеми вами. - Александра вполне учтиво всем поклонилась, сумев даже изобразить что-то вроде легкого реверанса, а потом добавила зачем-то: - А с Павлом Ивановичем мы уже знакомы.

Павел Иванович сделал Александре страшные глаза, она в ответ чуть-чуть пожала плечами и слегка кивнула головой - дала понять, что углубляться в тему не станет.

Но смущенный Дмитрий Сергеевич как будто ничего не заметил и сказал:

- Так... Ну и хорошо... А где у нас Жанна? Как всегда запаздывает?

Жанна в последнее время выходила к столу позже всех, если вообще выходила: это был единственный способ избежать молитвы перед едой. Правда, если она и выходила к столу после молитвы, ей все равно кусок в горло не лез, так что сидела она за общим столом исключительно для контроля, а после добирала в своих апартаментах - сухариками, чипсами, сладостями и напитками, постоянно набирая при этом лишний вес и героически борясь с ним потом. И за это, конечно же, винила не себя, а сестер и Мишина.

- Жанна отправилась в салон красоты с утра и еще не возвращалась. Наверное, поехала оттуда в фитнес-центр, - пояснила Юлька. Не удержалась и, покосившись на Александру, громким шепотом добавила: - Ей, бедняге, вес сгонять надо!

Александра только чуть-чуть нахмурила брови.

Дмитрий Сергеевич прочитал молитву перед едой, все сели и принялись обедать. Обед прошел в дружеской, хотя и слегка напряженной обстановке. Проще говоря, Дмитрий Сергеевич молчал, а остальные домочадцы услужливо передавали друг другу солонку и перечницу,

предлагали хлеб, но не беседовали как обычно, и потому обед кончился скоро. Прочтя благодарственную молитву, Дмитрий Сергеевич сказал:

- Екатерина Ивановна, будьте добры, приготовьте вместе с девочками комнату для Александры Николаевны. Я думаю, ей будет удобно в комнате для гостей рядом с Юлианнами. Павлуша, а ты, пожалуйста, помоги ей перевезти вещи со старой квартиры. - К самой Александре Дмитрий Сергеевич не обращался и даже ни разу не взглянул в ее сторону. - Ну, а теперь я вас покидаю - работа! Акопчик, пойдём, дорогой, трудиться. - И он поспешно удалился в сопровождении секретаря.

Александра с облегчением незаметно перевела дух.

Выделенная хозяином комната Александре понравилась - светлая, с большим окном в сад. Стол, кровать, книжный шкаф и шкаф для одежды - ничего лишнего. Она стояла в дверях комнаты вместе с девочками и любовалась ею - своя отдельная комната! Какое счастье!

- Нравится вам комната? - спросила Аннушка.

- Очень нравится!

- Вы будете нашей ванной пользоваться, Александра? - спросила Юлька, заглядывая ей в лицо.

- Разумеется, - ответила Александра. - Я ведь должна за вами приглядывать: вдруг вы вздумаете в ванной тритонов и лягушек разводить!

- А вы боитесь лягушек? - удивилась Аннушка.

- Нет, я только пауков боюсь.

Домовой Михрютка, наблюдавший за гостьей из-за решетки вентиляционного отверстия в верхнем углу коридора, самодовольно потер лапы: он относил себя отчасти к паукообразным и очень-очень любил, когда его боялись.

Вместе с Павлом Ивановичем Александра съездила на Сенную площадь за вещами. Тетя Муся, услышав новость, откровенно обрадовалась. Непонятно было только, чему она рада: тому, что Александре повезло с работой, или тому, что племянница наконец от нее съезжает?

Когда они подъехали обратно к митинскому дому, на воротах они увидели приветствие:

Добро пожаловать, дорогая Санька-Встанька!

Надпись была сделана жирным красным фломастером на куске обоев, немного небрежно, но явно от души, а под нею радостно плясали два одинаковых нарисованных человечка в коротких юбочках.

- И как это они успели тебя так скоро полюбить? - спросил с улыбкой Павел Иванович.

- Сама удивляюсь! Снять бы надо, пока господин Мишин не увидел. Ему это может не понравиться.

- Да брось ты, Александра! Ему все нравится, что делают его дочери. Ну, скажем честно, почти все...

Но Александра вышла из машины и все-таки сняла плакат. Она аккуратно скатала кусок обоев в рулон и засунула его в одну из своих сумок - на память. Ей все-таки было очень приятно.

В своей комнате Александра огляделась и сразу же попросила у Павла Ивановича гвоздь и молоток.

- Это еще зачем? - удивился тот. - В этой комнате никто еще не жил, тут все в полном порядке.

- Я хочу сразу же повесить икону.

- А! В таком случае я сейчас принесу дрель и дюбеля. По-моему, в мастерской есть и специальные крючки, чтобы повесить икону.

Через несколько минут он принес инструменты и собственноручно пристроил небольшой крючок в восточном углу. После чего Александра с девочками его отпустили, сказав, что дальше справятся сами.

- Какая-то икона у вас старая, черная совсем! - сказала Юлька, с сомнением разглядывая икону. - Хотите, мы завтра съездим в одно место и купим для вас новенькую икону Божией Матери? Мы с Аней знаем хорошее место, где продают иконы. Там всякие вещи для церквей продают, даже купола!

- Ну уж и купола! - усомнилась Александра.

- Небольшие купола, для часовенок, - пояснила Аннушка.

- Поня-ятно! Но эту икону я не променяю ни на какую другую, она досталась мне в наследство от моей бабушки. Бабушку я в детстве очень любила. Но она уже давно умерла, так пусть хоть икона у меня останется.

- Мы тоже свою бабушку очень любим! - сказала Аннушка.

- Еще бы вы ее не любили после таких ее подвигов!

- Да нет, мы и до подвигов ее любили. За просто так и за то, что она такая добрая, - сказала Юлька. - Бабушка - это наше все!

Александра разложила свою одежду по отделениям шкафа, сестры помогли ей расставить книжки в книжном шкафу, а потом они пошли в комнату девочек, где новоиспеченная гувернантка немедленно приступила к процессу воспитания.

Выглядел этот процесс так: они накидали на пол перед телевизором побольше подушек, поставили бутылку с соком и тарелку с воздушной кукурузой, преугодно усажившись на подушках и принялись смотреть «Хроники Нар-нии», хрустя кукурузой и обмениваясь впечатлениями. И так они провели время до самого ужина.

Мишин, к большому облегчению Александры, ужинать домой не приехал.

Надо сказать, что в последнее время Дмитрий Сергеевич старался дома вечерами не бывать, чем приводил Жанну в состояние перманентного тихого бешенства и тревоги.

И чем несказанно радовал своего Ангела Хранителя Димитриуса. Да и не только его.

- Помяните мое слово, братие, он ее только терпит в своем доме! - говорил Димитриус.

- Так зачем терпит? Разве он в своем доме не хозяин? - недоумевал Ангел Иоанн.

- Хозяин. Но добрый хозяин посреди зимы и собаку из дому не выгонит. Потерпи уж до весны, до тепла, Иванушка!

- То собака, Божия тварь, а то ведьма... Ладно уж, потерпим. Но и глаз с нее не спустим!

Ужинали сестры и Александра вместе с Жанной, и та как-то подозрительно приветливо поглядывала на новую гувернантку и даже разок ей подмигнула. Александра очень этому удивилась. Но разговоров с нею Жанна не заводила, только один раз спросила негромко:

- У вас, конечно, уже есть план работы, Александра?

- Да, разумеется. Хотите, чтобы я его с вами обсудила?

- О нет, зачем же? Я целиком полагаюсь на вас, как вы сами понимаете...

Александра кивнула, хотя, вообще-то говоря, совсем не понимала, с чего это будущая мачеха прониклась к ней таким доверием.

А это Жанне бес Жан посоветовал демонстративно устраниться от воспитания девочек, чтобы потом, когда с ними будет покончено, никто ее ни в чем не заподозрил.

- Ты держись в стороне, хозяйка! Что бы с сестричками ни случилось - во всем будет виновата гувернантка и только гувернантка! - сказал он, потирая лапы и скрежеща когтями.

Жанна согласилась, что так и надо поступать в данной ситуации. Но она все-таки не удержалась и, после ужина заглянула в незапертую комнату Александры, оглядела ее и понимающе ухмыльнулась, увидев в углу темную доску иконы. Очень понравилась Жанне новая гувернантка!

Глава 4

Они не могли убежать, понимаете? Прожектора их ослепляли, они терялись, замирали и не могли двинуться с места. А те все стреляли и стреляли! Грохот стоял, огонь сверкал, убитые падали на снег - и снег сразу же становился красным... Весь стадион был в красных пятнах! А раненные кричали, кричали... Они как дети кричали, так жалобно-жалобно. А тех, которые забивались под скамейки, эти фашисты оттуда выгоняли и забивали палками...

Девчонки дрожали и всхлипывали, а Юрий рассказывал все новые ужасные подробности:

- Потом они хватили за уши подстреленных зайцев, бросали их в мешки и сносили к машинам. Честно скажу, мне было до чертиков страшно, девчонки!

Юрик упомянул про чертей случайно и нечаянно: он и представить не мог, что во время злодейского расстрела зайцев над старым полуразрушенным стадионом действительно вилась целая туча бесов. Какое дело бесам до зайцев, спросите? Никакого. Они просто наслаждались жутким зрелищем и кровью. Да-да, бесы любят не только человеческое кровопролитие, но и массовое избиение животных, причем любых - волков или сайгаков, птиц, морских животных - им все равно, лишь бы смерть, ужас и кровь. А еще больше бесам нравится, когда люди сами звереют от вида крови, все равно какой - птичьей, звериной или человеческой. На стадионе именно это и происходило: заячья кровь лилась ручьями, люди зверели, а бесы - наслаждались и пьянели. Они уже и на Юрика косились с надеждой: а ну как и в него угодит шальная пуля

озверевших отстрельщиков?

Но Хранитель Юрика Ангел Георгиус был на страже! Он стоял с обнаженным мечом впереди мальчика, готовый любую шальную пулю перехватить еще в полете.

Юрик продолжал:

- Я не выдержал, вышел из укрытия, подошел к их старшему и спросил: «Зачем вы расстреливаете зайцев? Что они вам сделали?» А он мне отвечает: «Приказ!» «Вы что же, хотите всех зайцев перестрелять?» - а он говорит: «Всех сразу не получится, тут еще на неделю работы! А ты, пацан, чего тут делаешь? Под случайную пулю попасть хочешь? А ну давай, дуй отсюда!» Ну, я и ушел. Не совсем, конечно. Вышел в ворота, а после вернулся через пролом в стене, спрятался и стал дальше наблюдать. Они покидали мешки с убитыми зайцами в машины и уехали. Не успели они отъехать, как на стадион пришли бомжи и стали вытаскивать из-под скамеек тех зайцев, которых охотники пропустили. А когда бомжи с полными сумками тоже ушли, прибежали беспризорные собаки и стали гоняться за подранками. Только собак зайцы уже не боялись! В темноте я не очень-то понял, что там между ними на стадионе происходит, но только очень скоро собаки с визгом оттуда убежали, поджав хвосты. Ну, я еще немного по стадиону прошелся, но ни одного подранка не нашел. А зайцев живых много осталось, я их издали видел, они там прямо так и шмыгали между скамейками... Надо что-то с этим делать, девчонки!

- Конечно, надо! - сказала Юлька, хлюпая носом. Девочки плакали, слушая Юрика. Одна только Александра лишь кусала губы и хмурилась, но слез не лила.

А вот Кира плакала вместе со всеми, однако сердито и недовольно сказала сквозь слезы:

- Почему это мы должны что-то с этим делать? Нам что, по-твоему, Юрка, до всего должно быть дело?

- Ну конечно, - ответил Юра. - Вот ты же спасла своего Кутьку, а могла бы мимо пройти.

Кира действительно недавно подобрала выброшенного каким-то злодеем щенка и взяла его к себе жить. Он и сейчас лежал у нее на коленях и посапывал - маленький, но уже откормленный и очень забавный.

- Собака - друг человека! - возразила Кира.

- Вся природа - друг человека, - отпарировала Гуля. - Нам должно быть дело до всякой чужой беды, мы же христиане.

- Подумаешь! - пожала плечами Кира. - Сейчас любой может стать христианином...

- Угу, пора уже и тебе об этом подумать, не маленькая, - посоветовала Гуля.

- Не учи меня жить! - механически парировала Кира.

Ангелы стояли вокруг сидевших на полу детей: Юлиус, Иоанн, Александрос и Георгиус с Натаном, Хранители Юрия и Гули (ее настоящее имя было Наталья). Только у одной Киры не было собственного Ангела Хранителя, ведь она все еще была не верующая и не крещеная, бедная беззащитная девочка...

- Нельзя, чтобы дети отправились ночью на стадион спасать зайцев! - сказал Хранитель Юлиус.

- Остановить бы их...

- Как их теперь остановишь? Ты же слышишь, что Юрий и Юлия говорят! А моя непременно за ними отправится, она им во всем подражает, - сказал Ангел Натан.

- Наши девочки плохому твою подопечную не научат, - заметил Ангел Юлиус.

- Мы сами учили их защищать слабых, - поддержал его Иоанн, - а теперь отговаривать станем?

- Да кто ж говорит, что дело плохое, брат Иван, - опасное оно, вот я о чем! - начал оправдываться Натан.

- Так ведь это же нормальные дети! - сказал Ангел Александрос. - Пусть спасают зайцев. А мы поможем - будем их охранять от беды.

- Братие, а может подсказать детям, чтобы обратились к профессионалам? В «Гринпис», например? - предложил Хранитель Натан.

- «Гринпис» зайцам не поможет, - сказал Ангел Юлиус. - Пока гринписовцы соберутся, пока документы и обращения к властям да мировой общественности напишут, деньги под это дело соберут - ни одного зайца в живых не останется. А вот есть на острове Бычьем детский экологический клуб «Зеленый остров», вот тех экологистов можно позвать на помощь! - сказал Ангел Юлиус, склонился на Юлькой и что-то ей прошептал.

- А я знаю, что надо делать! Мы обратимся за помощью в природную школу «Зеленый остров», к ребятам-экологам, - вдруг сказала Юлька.

- Точно! У них есть опыт обращения с зайцами, в лесу на Бычьем острове зайцы тоже живут!

- И утки, и хорьки, и ежи, - добавила Гуля.

- Хорьки-то тут при чем? - удивилась Кира.

- Ну... для экологии! Чтобы зайцам скучно не было, - пояснила Гуля.

- С этим тоже ничего не выйдет, - хмуро сказал Юрик. - Экологическую школу изгоняют дзюдоисты: они хотят всех с острова согнать, лес выкорчевать и на его месте построить свой спортивно-развлекательный центр и гостиницу. Ребята из «Зеленого острова» сейчас свою школу спасают, им не до зайцев.

- Лес? Они хотят убрать лес? Да он же уникальный, нельзя его выкорчевывать! - испугалась Гуля. - И вообще, на Бычьем острове растут краснокнижные растения!

- Какие такие краснокнижные растения, Ватрушка? - не поняла Кира.

- Краснокнижные! Это растения, которые занесены в Красную книгу, ну те, которых на земле совсем мало осталось. Люди всего мира договорились их сохранять и составили специальную Красную книгу, там они все перечислены по порядку. Такие растения растут и на Бычьем острове.

- До сих пор росли, а теперь больше не будут, - мрачно сказал Юрик. - Я читал об этом проекте: сначала хотят очистить весь остров от леса и зелени, каналы поперек прорыть, а потом все застроят и посадят импортные парковые культуры. Природная школа, лес, зайцы... Ты что, Гуля? Это же будет элитная стройка! Из-за острова знаешь какая драка шла между

арендаторами? И победили, конечно, дзюдоисты.

- Они самые сильные оказались? - наивно спросила Аннушка.

- Президент клуба у них самый сильный.

- Кто он такой? - хмуро спросила Юлька.

- Президент.

- Да нет, я спрашиваю, президент у этого клуба кто?

- Я и отвечаю - президент. Путин.

- Так он же православный - как он может так поступать? - удивилась Аннушка. - Он, наверное, просто не знает, что на острове обижают детей и природу.

- Угу, как же - не знает! В России всегда так говорят, когда хотят царя или правителя выгородить, - проворчал Юрик.

- Так может написать Путину про детскую природную школу и про наших зайцев? - предложила Гуля.

- Напиши. Только не подписывай, чтобы на тебя дзюдоисты не вышли.

- И ошибок поменьше в письме делай, а то они тебя по ошибкам быстренько вычислят! - засмеялась Юлька. - Кто у нас в слове из трех букв четыре ошибки сделал? «Исчо» вместо «еще» кто написал?

- Ну так это ж было в стрессовой ситуации, - незлобиво объяснила Гуля. - Я за вас с Аннушкой ужас как волновалась, мне не до грамматики было.

- Ладно, прости! - сказала Юлька.

- Бог простит! - ответила Гуля. - Проехали.

- А ребята-экологи и зимой на Бычем собираются. Попросим их вместе с нами подумать, как спасти зайцев. Можем пригласить их вместе с нами устроить общую демонстрацию протеста - с плакатами, лозунгами типа «Спасем крестовских зайцев от расстрела!».

- Получается, что некому спасать зверье, кроме детей, - с тревогой проговорил Ангел Александрос. - Только ведь они ж непременно выйдут ночью навстречу охотникам с плакатами и заслонят собой зайцев!

- Определенно выйдут, - вздохнул Юлиус.

- Нельзя, чтобы они делали это ночью! Никак нельзя! - воскликнул Ангел Георгиус. - На заброшенном стадионе ночью детям делать нечего! Я очень за своего Юрия тревожился... Нехорошее это место, злое и опасное!

- И мы с Александрой никак не можем допустить подобных демонстраций, - поддержал его Ангел Александрос. - Мы не только от мачехи сестер защищать взялись, но и вообще от всяких опасностей. Я так и обещал брату Павлосу.

- Никто их и не пустит на стадион ночью, - кивнул Иоанн. - Там же пули полетят, они срикошетить могут и детей поранить!

- Нужна какая-то ангельская альтернатива подобной неразумной демонстрации! - настаивал Александрос. - Давайте вместе с детьми думать!

- Думайте, думайте! Да погромче выкладывайте все, что надумаете! - проворчал бес-домовой Михрютка, стараясь поудобней устроиться в вентиляционном канале - так, чтобы и вниз, в подвал, не сорваться, и наружу носа не показать - а то враз по носу ангельским мечом схлопочешь! Ему уж очень хотелось подслушать, что тут сестры с друзьями опять затевают.

- Можно сказать, что эти зайцы - беспризорные. Бродячие зайцы... - задумчиво сказала Кира, поглаживая лежавшего у нее на коленях Кутьку. Он теперь был с ней неразлучно, она его повсюду носила с собой в сумке и очень им гордилась: Кира почему-то считала, что это очень экстравагантно - иметь свою маленькую собачку и таскать ее в сумке. О том, что беспородный Кутька может со временем вырасти в здорового барбоса, который ни в одну сумку не влезет, а сам сможет сумки за нею таскать, она пока не думала. - Да, зайцев, конечно, надо спасать, хоть это и не собаки. Но не лезть под пули вместо них, а убрать их из-под пуль раз и навсегда!... Вот только надо решить - куда убрать-то?

- Вы только послушайте отроковицу Киру! - воскликнул Ангел Юлиус. - Она и без подсказки Ангела решила правильно!

- Это ей любовь подсказывает, а любовь - от Бога, - заметил Ангел Александрос. - Щенок изменил ее к лучшему.

- У меня есть мысль, как отвлечь их от спасения зайцев, - сказал Ангел Натан и подошел к Гуле. - Сейчас я моей Наталии словечко шепну на этот счет! - Ангел наклонился к своей подопечной и что-то стал шептать ей на ухо.

- Липки... кедрики маленькие... Их ведь тоже жаль! - вдруг сказала Гуля.

- Ты про что это там бормочешь? - спросил Юрик.

- Про молодые деревья в парке! Зайцы их грызут!

- А что им еще грызть зимой? Морковку, что ли? - возмутилась Кира. - Так не растет зимой морковка, поливай не поливай! Вечно ты со своими глупостями, Ватруха... Как дите!

- Так ведь парк-то... с детства наш! - попыталась объяснить свою позицию Гуля. - Как ты не понимаешь, Сухарик?

- Ну да, конечно! Тут все ваше - элитный остров! - скривилась Кира. - А все прочие люди и зайцы тут случайно прозябают, на них вам наплевать! И на собачек бездомных, правда, Кутька? - и она нежно поцеловала своего щенка прямо в холодный блестящий нос.

- Никто пока еще не плевал на твоего Кутьку, - заметил Юрик.

- Пусть только попробует плюнуть! Мы ему сразу - гам! - и нос откусим! Правда, маленький? - Кутька коротко тьякнул в ответ. Он всегда тьякал, когда Кира к нему обращалась - на всякий случай, а вдруг ему за это что перепадет? Обычно и перепадало, оттого-то Кутька и был круглый и упругий, как мячик.

- Зайцев вообще-то ресторан «Русская рыбалка» подкармливает, - примиряюще сказала Аннушка. - Они, говорят, вечером к ресторану собираются, а из кухни им очистки овощей выносят и остатки еды.

- Они даже рыбные объедки лопают! Зачем им деревья грызть?- подтвердил Юрик.

- А они - грызут! Я сама видела молодые обгрызанные кленики возле нашего дома, - не унималась Гуля.

- Выходит, деревьев им не хватает, если они возле кафе и ресторанов побираются, - сказала Кира.

- Ну да, - сказал Юрик. - Их оттуда бомжи гоняют - раньше-то все им одним доставалось. А еще теперь бомжи сами зайцев бьют и на кострах жарят. А на стадионе зайцы с голоду скамейки грызут, я сам видел их погрызы.

- Да кончай ты про ужасы всякие, Юрка! - взмолилась Кира.

- Это темная сторона жизни, я тут ни при чем! - пожал тот плечами. Он уже успокоился, только глаза остались красные: Юрик уже понял, что девчонки будут зайцев спасать, дело ясное.

- Ладно, - сказала Юлька решительно. - Хватит вздыхать, пора к делу приступать. Давайте план составлять!

- Какой план, Юля? - спросила Аннушка.

- План спасения крестовских зайцев от окончательного истребления, - ответил за Юльку Юрик.

- И деревьев! - упрямо добавила Гуля.

- Да погоди ты со своими деревьями! - остановил ее Юрик. - О деревьях весной будем беспокоиться.

- А к весне молодых деревьев на острове конкретно не останется! - не унималась Гуля.

- Гуля, не преувеличивай, пожалуйста! - прикрикнула на нее Александра. - Мы ценим твою заботу о зеленых друзьях, но ты погоди, пока до них дойдет очередь.

Перечить чужой гувернантке Гуля не стала, у нее для этого своя была.

- Не удалось моей Наталии переключить их со спасения зайцев на спасение «зеленых друзей», - сказал Ангел Натан с сожалением.

- Ну и оставь ее! - сказал Ангел Иоанн. - Мир между друзьями всего дороже.

- Ну ладно, давайте сперва зайцев спасем. Я разве против? - согласилась Гуля.

- Итак, друзья мои, придется нам пойти по стопам деда Мазая, - решительно сказала Александра. - Помните стихи Некрасова?

- Помним, помним, в третьем классе проходили! - отмахнулась Юлька. - Только вот ну не надо сейчас никакой литературы, Александра Николаевна, пожалуйста! У вас какой-то конкретный план есть?

- Есть. В первую очередь надо зайцев увести со стадиона имени Кирова.

- Куда увести? - спросил Юрик.

- Как это куда? В лес, конечно.

- В лес они не пойдут. Они как раз из леса на остров и прибежали спасаться. В лесах Курортной зоны то ли волки появились, то ли одичавшие голодные собаки, брошенные осенью дачниками. Вот зайцы по первому льду и перебежали спасаться на остров через залив.

- Какой в натуре жестокий мир, - вздохнула Гуля.

- Надо найти для зайцев безопасное место, - сказала Александра.

Все задумались.

- Есть такое место! - воскликнула Юлька. - Сарай наш помните, в котором мы в киднеппинг играли?

- Хорошенькие игры... - проворчал Юрий.

- А, брось, Юрка! Надо всех зайцев приманить к сараю - пусть они там зимуют. А мы будем носить им еду. Всю зиму, если надо! А весной, пока еще лед не тронулся, отведем их на острова Бычий и Безымянный. Там еще не скоро строительство начнется и травы уже в апреле будет полно, мать-и-мачеха повсюду зацветет...

- Юленька! Как прекрасно ты это придумала! - воскликнула Аннушка и громко чмокнула сестру в щеку.

Ангелы переглянулись и покачали головой: они от прекрасного Юлькиного плана заранее ожидали всяческих неприятностей. Сарай - место нехорошее, несмотря на то, что Битву при сарае Ангелы выиграли у бесов. При воспоминании о ней Ангел Иоанн даже начал поигрывать рукояткой меча.

А Михрютка сжался в комок в самой глубине вентиляционного канала и задрожал -он тоже Битву при сарае помнил!

- В сарае места мало, - усомнилась Гуля.

- Ничего не мало! - ответила Юлька. - Там еще подвал есть, в который мы провалились, а от него подземный ход идет. Те зайцы, которые наверху не поместятся, могут устроиться в подвале и под землей.

- Правильная мысль, - похвалил ее Юрик. - Между прочим, в сарае кой-какая заячья еда уже имеется, - добавил он.

- Какая? Откуда? - удивились девочки.

- А сено, которое Кира для девчонок туда натаскала! Помнишь, Кира?

- Конечно, помню! Я знаю, где его продают, могу купить несколько пакетов и отнести в сарай! - обрадовалась Кира.

- Я тебе помогу, если хочешь, - сказала Гуля. - Ты ведь у нас девушка хрупкая, бедный мой

Сухарик.

- Давай, помогай, Ватрушка, - снизошла подружка. - Материально главным образом - тина деньгами.

- Деньгами так деньгами, это еще лучше. Я как бы не люблю по магазинам болтаться.

- А еще мы можем овощей туда натаскать, капусты и морковки, например, - сказала Юлька.

- Но как мы объясним зайцам, где их ждет еда и спасение? - спросила Гуля.

- Ну, это как раз же проще простого! - сказала Александра, уже по уши включившаяся в их замысел. - Мы протопчем от стадиона до сарая тропинку в снегу и понатыкаем для них морковные вешки и капустные листья раскидаем. А потом, когда все зайцы соберутся у сарая, мы эту тропинку ветками заметем. Чтобы отстрельщики их не выследили.

- Класс! - взвизгнула Юлька.

- Как гениально и просто! - восхитился Юрик, а Кира, Гуля и Аннушка просто дружно захлопали в ладоши.

- Я буду старшая по операции «Дед Мазай и зайцы», - без ложной скромности выдвинула свою кандидатуру Александра. - Согласны?

- Да! Конечно! - закричали все, кроме Юльки.

- Нет! Мне это не нравится, - заявила она.

- Почему? - удивился Юрик. - У вас такая крутая гувернантка - чего тебе еще? Вон Гулина бонна вообще ни о чем, кроме хороших манер и диеты для похудения, ни говорить, ни думать не может.

- Я не про Александру, конечно, она будет у нас командир. Я вам говорю про название операции. Оно не должно быть такое длинное и всем понятное. Предлагаю другое, короткое и зашифрованное - «Мазайцы». Чтобы сразу никто не догадался.

С этим названием все тут же немедленно согласились.

- Значит так, дорогие мазайцы, детальный план операции у нас будет такой, - начала Александра. - Тропинку протаптывают Юрик и Гуля. Юрик - потому что он хорошо знает местность, а Гуля лучше всех справится с протаптыванием в снегу тропинки для зайцев, она девочка основательная.

- По весу, - уточнила Кира.

- Ладно, - согласилась Гуля, беззлобно пропустив мимо ушей реплику Киры. - Бабушка все равно велит мне побольше гулять на морозе, вот и буду гулять от стадиона до сарая.

- Чтобы щеки у тебя еще краснее стали! - не унималась Кира.

- Да что ты ко мне сегодня все придираешься и придираешься, блин?!

Кира не удостоила ее ответом, зато Александра взмолилась:

- Очень прошу вас, ребята, никаких «блинов» в моем присутствии! А ты, Кира, Кутьку своего на время операции оставь дома, чтобы он зайцев не распугал. Все-таки собака!

- Да еще кака-а-я собака! М-м-м! - согласилась Кира и звонко поцеловала Кутьку в темечко; Кутька тряхнул ушами и вопросительно твякнул - и тут же получил «хрустик» - специальный ценячий сухарик. - Ладно, на время операции оставлю тебя дома, сокровище мое!

- Теперь о провианте для зайцев, - продолжала Александра, глянув на хрупающего Кутьку. - Прежде всего - финансовое обеспечение. Я могу вложить в это дело сто долларов. - Александра уже получила от Акопа Спартаковича аванс и успела потратиться только на пару новеньких колготок да на торт для тети Муси: у нее оставалась еще целая куча денег. По крайней мере, она так считала.

Дети тут же полезли в свои кошельки и карманы, и скоро посреди ковра, на котором они все сидели кружком, лежала порядочная кучка денег. Даже Кира выложила две сотни рублей, несмотря на свои скромные возможности и увеличившиеся из-за Кутьки расходы.

- Для начала хватит и даже останется, - подсчитав деньги, решила Александра. - Теперь вопрос о транспорте. На чем будем возить овощи от магазинов к сараю? Какие будут предложения?

- У папы есть сумка для гольфа, на колесиках, - сказала Юлька. - Она в кладовке под лестницей стоит. Ключики можно вытряхнуть, а сумку использовать под морковь.

- Ой, не надо! Вдруг мы папину сумку испачкаем? - заволновалась Аннушка.

- Подумаешь! До весны любая грязь высохнет и отвалится, а раньше весны папка ее и не хватится! - возразила Юлька. - На чем еще возить можно?

- Попробуем взять санки напрокат в «Чудо-Острове», - предложил Юрик. - На каждое сиденье можно поставить по два-три ящика овощей и привязать их веревками, чтобы не рассыпались.

- Вполне подходящий зимний транспорт, - кивнула Александра. - Используем санки за неимением саней и лошадей... Эх, вот была бы у нас машина!

- Машин у нас навалом - прав у нас нет, - сказал Юрик.

- Почему нет? У меня есть права! - возразила Александра. - Правда, они в Москве остались...

- Какая ерунда! - пожал плечами Юрик. - На острове никто не останавливает приличные машины и права ни у кого не спрашивает.

- А откуда мы возьмем приличную машину?

- В гараже у моего папика, вот где! Сам он ездит на крайслере, у мамы мерс, а еще в гараже стоит малолитражка, которую он обещает мне подарить, когда я до водительских прав дорасту. Вот мы ее и позаимствуем!

- Отлично! Деньги есть, транспорт имеется, форма одежды - сугубо будничная и утепленная! За работу, мазайцы! - объявила Александра.

И мазайцы дружно отправились на выполнение задания.

А Михрютка отправился с доносом к Жанне.

- Хозяйка! Хозяюшка, проснись! Дело есть!

- Отстань, паукообразное, я спать хочу! - проворчала Жанна.

- Проснись, хозяйка! Он, похоже, не просто так явился, а с доносом, - поддержал Михрютку бес Жан.

- Ну, что там у тебя, Михрютка? - спросила Жанна недовольным голосом, садясь в своей черной постели и сладко, со стоном потягиваясь.

Михрютка рассказал обо всем, что подсмотрел и подслушал.

- Это Александра принялась за работу наконец, - сообразила Жанна. - Как ты думаешь, Жан, что она затеяла?

- Да это же ежу ясно, хозяйка! Она хочет задержать девчонок на стадионе до темноты и подвести их под пули расстрельщиков.

- Ах, умница-девка! Ай да мать Ахинея!

- А мне что-то эта Александра подозрительна, - проворчал Михрютка. - Она вроде бы зайссам сочувствовала!

- Брось! Это она просто вид делала, - отмахнулась Жанна.

- А еще она по утрам вместе с девчонками молится! - гнул свое домовой.

- Если она и молится, то не иначе как ахинейскими молитвами! - засмеялась Жанна. - Не беспокойся, табуреточка!

- А мне лично не нравится сама идея спасения зайцев, - проворчал Жан. - Не люблю, когда люди с животными сюсюкаются. Здесь им земля, а не Рай, чтобы жалеть и любить животных! И Михрютка прав, хозяйка, Александра - девушка подозрительная. Где ее бес, ты можешь мне сказать?

- Есть у меня время бесов высматривать! Наверняка он у нее есть, только прячется ото всех. Вы же знаете, что этот дом для бесов - сплошное минное поле. Только вы двое и остались со мной...

- Я вчера вечером пробежал мимо окон комнаты девчонок и видел, как она на ночь их перекрестила! - съябедничал Михрютка.

- Маскировка! - отмахнулась Жанна. - Ее наставница матушка Ахинея тоже молитвы читает - перед клиентами, для виду, а сама, поди, кучу народа извела. Таков уж ее стиль. В общем, не морочь мне голову, а лети к Кактусу, все ему доложи и попроси помощи. Пусть его бесы зайцев погоняют, чтобы девчонки до вечера их собрать не могли.

- Будет сделано, хозяйюшка! Я и сам этих зайссев погоняю с большим удовольствием!

- Лети, погоняй. Ну, а я пока посплю... - Накануне Жанна была в «Деревянном театре» на Каменном острове, на приеме VIP, то есть жутко важных персон, после ездила в ночной клуб с какими-то новыми друзьями, а потому сегодня не выспалась. Они теперь с Мишиным частенько проводили вечера врозь, каждый со своей компанией, и оба делали вид, что так это и должно быть.

Надо сказать, что Крестовским друзьям все в этот день удавалось: санки им напрокат выдали без всяких разговоров, и они вывезли их за пределы городка аттракционов беспрепятственно - через дыру в ограде. Машину из гаража Сажиных они вывели так, что никто даже и не заметил.

Еще бы им не все удавалось! Хоть и не очень довольны были Ангелы всей этой затеей, но помогали подопечным изо всех сил: и охрану сажинскую отвлекали в момент похищения автомобиля, и зайцев направляли на морковную тропу. Ангелы очень старались, чтобы мазайцы управились со своей операцией до темноты.

- Может, вызвать на подмогу других ребят? - спросил Юрик, воткнув в снег перед сараем последнюю морковку: такими оранжевыми пахучими вешками они обозначили всю тропу от стадиона до сарая, чтобы зайцы не сбились с пути. - А то вдруг у нас провианта не хватит? Ребята могли бы помочь с овощами.

- А они пойдут на это? - усомнилась Кира. - Зачем нормальным ребятам мазайцами становиться? Это только я, дура, с вами тут выкладываюсь по старой дружбе. А могла бы пойти с другими в бассейн или просто с Кутькой погулять...

- Не могла - ты же не предательница, - успокоила ее Гуля. - А без ребят пока обойдемся, они нам еще понадобятся. Когда мы спасем всех зайцев, надо будет спасать деревья...

- Да угомонись ты со своими деревьями и подумай лучше о капусте! Не можем мы зайцев держать на одной морковке, и вообще у них капуста любимое блюдо. Поехали за капустой! - скомандовала Юлька.

Хорошо, что ребята работали и споро, и скоро.

А еще лучше, что святые Ангелы им помогали изо всех своих ангельских сил. Дело в том, что бесы крестовские уже тоже организовались и развернули свою подлую антикампанию. В сумерках они все по приказу Кактуса вылетели гонять зайцев. Они думали, что справятся с этим легко и весело, но не тут-то было! И дело даже не в том, что их самих сразу же принялись гонять Ангелы, а дело было в самих зайцах. Это были особенные зайцы, закаленные в борьбе за выживание, они не боялись ни людей, ни собак, ни милиции - им ли было бояться бесплотных духов!

Бесы пытались зайцев пугать, рожи зверские корчили, зубами щелкали по-собачьи, шипели порысьи и завывали лютыми волчьими голосами. Они выскакивали на морковную тропу и размахивали своими когтистыми лапами перед самыми мордочками зайцев... А зайцы не обращали на бесов ни малейшего внимания и запросто лихо проскакивали прямо сквозь них, если видели впереди на снегу морковку или капустный лист: они только волков боялись и охотников, а больше никого.

В общем, шуму от бесов было много, а толку ни капельки. И бесы выли от бессильной злобы, понимая, что расстрелов на стадионе им больше не дожидаться, неповинной заячьей кровушке не порадоваться. А страшней всего бесам было то, что они понимали - дети Крестовского острова начинают чувствовать ответственность за своих зайцев и любить их. И вот это им было как нож острый, ведь бесов от любой любви живых созданий друг к другу просто корчит и выворачивает наизнанку! И знаете почему? Нет? Ну так я вам скажу: от мучительной зависти. Сами бесы, с тех пор, как были низринуты с Небес, полностью утратили возможность любить. А жить и никого не любить - это самое мучительное уродство во всей вселенной, это в тысячу раз хуже, чем жить без руки или ноги, без слуха или зрения. Даже бесы от этого страдают, хотя

никогда и никому в этом не признаются, а уж о людях и говорить нечего. Страшная это мука - никого не любить.

Ангелы же всю махали крыльями, выгоняя зайцев из-под скамеек и направляя их на снежную тропу, утыканную вкусной морковкой.

- Ура! - кричали ребята, видя как неустрашимые зайцы длинной чередой бегут по их тропинке, останавливаясь лишь для того, чтобы похрустеть капустой или морковкой. Похрустел, схрустал - и дальше побежал. Ребята даже отошли подальше от тропинки, чтобы зайцам не мешать. Ну и побаивались они их немного, уж больно отчаянные были зайцы...

А Гуля стояла возле самой тропы с недогрызанной морковкой в руке, размахивала ею и громко пела:

Грызут морковку ловко и взрослые и дети, как будто им морковка вкусней всего на свете!

Морковку очень важно есть - в ней ви-та-ми-ны есть!

У Гули, как это часто бывает у полных девочек, был красивый и сильный голос, она даже пела в детском церковном хоре при своем Благовещенском храме. Видно, зайцам ее пение тоже понравилось, потому что они ее совсем не пугались. И она их тоже не боялась ни чуточки.

За обедом сестер и их гувернантки за столом не было. Павел Иванович объяснил их отсутствие тем, что они сегодня рано вернулись из лицея и вскоре отправились со всей своей компанией и гувернанткой Александрой на прогулку по острову.

- Александра предупредила, что они вернуться во второй половине дня, ближе к вечеру.

- Интересно получается, - заметил Дмитрий Сергеевич, - из лицея сразу отправились на прогулку, вернутся только вечером: а уроки когда делать?

- Митенька, завтра выходной - какие уроки? - напомнила ему Жанна. - И вообще, наша гувернантка знает что делает.

- Ладно... Ну что ж, дорогие, давайте воспользуемся их отсутствием. Итак, у кого какое мнение о нашей новоиспеченной гувернантке?

- Я считаю, Дмитрий Сергеевич, что ваше решение нанять гувернантку было абсолютно правильным, - сказал Акоп Спартакович. - Девочки не скучают, уроки делают вовремя и каждый день проводят на свежем воздухе по несколько часов.

- И при этом находятся под надежной охраной и строгим контролем, - добавил Павел Иванович.

- Ну уж и строгим, - недоверчиво хмыкнул Мишин. - Откуда у этой пигалицы строгость? А ты, Жанна, что скажешь?

- Я гувернанткой довольна, - коротко ответила Жанна и принялась за фруктовый салат в молочно-медовом соусе с корицей.

- Ну, если все довольны...

- А что тебя смущает, Митя? - спросил Павел Иванович.

- Молода уж очень...

- Ну, вот приедет твоя теща, будут у девочек две воспитательницы, молодая и старая.

- Теща у меня не старая, а просто пожилая. Ох, уж я ее жду, не дождусь! Будет бабушка в доме - будет и в детской порядок.

Жанна поперхнулась десертом и закашлялась.

- Ненавижу... Ненавижу эту проклятую корицу! - просипела она, выскочила из-за стола и убежала к себе наверх.

- Корица-то ей чем не угодила? - удивился Мишин. - Сама же твердит все время, что зимой корица предохраняет от простуды... Странные люди эти женщины!

А к вечеру в доме поднялась тревога и стала возрастать от часа к часу. Сначала позвонил дедушка Наташи Гуляровской и спросил, не у Мишиных ли его пропавшая внучка. Он же сообщил, что Киры Лопухиной тоже до сих пор нет дома. Потом позвонил Сажин и пожаловался: у него угнали машину прямо из гаража. Причем кража какая-то странная: украли старенькую малолитражку, а до стоявшего рядом новехонького шестисотого мерса даже пальцем не дотронулись, отпечатков не оставили. Так ему сказали специалисты по угонам, тщательно осмотревшие гараж изнутри и снаружи.

- И сын куда-то пропал! Как ушел утром в лицей, так до сих пор и не возвращался... Тебе вот проще, у тебя и Жанна, и еще эта ваша новая гувернантка. Я от своего про нее только и слышу, какая она крутая да прикольная. Хотел ему тоже гувернера нанять, так он вопль поднял - он, мол, не девчонка! Отправить его, озорника, в закрытую школу куда-нибудь в Англию, что ли?

- Я одну такую озорницу отправлял. Сам знаешь, что из этого вышло, - напомнил Мишин. - Дети должны учиться дома! Кстати, моих обеих тоже с утра дома нет. И Гули с Кирой, подружек их неразлучных.

- Та-ак... Митя, давай-ка начинать искать наших ребятишек! Чует мое сердце - пора!

- Теперь и я вижу, что пора. Поднимай своих!

И они подняли по тревоге всю личную охрану, а также отчасти задействовали имеющиеся на острове силовые структуры.

Уже через полчаса дом Мишиных, охваченный всеобщим беспокойством, сиял всеми своими окнами, в ворота то въезжали, то выезжали крутые джипы с молодыми людьми в пятнистой камуфляжной форме и с оружием.

Одна только Жанна ушла в свою комнату и там тихо радовалась в пропахшей восточными курениями зловещей полутьме.

- Может, они сегодня вообще домой не вернуться! Может, их уже и в живых нет! - ликовала она. - Надо же, как быстро управилась с девчонками воспитанница матери Ахинеюшки! А ты, пуфик мой мохноногий, уже начал сомневаться в Александре! - поддразнила Жанна Михрютку. - Глупая ты табуретка стоеросовая!

- Еще бы мне в ней не сомневаться, когда за нею Ангел ходит, - проворчал домовый.

- Ах, да говорю же тебе, что это никакой не Ангел, а бес в виде Ангела! Будто ты не знаешь, что бесы умеют и Ангелами прикидываться?

- Может, ты и права, хозяйка, а мне вот сомнительно. Если он из наших, то почему ж у меня от одного его вида живот пучить начинает?

- А это тебя, Михрюточка, твоя собственная злоба изнутри распирает!

- Твоими бы устами, хозяйка, да йод пить! - проворчал Михрютка.

- Ты вправду думаешь, Жанна, что они совсем домой не вернуться? - с интересом спросил Жан.

- Я надеюсь, Жанчик. Ах, как же я на это надеюсь! Я бы этой Александре, если бы она справилась с девчонками, подарила бы свою лучшую норковую шубу! Ну, ту, которая немного порвалась под левой мышкой...

Девочки явились в десять вечера. Сестры в сопровождении гувернантки вошли в ярко освещенный холл и остановились. Дмитрий Сергеевич вышел их встречать на площадку второго этажа и тоже остановился, молча сверху разглядывая всех троих.

А посмотреть было на что! Одежда у сестер и гувернантки была вымазана чем-то зелено-коричневым, а кое-где даже и порвана, в растрепанных волосах застряли сухие травинки; сапожки у них были забиты снегом, который тут же начал таять в тепле, образуя на паркете общую на троих лужу. А гувернантка их хваленая еще и притащила в холл грязную и даже чуточку продравшуюся сбоку сумку для гольфа - между прочим, его, Мишина, сумку! Причем колеса у сумки явственно косолапили. Но перемазанные физиономии у этой беспардонной тройцы так и сияли!

Нахмурившись, Мишин медленно и грозно двинулся к ним вниз по лестнице. Не давая отцу опомниться, Юлька подскочила к нему и сунула ему под нос зайчонка, которого держала за уши в вытянутой руке.

- Папка! Ты посмотри кто у меня! Настоящий живой заяц!

Зайчонок, как бы подтверждая сказанное, тотчас пустил пахучую желтую струю прямо на левую туфлю Мишина.

- Юлька, прекрати это сейчас же! - завопил Дмитрий Сергеевич, в панике глядя на свою опоганенную обувь.

- Папка! Как же я могу ЭТО прекратить? Это же не я, а зайчик, - резонно заметила Юлька.

- Что ты за девочка, Юля? - возмутился отец, брезгливо переступая с ноги на ногу. - Почему вот Аннушка никогда так не безобразничает, не тащит в дом всякую... что попало?

Аннушка потупилась и развела обеими руками - а в каждой руке она держала за уши по маленькому серому зайчонку.

- Прости, папочка, - прошептала она, не поднимая глаз, - я тоже зайчиков принесла... Ты на нас не сердись, ладно?

Сердиться на Аннушку Мишин не умел, он только растерянно погладил ее по взлохмаченной голове. И тотчас одернул руку, уколовшись о какую-то соломинку.

- Знаешь, папочка, а мы когда-то очень давно, года два назад, нашли с мамой в лесу зайчонка, принесли домой и сами его вырастили. А потом в лес отнесли и выпустили. Вот мы и этих

зайчиков вырастим и выпустим.

Тут уж Мишин совсем растаял, наклонился и осторожно поцеловал Аннушку в макушку. И тут же слегка поморщился - Аннушкина макушка пахла как-то не так, совсем даже непривычно она пахла.

- Какие симпатичные зверушки, однако... Надеюсь, вы не будете держать их в своей комнате?

- Может, поселить их в какой-нибудь комнате для гостей? - спросила Юлька.

- Лучше в подвале. Там тоже есть свободные помещения. Для таких гостей они будут в самый раз.

- А в подвальном помещении зайцам не будет слишком жарко? - вмешалась Александра.

- Так. Ну, а вы, Александра Николаевна, взрослая девушка с дипломом педагога... Диплом у вас вроде как с отличием даже?

- С отличием.

- И кого же ВЫ сегодня изловили и принесли в этот дом?

- Кое-кого принесла, - невозмутимо ответила Александра и подтащила поближе к нему сумку для гольфа. - Хотите взглянуть? - Она принялась развязывать горловину сумки.

Мишин поглядел на сумку, понюхал воздух, сморщил нос и уклонился:

- Большое спасибо, но лучше не надо. Вы просто скажите, кто там у вас?

- Зайчиха. Ну и немного зайчат к ней в придачу...

- Зайчата еще совсем грудные, папочка! - пояснила Аннушка. - Они почти что прямо при нас родились, представляешь? Лежат, бедненькие, на голом снегу, ушками дергают, глазками моргают... Невозможно же было там их оставить, правда? Мы побоялись, что сами не сумеем их выкормить, ну и прихватили заодно их маму-зайчиху.

- А что, Гуля, Кира и Юрий тоже вместе с вами целый день зайцев гоняли по острову?

- Да. Мы ведь одна крестовская компания, папка, ты же знаешь! - ответила Юлька. - Только зайцев мы не гоняли, а как раз наоборот.

- Как это прикажете понимать - наоборот?

- Мы спасали их от гонений.

- Какие такие гонения на зайцев у нас на Крестовском острове объявились? Я что-то ни о каких таких гонениях не слышал! Что все это значит, Александра Николаевна?

- Это значит, что мы их собирали в одно место, спасая от отстрела.

- Что-о?! Какого такого отстрела, я вас спрашиваю? Ну-ка выкладывайте, чем вы занимались весь день, и от какого отстрела вы спасали зайцев? Только говорите мне всю правду, пожалуйста!

- Девочки уже сказали вам правду, Дмитрий Сергеевич: мы спасали зайцев от зверского отстрела по приказу бездушных властей. Вчера ночью множество зайцев было застрелено на заброшенном стадионе Кирова. Юрик Сажин случайно там оказался и все видел, а потом нам рассказал.

- Совершенно случайно оказался ночью на заброшенном закрытом стадионе?!

- Ну, как-то же он там оказался! Да дело не в этом, а в том, что он увидел своими глазами зверскую расправу взрослых людей над беззащитными животными. После занятий в лицее он пришел сюда и рассказал все нашим девочкам и Гуле с Кирой. И мы решили, что зайцев надо немедленно спасти от возможной новой экзекуции.

- И как - спасли?

- Похоже, что да. Мы увели их со стадиона в безопасное место.

- И много на стадионе было зайцев?

- Мы не считали, но несколько сотен - это точно.

- Ну, тогда понятно, почему вы все в таком виде явились... - Дмитрий Сергеевич подошел к Александре, протянул руку к ее голове, вытащил у нее из волос засохший колосок тимopheевки, понюхал его, бросил на пол и спросил:

- А чем это от вас всех так шмонит?

В тепле одежда мазайцев оттаяла и начала испускать уже совсем густой звериный дух. Александра поджала губы и отступила назад.

- Что значит «шмонит», Дмитрий Сергеевич? - строго спросила она. - Я такого слова...

Но Юлька не дала ей договорить.

- Так это же зайцами, папка! Зайцами от нас и шмонит! Мы перевозились, пока их на новоселье устраивали!

- От нас правильно пахнет, папочка, мы же теперь мазайцы! - радостно доложила Аннушка. Она подлезла под руку отца, засунув своих зайчат в карманы куртки и придерживая их там руками. Юлька тут же просунулась под его другую, свободную руку.

- Мазайцы - это последователи деда Мазая? - спросил Дмитрий Сергеевич, обнимая дочек.

- Ну да! Это Александра Николаевна придумала!

- Ну кто же еще мог такое придумать, она же у нас филолог! Так вы хотите сказать, что на стадионе больше зайцев не осталось?

- Похоже, что не осталось.

- Как же вы их всех переловили?

- А мы их и не ловили, папа, - сказала Аннушка, - мы их просто увели со стадиона в безопасное место.

- Ну и молодцы, девчонки, что спасли длинноухих. Природу надо любить. И как же это вам удалось, Александра Николаевна? Вы что, уговаривали зайцев переселиться на новое место?

- Нет, не уговаривали. Мы устроили для них столовую подальше в парке, проложили туда от стадиона тропинку и расположили по всей ее длине морковь и капустные листья. Ну, они и двинулись по тропинке туда, куда мы им вкусный морковно-капустный путь проложили. Они же соскучились по свежим овощам.

- Остроумно. И руководили всей операцией, конечно, вы?

- Я, - скромно потупилась Александра.

- Пап! Знаешь, как Юрка и все Крестовские ребята говорят про нашу Александру Николаевну? «Крутая гувернантка!» - с гордостью поведала Юлька.

- Я с ними вполне согласен - куда уж круче! Да, кстати о Юрике. Что он был с вами от начала до конца, в этом я даже не сомневаюсь. А вот не имел ли он отношения к похищению машины из гаража Сажина?

- Да мы ее уже давно на место поставили, ты не волнуйся, папа! - сказала Юлька.

- Мы на ней овощи возили из магазина, - пояснила Аннушка.

- А кто вел машину?

- Я, - ответила Александра.

- У вас что, права есть?

- Да, есть.

- Покажите!

- Прямо сейчас?

- Желательно. Они же должны у вас быть с собой, раз вы сегодня были за рулем?

- Сейчас это невозможно, я права в Москве оставила. Но я напишу сестре, и она мне их вышлет.

- Так. Если я правильно понял, Александра Николаевна, вы сегодня вместе с детьми угнали чужую машину и раскатывали в ней по острову, не имея при себе водительских прав? - сурово спросил Мишин.

- Ах, Митенька, ну почему же чужую? - вмешалась вдруг Жанна, до того молчавшая в сторонке.

- Машину взял Юрик Сажин у своего отца, взял для своих товарищей...

- Для каких товарищей - для зайцев? Если он с этих лет начал угонять машины, то ему скоро тамбовские волки станут товарищами, а не зайцы!

- Юрик это сделал ради наших девочек, чтобы они не надрывались, таская из магазина овощи для своих зайчиков. Что делать, если он такой рыцарь? Ну, зайка, да перестань же ты сердиться из-за пустяков, это ведь твои любимые дочери!

- Что-то ты очень их защищаешь в последнее время, - проворчал Мишин, остывая.
- И потом, это же просто замечательно, что у Александры есть права! Она сможет теперь отвозить девочек в лицей и забирать их обратно. Я даже могу давать ей для этого свою машину.
- Ну-ну, будто другой машины в хозяйстве не найдется... Так куда же вы отвозили овощи для зайцев на похищенной автомашине Сажина? Туда хоть дорога-то есть, к вашему заячьему пристанищу? Ну, что вы молчите-то, дочери мои милые, дочери мои любимые?
- Ты опять сердиться начнешь, папа! - сказала Юлька.
- Это почему же я начну сердиться? - насторожился отец.
- Потому что мы возили овощи к нашему старому сараю, папочка, - ответила Аннушка дрогнувшим голосом.
- Это какой такой «наш старый сарай»? - Мишин опять нахмурился и вопросительно поглядел на Александру.

Конечно, Жанна знала, о каком сарае идет речь, но тут уж она не стала вмешиваться и промолчала, будто знать не знала ни о каких заброшенных крестовских сараях. Однако мысленно еще раз похвалила находчивую гувернантку: хорошее местечко та выбрала для забав с воспитанницами, в стороне и глухомани. Проверенное, можно сказать, местечко!

- Какой сарай, я вас спрашиваю, Александра Николаевна? - уже совсем сурово спросил Мишин, уставившись на Александру.
- Обыкновенный, кирпичный, - пожав плечами, ответила Александра. - И чего это вы, Дмитрий Сергеевич, так всполошились из-за какого-то старого сарая?

Мишин побагровел и набрал в грудь как можно больше воздуха: казалось, он сейчас либо лопнет, либо взлетит к потолку, либо выпустит весь скопившийся воздух в громовом рычании. Но он заговорил тихим-претихим голосом - и это было еще страшнее.

- Юлианны, это уж не тот ли сарай, в котором вы свой киднеппинг разыгрывали?

Сестры опустили головы.

- В котором вас заперли бандиты? Сестры молчали.
- Откуда вы подземным ходом едва на волю выбрались? Где вы едва-едва не погибли?

Сестры обнялись и тихонечко заскулили. И тут, наконец, грянул гром.

- Да я завтра же взорву этот ваш сарай! Да я его по кирпичику разнесу и место засажу дубами! Столетними!
- Папочка, в сарае зайцы - нельзя его взрывать! - кинулась к нему Аннушка.
- Папка, ты никогда этого не сделаешь, ты же не террорист! - завопила Юлька.
- Юлия! - возмутилась Александра.

- Да ладно вам, Александра Николаевна! Я же знаю, что мой отец на такое злодейство не способен! Правда, папуль?

Мишин вздохнул и снизил громкость.

- Так, с вами все ясно, Юлианны. Марш в ванну, а потом сразу по кроватям! Да отмойтесь как следует, чтобы от вас зайцами не несло на весь дом. А завтра из дома ни шагу! Будете сидеть неделю под домашним арестом в своей комнате и думать о своем поведении. Вас это тоже касается, Александра Николаевна!

- Что-о? Меня - тоже иод арест? - возмутилась Александра.

- Да, вас!

- Но...

- Никаких но! Все, на сегодня с меня хватит! Все трое наверх - шагом марш! - скомандовал Мишин.

Сестры медленно, виновато шаркая ногами, поплелись наверх. За ними гордо поковыляла Александра, таща за собой попискивающую косоколесную сумку.

- Александра! Когда освободите сумку от зайчихи с крольчатами, не сочтите за труд вынести ее на помойку! - крикнул Мишин ей вдогонку, в гневе забыв про отчество гувернантки.

- Не крольчата, а зайчата, - поправила его Александра, перегнувшись над перилами. - К вашему сведению, Дмитрий Сергеевич, зайцы и кролики - это совершенно разные животные.

- Что-о? Да я вас завтра же уволю! Нет - в следующий понедельник, после того, как отсидите свой срок вместе с девчонками!

- Кроме срока ареста по вашему приговору есть еще мой испытательный срок гувернантки, записанный в договоре, а он кончается только через две недели, - отрезала Александра. После чего отправилась наверх, стараясь при этом сохранить по возможности гордый вид, что было очень сложно, поскольку она тащила за собой по ступенькам полуразвалившуюся тяжелую сумку с зайчихой и ее потомством.

- В таком случае, домашний арест продлевается на две недели! - крикнул ей вдогонку Мишин.

- Папа, мы не можем сидеть дома две недели, нам надо зайцев кормить! - закричала с площадки второго этажа Юлька.

- И в лицей ходить! - жалобно пискнула Аннушка.

- В лицей вас будет кто-нибудь отвозить и привозить обратно на машине. А остальное время будете сидеть под домашним арестом! Все!

- Па-поч-ка! - дуэтом простонали Юлианны.

- Я сказал!

Александра вдруг вернулась с полдороги и встала перед Мишиным.

- Знаете что? Это... Это абсолютно неправильный метод воспитания!

Но тут перед взбунтовавшейся гувернанткой вдруг возникла Жанна.

- Будьте добры, идите к себе, Александра! - строго сказала она. При этом она незаметно подмигнула Александре и даже чуточку улыбнулась.

Та сверкнула на Жанну черными глазищами, быстро поднялась по лестнице, грохоча тележкой, и вместе с сестрами исчезла в коридоре.

- Митенька, наша гувернантка не знала, что с этим сараем связано хулиганство Юлии и Анны. Откуда ей было знать, что это запретное для них место? Ее на первый раз можно и простить. Что это ты на нее, бедняжку, так накинулся?

- Тоже мне, нашла бедняжку... Ишь, глазищами так и сверкает, как локомотив в туннеле! А ты что-то уж очень к ней добра, - проворчал Мишин. - Ладно, ее я прощаю - можешь ей завтра так и передать. В конце концов, она и вправду могла не знать про киднеппинг. Но девчонки пусть остаются под арестом!

- Хорошо, Митенька, как скажешь.

- А вот с зайцами надо что-то делать...

- Да что с ними делать, Митенька? - пожалала плечами Жанна. - Перестреляют их в конце концов, или сами с голоду передохнут. Ты уже позвонил родителям всех остальных этих... мазоистов?

- Мазайцев, - поправил ее Мишин. - Сейчас позвоню, только соберусь с силами.

- Ты что, боишься? - удивилась Жанна. - Будь мужчиной, Митенька!

- Я мужчина, но я мужчина с ушами, и мне неприятно будет слушать от знакомых, что это опять мои девочки их невинных деток с пути истинного сбивают!

- Придется пережить, Митенька, - вздохнула Жанна, - поскольку в таком утверждении содержится значительная доля правды.

- Сам знаю, да слушать-то какво!

Глава 5

Как вы там, девчонки? Попало от отца здорово? - первым делом спросил Юрик, дозвонившись до сестер поздним воскресным утром.

- Ой, не то слово! Мы под домашним арестом на две недели, - пожаловалась Юлька. - Нас даже в храм сегодня не пустили!

- Не слабо! А меня отец ругал, ругал за машину, под конец устал ругать или самому надоело, и он сказал, что если у Александры Николаевны действительно есть права, то он разрешит ей иногда брать машину и возить всю нашу компанию и по городу, и за город.

Отец Юрика, правда, добавил: «Если только ее Дмитрий Сергеевич завтра не уволит, как обещал!», но об этом Юра говорить девочкам не стал, чтобы их не расстраивать.

- Так что дальше с зайцами будем делать? Кто их кормить-то станет, если вы сидите под

арестом?

- Кому повезло остаться на свободе, тот и кормить будет. Продолжит начатое дело! - сурово сказала Юлька. - Ты, Юрка, составь обращение, ну что-нибудь типа «Спасем Крестовских зайцев!», распечатай его на принтере, а в понедельник мы его разнесем по всем классам, - распорядилась она. - А сегодня уж справляйтесь как-нибудь своими силами. Там должно хватить овощей, они же вчера вон как налопались!

- На один день может и хватит. Ладно, я прямо сейчас займусь листовками, а потом их к вам принесу.

- К нам нельзя! Папа запретил гостей к нам пускать, даже охрану предупредил.

- Ну а передачку-то хоть можно передать? Принести вам пирожных или что-нибудь еще?

- Да не надо! Нам Екатерина Ивановна с утра яблочный пирог со взбитыми сливками испекла. Утешительный - так она его назвала. Вкуснотища! Если хочешь, приходи к дому, и мы тебе из окна кусочек на веревке спустим, так и быть.

- Ничего себе арестантки - с пирогами Екатерины Ивановны!

- Красиво жить не запретишь, начальник! - ответила Юлька словами заключенного из какого-то фильма, за что тут же получила по макушке от Александры.

Потом позвонила Гуля.

- Привет, Юлианны!

- Привет, Гуля!

- Мне Юрка уже все рассказал. Ну что, сидим, значит?

- Сидим.

- И пироги вкусные едим?

- С горя объедаемся, Гуленька, с горя!

- Как я вас понимаю... Но пока вы там пирогами объедаетесь, я тут на досуге придумала, как защитить деревья от зайцев. Вернее, мне бабушка подсказала по дороге, когда мы из церкви шли через парк.

- Правда? Рассказывай!

- Сейчас все выбрасывают новогодние и рождественские елки, так?

- Уже давно выбросили.

- Да нет, они повсюду еще валяются - и на Каменном острове, и на Крестовском, я видела. Так вот, мы эти елки подберем, срежем с них ветки и обвяжем ими молодые деревца. Это меня бабушка моя научила: она говорит, что когда у них в деревне был яблоневый сад, они яблоньки еловыми ветками от зайцев обвязывали.

Оказывается, Гуля все-таки послушалась своего Ангела Хранителя, велевшего ей переключить

внимание ребят на охрану зеленых насаждений - просто его слова до нее не сразу дошли!

- Гуля, а ты случайно не заметила, что прошел уже почти месяц после Нового года и три недели после Рождества?

- Ну и что?

- Так елки же все наполовину осыпались!

- Верно, они уже должны были осыпаться... А если подбирать только искусственные?

- Сомневаюсь, что на улицах валяется много искусственных елок, они же дорого стоят и хранятся долго. Ты лучше обрати внимание на те елки, которые на улицах выставлены - возле ресторанов, кафе и магазинов. Они все время стояли на холоде, вот они не должны были так скоро осыпаться.

- А хозяева разрешат их забрать?

- Да запросто! Надо только сначала позвонить им по телефону и сказать, что пора выставленные на улицу новогодние елки убирать, потому что они осыпаются. Можно еще и штрафом пригрозить за нарушение чистоты. После этого объезжайте рестораны и магазины с санками и спокойно грузите на них все елки подряд - никто вам ничего, кроме «спасибо», не скажет!

- Хорошо придумала, Юлианна! Молодец!

- Ой! Ты говоришь «молодец», а вот Аннушка с Александрой с двух сторон меня под бока толкают и говорят, что я озорница!...

- Они тебя недооценивают: ты вообще-то целая хулиганка, а не озорница. Но придумала ты здорово! Спасибо!

- Да ладно, чего там, всегда рада помочь. Слушай, Гуля, а тебя дед с бабушкой здорово вчера ругали?

- Нет, они меня пожалели за мой усталый вид и сразу кормить кинулись.

- Ясно! Откуда им было знать, сколько ты за день заячьей морковки сгрызла? А Кире попало, не знаешь?

- Кирина мама и не знает, когда дочка вчера домой вернулась и в каком виде, она же вечерами рано на работу уходит. Кирка сейчас в ванной отмокает после вчерашних перегрузок и пытается свой маникюр восстановить. Она мне только что прямо из ванны звонила.

- А нам досталось! Мы все трое на две недели под домашним арестом.

- Кошмар! Я думала вас посадили только на воскресенье... Ой! Так вы и в лицей ходить не будете?

- Вот в лицей как раз ходить будем. Обидно, да? Папа попросил Павла Ивановича возить нас туда и обратно, чтобы мы из-под ареста не удрали.

- Это хуже... Слушайте, а как это понять - «все трое под арестом»? Откуда вас трое?

- Мы с сестрой и гувернантка.
- И она согласилась идти вместе с вами под арест?!
- Не бросать же ей нас в беде!
- Ну, класс!
- А то! Так что вам с Кирой и Юркой придется пока самим зайцев кормить.
- Ну-у, без вас неинтересно!...
- Нечего-нечего! Проявите самостоятельность. Ну, а мы честно отсидим свой срок, выйдем на волю и станем вам помогать. Договорились?
- Ладно, что уж... Зайцев надо теперь кормить, раз мы сами их приманили. Но все равно без вас будет скучно.
- Вот и хорошо.
- Чего ж тут хорошего?
- А разве хорошо, если вы без нас скучать не будете? Какие ж вы тогда друзья? Мы тут, пока под арестом сидим, тоже время терять не станем, еще что-нибудь интересное придумаем... Ой, да что это меня сегодня все под бока толкают!
- Ладно, думайте!

Ангелы Иоанн и Юлиус переглянулись и только вздохнули. Ангел Александрос взглянул на собратьев с удивлением - он еще не успел оценить Юльку в полной мере.

Воскресенье прошло, а потом потекли скудные события будни домашнего ареста. Первую половину дня девочки проводили в лицее, потом, естественно, делали уроки, а после всего только один часик гуляли в саду - под присмотром Павла Ивановича. Одним в саду было скучно. От нечего делать во время прогулок они вылепили из снега скульптурные портреты домочадцев в натуральную величину, даже всех охранников, и расставили их вдоль подъездной аллеи. Получилось примерно как в Летнем саду, только гораздо веселее. Но Жанна юмора не оценила и свое изображение в виде снежной бабы с веслом ночью развалила и растоптала. Ну а остальные только хохотали и с гордостью показывали гостям свои снежные скульптурные портреты.

Еще сестры кормили в подвале зайчиху с зайчатами. Кормом их снабжала Екатерина Ивановна. Сестры брали у нее не только овощи, но и любые съестные остатки, все подряд: мама-зайчиха оказалась в еде непривередливой, к утру все подчистую сметала, даже творогом и сыром не брезговала. Только мяса ей, конечно, не предлагали.

Сестры попросили Таню купить для заячьего семейства кошачий домик с закрывающимся входом. Конечно, можно было оставить зайчиху с детьми жить в папиной сумке для гольфа, но девочки решили, что в кошачьем домике ей будет уютней. Так и оказалось: зайчиха с малышами днем даже и не вылезали оттуда, а если сестры поднимали круглую дверцу и пытались заглянуть в домик, она высовывалась, недовольно фыркала и норовила стукнуть мощной когтистой лапой по любопытным носам. В конце концов Александра велела им больше не нервировать многодетную мать и в кошачий домик вообще не заглядывать, так что с

зайчатками девочкам поиграть не пришлось. Они только убирали за ними следы после ночных вылазок: зайчиха, видно, приучала детей к аккуратности и в своем домике они не гадили.

Неожиданно любимым занятием сестер стало общее чтение. Александра вдруг выяснила, что сестры - это в их-то возрасте! - не любят и не умеют читать вслух, запинаясь на сложных словах и путают ударения. Потрясенная гувернантка тут же принялась исправлять упущенное: она выбрала из своих книг «Ветер в ивах» Кеннета Грэма, и теперь они вечерами читали эту книгу по очереди. Слушая сказку про чудесных зверушек, девочки занимались рукодельем - еще одна идея гувернантки. Юлька нашивала на свои старые джинсы цветочные аппликации: летние джинсы Александры, которые она в первый день продемонстрировала нечаянно из-под черной юбки, произвели на Юльку неизгладимое впечатление, и ей захотелось иметь точно такие же. Аннушка, когда не читала, тоже рукодельничала: она вязала отцу ярко-алый и очень длинный шарф. То есть шарф был задуман длинным-предлинным, а пока что он был короткий, как кукольное одеяльце, ведь Аннушка еще только училась вязать.

- Ты папин шарфик как раз к следующему Рождеству закончишь! - поддразнивала сестру Юлька.

- Вот и хорошо, - рассудительно отвечала Аннушка. - К лету я уже перестану в петлях путаться, и мне не придется без конца его распускать - так что за лето и осень он потихоньку и свяжется.

- Ну вот откуда у простого человека столько терпения? А ведь вроде бы родные сестры... Но я-то свои джинсы к маю закончу и пойду в них на открытие летнего сезона в «Чудо-острове»!

- Угу. Сядешь на карусель и будешь сверху прохожих цветочками осыпать.

- Какими такими цветочками? - не поняла Юлька.

- А теми, которые будут у тебя со штанов осыпаться. Смотри, как ты небрежно их пришиваешь, Юля!

- Это еще не пришивание, а только наметка. Правда, Юлия? - с нажимом спросила Александра.

Юлька полюбовалась кое-как пришитыми цветочками.

- Неужели так уж плохо? - недоверчиво спросила она.

- Боюсь, что такое шитье даже и в наметку не годится. Смотри, все вкривь да вкось и топорщится. Пороть придется! - сказала Александра.

- Вот кончу все цветы пришивать и тогда решим.

- Как в присказке: «Шьешь, девушка? - Шью, - А когда пороть станешь? - Вот только ниточку дошью».

- Вроде того! - покладисто согласилась Оля: ей все равно ужасно нравилось ее рукоделье.

Отец, заглядывая в комнату сестер и видя их прилежные и благонравные занятия, хвалил, целовал их и даже обещал пересмотреть сроки наказания. Александре он тоже делал одобрительный кивок, а иногда даже улыбался. Это потому, что заглядывал он как раз в такое время, когда друзья Юлианн обедали или ужинали. А в остальное время, когда они кормили зайцев, телефонные вызовы в комнате сестер звучали почти непрерывно.- Александра и

сестры продолжали из-под ареста руководить мазацами:

- Подойдите к закрытию рынка! Екатерина Ивановна говорит, что в это время можно купить овощи гораздо дешевле. Только берите ящиками - с оптовой скидкой!

- Если на Крестовском больше нет елок - едите вечером к катку на Елагин остров: там вдоль дорожек для конькобежцев елочки в снег понатыканы, ну так вы их проредите немножко.

- Детсадовцы - тоже островитяне! Только тут подход нужен. Вы сначала сходите к директору детского садика и объявите, что можете показать детишкам живых зайцев на свободе: только пусть каждый ребенок принесет из дома морковку или капустную кочерыжку.

- Бомжи - они такие же бездомные, как зайцы, только трусливые! Пусть уж они таскают у вас овощи из ящиков, лишь бы наших зайцев ловить не пытались.

Ну и все в таком роде.

Ребята из природной школы «Зеленый остров» прознали про мазацев и сами явились к ним предложить свою помощь. Юлька сначала забеспокоилась, что они начнут командовать операцией - все-таки профессионалы! - но юные экологисты держали себя вполне дружески, а помощь от них была огромная. С ними приходили и самые маленькие экологисты из «Школы Милле», первоклашки и даже детсадовцы, и приносили для зайцев морковь, яблоки и кочерыжки от капусты.

Вечером Юрик присылал Юлианнам по электронной почте полный отчет за день: сколько ящиков с сеном, морковкой и капустой расставлено на ночь вокруг сарая, на каких близлежащих аллеях обвязаны еловыми ветками все молодые деревца. Отчет на другой день обсуждался на большой перемене, и составлялся новый план на следующий день. Так что изолировать сестер от их компании оказалось практически невозможно.

Жанна, хоть и была огорчена тем, что первая попытка Александры по устранению сестер провалилась, тем не менее, высоко оценила ее труды и как-то с утра решила съездить к матушке Ахинее - поблагодарить. Она купила роскошный торт под названием «На графских развалинах» и коробку конфет «Мечта Дракулы» - гематоген в шоколаде.

Вернулась она от матушки Ахинеи совершенно взбешенная.

Жан тоже стучал хвостом по паркету и скрипел зубами от ярости: он ведь предупреждал хозяйку, что с этой Александрой что-то не так! Самозванкой оказалась гувернантка, а хозяйка - дурой!

Столкнувшись на лестнице с Александрой, Жанна так и прошипела ей прямо в лицо:

- Самозванка! Собирай свои вещи и убирайся немедленно из этого дома, дрянь!

- И не подумаю, - спокойно ответила удивленная Александра. - У меня еще испытательный срок не кончился.

- Я тебе приказываю!

- В письменном виде, пожалуйста, и на стол Дмитрию Сергеевичу. Как он решит - так и будет.

Писать Жанна, конечно, ничего не стала, но Мишину заявила в тот же день:

- Митенька! Гувернантку надо увольнять!

- Это почему вдруг? - удивился Мишин. - Она ведь тебе понравилась.

- А теперь разонравилась! Я ее ненавижу!

- Это за что же?

- Ну, за ту историю... с зайцами!

- Жанна, два раза за одну вину даже государственные органы не карают. Девочкам с этой Александрой хорошо, ну и оставь их в покое. Ты ведь сама хотела устранишься от их воспитания.

Жанна хотела уже закричать: «Или я, или она!», но чутье подсказало ей, что это слишком рискованный ультиматум, и она эту идею оставила. Зато она прямо от Мишина побежала к Александре, постучала в дверь и, не заходя в комнату, прошипела с порога:

- Не знаю, чем уж ты успела угодить Мишину, но я тебя все равно отсюда выживу!

Александра, конечно, ничего не поняла, но виду не подала и на всякий случай ответила:

- А это мы еще посмотрим, кто кого отсюда выживет! И будьте любезны, Жанна, закройте дверь - дует.

Жанна удивилась так, что даже ответить позабыла, и от удивления просто закрыла дверь и молча ушла на свою сторону.

За обедом Александра то и дело ловила на себе прожигающий взгляд Жанны. Если бы взгляд этот имел материальную силу, то у гувернантки выкипел бы весь суп из тарелки. Но поскольку такими свойствами взгляды Жанны не обладали, то Александра просто не обращала на них особого внимания. Но на всякий случай решила, что с Жанной надо быть настороже: нервная какая-то дамочка и непредсказуемая, то подмигивает и застывает, то выжить грозит и глазами испепеляет...

После обеда Жанна и Жан сидели прямо на полу в своих апартаментах: в кабинете-пещере с черными потолком и полом, красными стенами, в окружении колдовских причиндалов, в облаках дыма от магических курительных палочек и в тусклом свете черных свечей.

Оба они склонились над годовой подшивкой газеты «Тайная страсть», аляповато иллюстрированной и отпечатанной на скверной и дурно пахнущей бумаге.

- Ну и рожи у этих ведьм, прости меня, Гад! - с искренним отвращением бормотала Жанна, брезгливо листая пыльные страницы. - С такими мордами над пивом в забегаловках колдовать, а не магией заниматься. Что ж у этих ведьмочек денег нет на пластическую операцию или хотя бы на приличную косметику? Ну, просто одна страшней другой!

- Денег у них немного, это все мелкие ведьмы, а по большей части и вовсе шарлатанки. Но зато и готовы они ради денег почти на все - убьют и не заметят! - успокаивал ее Жан. - Как раз то, что тебе нужно, хозяйюшка.

- Да кому эти тетки могут навредить?

- В первую очередь тем, кто к ним обращается, конечно. Но и среди этой оккультной шантрапы

можно отыскать исполнителя для серьезного заказа.

- Ты думаешь? - Жанна с сомнением листала грязноватые газетные страницы. - Гаданье на картах Таро, гаданье на кофейной гуще, гаданье на капусте... Можно подумать, что половина людей обращается к гадалкам!

- Да нет, гораздо меньше. Гордецы надеются на себя, наглецы - на силу, хитрецы - на связи, а верующие - на Бога. Оставшиеся идут к гадалкам и колдуньям, а в конце концов попадают в лапы к нам.

- Ага, и тут иконы! «Старец-иерарх обеспечивает полную власть над любимыми и разрушает надоевшие браки. Действует по благословию Церкви». Чушь какая!

- Да уж, какие там иконы и благословение Церкви! Одни декорации и антураж, как у матушки Ахинеи.

- Зачем же они это делают, интересно? Нелепо как-то - колдовать и прикрываться Церковью.

- Э, не скажи, Жанна! Находятся православные дураки и дуры, которые клюют на эти лжецерковные приманки. Польза же от них двойная: колдуну - деньги, а клиентам - великий грех на душу. И, в конечном счете, все опять-таки оказываются в наших руках!

- Нет, мне иконы без надобности. От них и так в собственном доме житья нет.

- Ну, этот дом все меньше и меньше похож на твой собственный.

- Посмотрим, что дальше будет!

- А вот, смотри, как раз для тебя - большими буквами выделено - «НИКАКИХ ИКОН! Решение личных проблем».

- Да, по этому телефончику стоит позвонить...

- Не уверен. Уж больно шарлатански выглядит объявление - все в каких-то кровавых сполохах и черных тучах. За этим скорее всего скрываются обыкновенные сатанисты. Это они таким образом вербуют себе последователей: обещают помочь в решении личных проблем, а потом - глядь! - человек уже и в секте сатанистской. Я против сатанистов, конечно, ничего не имею, но тебе ведь не надо устанавливать отношения с бесами, у тебя с этим и так полный порядок! - Жан самодовольно ухмыльнулся и погладил себя по брюху.

- Угу. А вот обрати внимание на эту рекламку: «ДРУГ ЗВЕРЕЙ Гога Магилиани воекрешает мертвых животных!» А в самом низу мелкими буквами: «А также совершает обратные магические действия». И что, по-твоему, значит эта абракадабра - «обратные магические действия»? Заказные убийства зверей, что ли?

- Возможно, возможно... Мало ли злых соседей, желающих погубить соседского пса или кошку? Я про этого Гогу-Магогу много хорошего слышал: дурит он людей без зазрения совести и на огромные деньги кидает. Кое-кто и впрямь верит, что он их домашних любимцев воскресил!

- Да, интересный господин... И лицо такое - не приведи Гад в темноте столкнуться.

- В темноте как раз не страшно, в темноте лица не разглядишь, а вот на свету!... Ну, листай дальше, хозяйка!

- Ой, у меня от этой страницы какое-то покалывание в пальцах появилось! Заряженная она, что ли?

- Что там такое, ну-ка, ну-ка? «Страница-талисман на удачу. Создатель страницы экстрасенс высшей категории Кристина Савская». А, Крыся, Крысенька! Старая знакомая! Это и впрямь заговоренная страница: кто прочтет текст до конца, тот потом от этой ведьмы не отвяжется, пока все деньги ей не снесет.

- Это нам не походит, денег у нас лишних нет... Все! Хватит! - Жанна закрыла подшивку и хлопнула ею об пол, подняв облачко вонючей черной пыли. - Ничего я тут полезного не нашла. Поехали, Жан, к матушке Ахинее. Хоть и дорого она берет, а я в нее верю.

- Я тоже. Поехали!

Матушка Ахинея встретила их как всегда ласково, но тратить время на разговоры не стала и сразу перешла к делу.

- Ну что, хорошенькая моя, избавилась от самозванки, выставила ее из дому?

- Избавишься от нее, когда теперь уже весь дом за нее горой!

- Ну, сама виновата, не уследила, допустила подмену.

- Уследишь туг, когда кругом ангелы вьются!

- Да, трудный дом, прямо маленькая церковь! А церковь - та же крепость. Тяжелый случай, очень тяжелый...

- И друзья у моих падчериц почти все крещеные!

- Ты сказала «почти», куколка?

- Ну да... Есть одна девчонка, которая пока устояла. Наследственность у нее хорошая - мать в ночном клубе работает.

- Ну-ка, расскажи мне про нее поподробней, касаточка!

Жанна рассказала матери Ахинее все, что знала о Кире Лопухиной.

- Собачку, говоришь, пожалела? А вот это плохо! Не полная, выходит, эгоистка. Но придется рискнуть.

- А в чем тут риск заключается?

- Девчонку эту надо переманить на свою сторону. А риск - он всегда есть, когда с молодыми имеешь дело. Души у них еще не задубелые, не закопченные. То доброта в ворота, то любовь-морковь в сердце, глядь - и засияла душа светом ангельским! Тьфу! Вот когда закоптится душа, как у тебя, красота ты моя беспросветная, так ее никаким ангельским лучом не просветишь. Ну что, попробуешь переманить девчонку на свою сторону?

- Попробую, мать Ахинея. Рискну!

- Вот и молодец! Кто не рискует, тот пьет натуральные соки вместо шампанского. Собачка у нее, говоришь, есть? Вот через собачку и действуй. А я тебе талисманчик заговоренный дам -

поводок и ошейничек для песика. То есть не просто так дам, а продам, конечно.

Жанна вздохнула.

- А ты не жадничай, девушка! - прикрикнула на нее мать Ахинея. - Играешь на миллионное состояние, а сотню-другую евриков жалеешь? Ладно, я тебе в придачу еще талисманчик дам.

- Заговоренный? - спросила Жанна, вспомнив страницу Крыси Савской в газете «Тайная страсть».

- Нет, не заговоренный, а заряженный.

- Разве это не одно и то же?

- Конечно, нет! В сложных случаях я не заговариваю талисманы, а заряжаю. Бесами.

Жан насторожился.

- Мелкими бесами, - уточнила мать Ахинея, искоса взглянув на него сквозь сумрак. - Не такими крупными и солидными, как ваш достойный опекун.

Жан ощерился и даже вильнул хвостом, он был польщен.

Мать Ахинея прошла в кладовочку, где у нее хранились ее колдовские причиндалы, и там долго копалась за приоткрытой дверью, что-то приговаривая себе под нос. Жанна сидела, нетерпеливо постукивая длинными красными коготками по столу, и ждала.

Воспользовавшись паузой, сделаем по ходу дела небольшое отступление.

Вот выше было сказано, что мать Ахинея поглядела на Жана «сквозь сумрак». Что это значит? А вот что. Духи действуют не совсем в одном с нами пространстве. Вокруг Ангелов, где бы они ни находились, всегда присутствует особое охранительное пространство - Божья Благодать, или попросту «Свет». Вот в этом «Свете» и с его помощью Ангелы и действуют. Вокруг же бесов пространство темное, сумрачное, и оно называется - «тьма» или «сумрак». Некоторые экстрасенсы и маги умеют видеть не только сквозь обычные свет и воздух, но и сквозь эту «тьму» или «сумрак» - и тогда они видят бесов. А вот смотреть сквозь «Свет» и видеть Ангелов Божьих и святых им, извините, не дано. Матушка Ахинея как раз и глядела на Жана сквозь такой «сумрак».

- Я подарю тебе талисман зависти! - торжественно объявила матушка Ахинея, выходя из таинственного закутка и неся в сухоньких лапках небольшую резную шкатулку из темного дерева и какие-то красные кожаные ремешки.

- Да эти дуры никогда друг дружке не завидуют! - фыркнула Жанна. - Они, видите ли, любят друг друга.

- А ты разве не хочешь их для начала поссорить?

- О, с удовольствием поссорила бы! Я когда-то именно с этого и начинала. Но как их поссоришь?

- А вот как раз с помощью «талисмана зависти».

Ведьма поставила на стол шкатулку, отомкнула ее ключиком и стала рыться в отделениях.

- Ревность... Обиды... Сплетни... Не то, не то... Ага, вот и он! - и она вынула обыкновенный грецкий орех, только очень темный, почти черный. - Талисман зависти! Изготовлен мною собственноручно и много раз испытан. Ну-ка, дружок, расскажи нам, что ты видишь в этом чудо-орешке? - обратилась она к Жану.

- Вижу там, внутри, в пустоте ореха, двух мелких бесенят. Они сидят спинами друг к другу, каждый в своей половинке ореха, и косо, с угрозой друг на друга поглядывают. А между ними - перегородка, как в обычном орехе. Ох, и ненавидят же они друг дружку, проказники! Так бы и съели один другого!

- Так и есть. Вот этот орешек, черненькая ты моя, нужно подложить под подушку одной из ваших девчонок. Лучше той, которая приехала из провинции. Она начнет люто завидовать сестре, выросшей в баловстве и богатстве. Зависть эта будет расти и множиться... А мы поглядим, к чему она приведет вашу богомолку, и как это можно будет использовать.

- Неужели подействует? Как ты думаешь, Жан?

- Должно подействовать, хозяйка. Если бы ты могла видеть, какие злющие мордочки у этих бесенят, ты бы не сомневалась!

- Прекрасно!

- А это, - проговорила мать Ахинея, протягивая Жанне связку ремешков, - поводок и ошейник для девчонкиной собачки.

- Спасибо, мать Ахинея. Сколько всего с меня?

- Всего тысяча.

- Долларов?

- Евро.

- Что-то все начинают переходить на европейскую валюту.

- Так ведь все считать умеют, милочка!

Жанна расплатилась и, прихватив зловредный орешек и подарок для Киры, очень довольная отправилась домой.

В сопровождении Жана, естественно.

Вернувшись к дому, Жанна поставила машину на улице, неподалеку от ворот. Остановившись на подъездной дорожке, она оглядела сад и дом, в окнах которого кое-где горел свет, отбрасывая на синие вечерние сугробы сверкающие золотые квадраты и прямоугольники. С неба падали крупные хлопья снега, в саду стояла тишина. И все это - мирный свет и снежная тишина - были до упоминания неприятны и даже ненавистны Жанне.

А было ей здесь тошно еще и потому, что каждая снежинка в саду мерцала отраженным светом ангельского сияния: ведь Ангелы Хранители то и дело облетали дом дозором, оберегая его от всякого зла.

Она стояла, рассеянно притаптывая сапожком сверкающие снежинки, и раздумывала. Жанне очень хотелось снова сесть в машину, крутануть руль, дать по газам и умчаться отсюда куда-

нибудь далеко-далеко и навсегда... Туда, где грохочет музыка, где пьют вино и танцуют, где играют в опасные игры и легко решают вопросы жизни и смерти - чужой жизни и смерти, само собой. Да, уехать бы прямо сейчас! Но только вот как? Даже и машина эта ей не принадлежит, а потому уехать навсегда пока никак не получится...

- Поехали отсюда, хозяйюшка, покатаемся хоть по городу, развеем тоску, - поддержал ее мысли бес Жан, - а то и вправду совсем житья в доме не стало, темного места не сыскать, приткнуться некуда.

Жанна топнула каблук по обледенелым плиткам дорожки, да так топнула, что ледяные осколки во все стороны брызнули.

- Садись, Жан! Поехали!

Они влезли в машину и где-то катались почти до утра. И никто в доме по ним не соскучился, никто их не хватился, никто о них даже и не спрашивал.

Глава 6

Ура! Амнистия! Да здравствует свобода!

Через неделю после начала мазайской операции Дмитрий Сергеевич за ужином объявил дочерям амнистию, то есть сократил ровно вдвое срок их пребывания под домашним арестом. Причем интересно, что ни сами девочки, ни Александра его об этом не просили. Заступались за сестер Павел Иванович и Акоп Спартакович, заступалась домоправительница Екатерина Ивановна, но успеха добилась, как ни странно, Жанна. Заметим, что у нее тут был свой интерес: сестры торчали дни напролет в своей комнате, и Жанна никак не могла подsunуть им полученный от матушки Ахинеи подлый орешек. И когда они были в лицее, ей это тоже не удавалось, потому что Александра сидела в это время в их комнате за компьютером и сочиняла для них какую-то игру по мотивам «Нарнии». Надо было как-то исхитриться выпроводить из дома всех троих, причем подальше и надолго.

Когда же девочки с Александрой гуляли в саду около дома, их Ангелы находились поблизости, а в присутствии Ангелов не больно-то напакостишь, даже если тебе помогают бесы.

Вот Жанна и уговорила Дмитрия Сергеевича объявить им амнистию, уверив его, что девочки начали бледнеть и скучать взаперти. Что было абсолютной выдумкой, поскольку девочки под арестом вовсе даже не скучали.

Но именно накануне освобождения неунывающих узниц из-под ареста произошло нечто непредвиденное, что повернуло нашу историю в совсем неожиданную сторону.

Вечером Александра сидела и что-то искала в Интернете, а девочки убирали комнату перед сном. Как ни старалась гувернантка приучить их сразу после игр и занятий все вещи класть на свои места, к концу дня пол в их комнате превращался в пестрое «поле чудес», засеянное самыми разнообразными вещами.

Вот она и придумала, чтобы сестры не оставляли беспорядок до утра, а убирали все перед сном: «У Екатерины Ивановны и Тани хватает забот по дому и без вас!» С этим трудно было поспорить - они и не спорили. К тому же во время вечерней уборки всегда находились очень важные предметы, безнадежно потерянные в течение дня.

Сестры уже заканчивали уборку, когда Александра позвала их:

- Идите-ка сюда, Юлианны, тут есть кое-что интересное для вас!

Девочки бросили совок и щетку, выключили пылесос и подбежали к ней.

- Смотрите!

На экране монитора была фотография небольшой белой часовенки с золотым куполом.

- Читайте!

Они склонились над плечами Александры и прочли:

«Вести из Карелии. Заканчиваются работы по внутреннему убранству часовни в городе Петрозаводске, посвященной святым Иулии и Анне. Часовня была освящена в августе минувшего года. Это первая в России церковь, посвященная этим святым - мученице Иулии Карфагенской и матери Богородицы, святой праведной Анне. Средства на строительство часовни и ее украшение пожертвованы меценатами города Петрозаводска; организатором ее строительства был Александр Гезалов, известный в Карелии и за ее пределами делами милосердия и храмостроительства».

- Смотри, Аннушка! - воскликнула Юлька. - Наши имена вместе!

- Ой, да! Как хорошо, правда?

- Только вот если бы мы строили часовню, мы бы посвятили ее мученице Иулии Карфагенской и преподобной Анне Кашинской.

- Конечно! И Богородица с Ее мамой на нас бы ни капельки не обиделись, верно?

- Естественно! Уж они-то бы нас поняли! - подтвердила Юлька.

- О чем это вы, Юлианны? - спросила Александра, разглядывая фотографию.

- Да так... Александра, а кто такие меценаты? Это народ такой в Карелии? - спросила Юлька.

- Подойди к полке, сними энциклопедический словарь и посмотри.

- Да ну, вы сами скажите, Александра! - заныла Юлька.

- И не подумаю. Если я дам тебе готовый ответ, так у тебя в одно ухо влетит - в другое вылетит, и ты его не запомнишь. А найдешь сама, прочтешь сама - и навечно закрепится в памяти. Это особенно важно в вашем возрасте, ведь все, что усвоено в детстве, сохраняется в памяти на всю жизнь. Самые дряхлые старушки, которые не помнят, куда пять минут назад носовой платок засунули, с легкостью вспоминают то, что успели узнать и выучить в детстве. Даже иностранные языки, представляешь? Так что спеши учиться да запасай побольше знаний!

Юлька вздохнула и пошла к книжным полкам.

- «Меценат - богатый покровитель наук и искусств», - прочла она. - Как вы думаете, у нас на острове есть такие?

- Богатых у вас тут много, только они, по-моему, больше по части развлечений и спорта

покровительствуют, - сказала Александра. Она поиграла на клавиатуре и сказала: - Вот, взгляните хотя бы на план застройки Бычьего острова. Новые каналы, новый яхт-клуб, корпуса двух гостиниц, развлекательный центр, паркинг в несколько этажей... - комментировала Александра план застройки острова. - Вы видите на плане хотя бы часовенку, не говоря уже о храме?

- Ой, какие же они! - укоризненно воскликнула Аннушка, глядя на экран. - Детей и зверей с острова сгоняют, природу губят, а Бога совсем не боятся и не уважают!

- Да, это не те меценаты! - вздохнула Александра. - А должны были бы построить часовню хотя бы из осторожности, все-таки в море будут ходить с этого острова.

- Хоть бы президенту своему сделали приятное, - проворчала Юлька.

- Президенту Путину? - спросила Аннушка.

- Ну да, ему! Юрка ведь говорил, что он не только президент страны, но еще и почетный президент клуба дзюдоистов «Ярава-Нева». Президент Путин ведь у нас православный или как?

- Православный. Но для дзюдоистов он, конечно, в первую очередь мастер дзюдо и просто самый влиятельный человек в государстве, - сказала Александра.

- Жаль, что президент Путин не догадывается на них повлиять, чтобы они храм на острове построили! - сердито сказала Юлька.

- Да, зря. Между прочим, строителей храмов в Церкви называют ктиторами, их поминают на церковной службе до тех пор, пока стоит храм, - вдруг вспомнила Аннушка.

- Кти... кого поминают? - спросила Юлька и снова потянулась к полке со словарями.

- Ктиторов. На этот раз можешь не лезть в словари, Юля: это церковное слово - его там наверняка нет, - сказала Александра. - Кстати, надо нам купить православную энциклопедию или хотя бы толковый православный словарь. Ктитор - это тот же меценат, только церковный.

- И таких у нас на острове совсем нет, - печально сказала Юлька.

- Вот и очень жаль. Все, девочки! - Александра выключила компьютер и встала. - Умываться и молиться!

- А давайте мы сегодня помолимся, чтобы на нашем острове тоже появились меценаты и кто... кти... - опять запнулась Юлька.

- Храмостроители! - закончила за нее Александра. - Употребляй только те церковные слова, которые вполне понимаешь и можешь правильно произнести. А то и посмешищем можно стать. Недавно вот одна бойкая журналистка написала в газете, что дьякон ходил по храму, размахивая паникадиллом.

Сестры засмеялись: они-то знали, что «паникадило» - это большая люстра, висящая в храме, и «размахивать паникадиллом» мог бы разве что какой-нибудь благочестивый великан! А речь шла, конечно, о кадиле, с которым ходил дьякон.

Александра задумалась, а потом сказала:

- Да, Юлианны, мы с вами можем молиться, чтобы Господь послал на остров храмостроителей. Только вот знаете, девочки, говорят, что молитва без дел мертва!

- А мы и от дела уваливать не станем! - успокоила ее Юлька. - Начнут храм строить, так мы тоже помогать пойдем и всех Крестовских ребят созовем. Слушай, Ань! А ты помнишь, как я тебе наврала про сарай, что там в старину была часовня?

- Помню. Так ведь я тебя давно простила, Юленька!

- А, не в этом дело! - отмахнулась Юлька. - Я вот что думаю, Аннушка: надо нам эту часовню восстановить!

- Юль, так ведь не было в сарае никакой часовни - как же ее можно восстановить?

- Ну не было - так будет! Если мы все дружно возьмемся, неужели мы не сумеем соорудить из нашего сарая часовню?

- Хотя бы совсем-совсем маленькую часовенку! - сказала Аннушка мечтательно.

- Угу. Сначала часовенку, а потом - храм!

- Девочки, не увлекайтесь, пожалуйста. Идея, может, и неплохая, но вы забыли про самое главное.

- Про деньги? - спросила Юлька. - Так деньги мы соберем!

- С родителей своих соберете? - с иронией спросила Александра.

- Вот уж нетушки! Мы будем часовню строить втайне от родителей, потому что... Ну, просто втайне интересней!

- Вопрос с родителями придется еще серьезно обдумать, потому что без благословения, мои дорогие девочки, никакие серьезные дела не начинают. А уж строительство часовни - тем более!

- А нам отец Вадим из нашего храма на Каменном острове даст благословение! - тут же нашлась Юлька.

- Может, и даст. Но сначала-то вы должны получить от отца если уж не благословение, то хотя бы просто разрешение ходить к вашему сараю.

- Папа нас теперь ни за что туда не пустит! Нас там чуть не убили, а мы придумали в него зайцев прятать! - сказала Аннушка.

- Он нас скорее сам убьет, чем разрешит ходить к сараю, - согласно вздохнула Юлька. - И мазайцами даже после амнистии мы сможем быть только на расстоянии, и часовню без нас никто не построит...

- Юлия, прекрати стенать! - прикрикнула на нее Александра. - Откуда вдруг уныние? Кто разрешил? Давайте, девочки, прочитаем вечерние молитвы, а потом попросим наших Ангелов Хранителей, чтобы они нам помогли и в мазайских делах милосердия, и в строительстве часовни. Если такое строительство Богу угодно, то оно состоится. На все воля Божья!

- И папина, - вздохнув, добавила Юлька.

- На молитву - становись! - скомандовала Александра и первая встала перед иконами.

- Ох уж эти ваши сестрицы! Начали с зайцев, а пришли к храмостроительству! - сказал с улыбкой Ангел Александрос.

- Неисповедимы пути Господни, - напомнил Ангел Иоанн.

- У нас всегда все начинается с Юлькиных неожиданных идей. А потом уже Аннушка подключается, - заметил Ангел Юлиус.

- Верно, - кивнул Ангел Иоанн. - Если дело хорошее, то обязательно подключится. Но на этот раз мысль с самого начала добрая. Надо поддержать отроковиц!

И Ангелы тоже встали на молитву, каждый за правым плечом своей подопечной.

В конце молитвенного правила Александра обратилась к Господу с просьбой благословить дело строительства новой часовни во имя святых Иулии и Анны.

Об этом же попросили Господа и Ангелы Хранители.

Уложив сестер спать, перекрестив их на ночь, Александра вышла из комнаты. Уходя, она не забыла перекрестить также и дверь их комнаты, и замок - на всякий случай. Потом Александра спустилась вниз и направилась прямо к Дмитрию Сергеевичу.

Кабинет Мишина временно располагался в бывшей библиотеке, поскольку собственные его апартаменты занимала Жанна. Как считалось, тоже временно - до окончательной отделки третьего этажа. Идти в библиотеку надо было через большую, едва освещенную светом догорающего камина гостиную. Александра свет в гостиной зажигать не стала, а просто прошла через нее к полуотворенной двери библиотеки, откуда на пол гостиной падал прямоугольник света. Она ступала как можно осторожнее, чтобы ни за что не зацепиться в полумраке, и хотя дверь библиотеки была наполовину отворена, Дмитрий Сергеевич ее шагов не услышал. Зато она услышала, как он простонал:

- Как же я влип, Боже мой!... Как же я попал!...

Александра остановилась, развернулась и, так же осторожно ступая, отошла подальше от двери. «Может быть, у него неприятности в бизнесе?» - подумала она с сочувствием. Она стояла в гостиной у потухающего камина, не зная, как быть: идти ли со своей просьбой к явно чем-то удрученному хозяину или же отложить ее на завтра? И тут она явственно услышала:

- Ох, Жанна, Жанна, как же мне теперь с тобой быть? Куда же мне тебя деть?

Услышав эти слова, Александра возликовала в душе и решила разговор не откладывать. Громко топая, она подошла к библиотечной двери и постучала в притолоку:

- К вам можно, Дмитрий Сергеевич?

В библиотеке что-то упало, скрипнуло, а потом раздался спокойный голос Мишина:

- Кто там? Заходите!

Александра вошла и увидела Мишина, прилежно разбирающего какие-то бумаги на столе.

- Добрый вечер, Дмитрий Сергеевич.

- Добрый вечер, Александра Николаевна.
- Дмитрий Сергеевич, вы можете уделить мне двадцать минут?
- Нет, не могу. Вот пять минут - могу.
- Но мне надо вас кое о чем попросить...
- А вы постарайтесь уложить свою просьбу в пять минут. Вы же филолог!
- Хорошо, я постараюсь. Дмитрий Сергеевич, снимите запрет со старого сарая!
- Не сниму. И прикажу еще дверь в него кирпичами заложить, чтобы девчонки туда и пролезть не могли!
- Дмитрий Сергеевич, верните им сарай!
- Нет.
- Поверьте, сарай девочкам очень-очень нужен и вовсе не для озорства какого-нибудь!
- Тогда зачем же?

Александра помолчала, но потом вспомнила про лимит времени и сказала.

- В сарае теперь живут наши зайцы.
- А зайцев надо кормить. Все понятно. А вы про киднеппинг прошлогодний знаете?
- Знаю. Но девочки теперь со мной будут, а значит с ними ничего плохого не случится!
- Тоже мне охрана и защита! - фыркнул Мишин. - Ладно, я подумаю.
- И завтра дадите нам ответ, да? Лучше положительный, а то у вас могут возникнуть сложности в отношениях с дочками.
- Это что - ультиматум?
- Нет, просто педагогический совет. Ну и отчасти... предупреждение.

Мишин с минуту смотрел на нее молча и внимательно, а потом махнул рукой.

- Ладно, идите, Александра Николаевна. Я подумаю. Завтра ответ дам.

Когда Александра закрывала за собой дверь, она услышала негромкое, но явственное: «Тоже мне педагог... Девчонка!» Но, поскольку она уже вышла за дверь, то решила эту реплику считать не услышанной и проигнорировать.

Когда она поднималась по лестнице, навстречу ей спускалась Жанна в «маленьком черном вечернем платье» (так у модельеров почему-то называются платья, прикрывающие одно только туловище) и в длинной белой шубе. Она ступала в облаке духов, на вкус Александры мерзейших, чуть касаясь перил узкой рукой в черной шелковой перчатке; в другой руке она несла крохотную сумочку из настоящей змеиной кожи. На Александру Жанна взглянула мимоходом, но злобно: таким взглядом убивают, а не смотрят. Александра же в ответ просто

вздернула нос и отвернулась. Жанна протекла мимо и, спустившись в холл, громко и нежно пропела:

- Митенька, дорогой, нам пора выезжать! Александра прошла к себе и легла спать.

Перед сном она долго вертелась, гадая, выполнит ли ее просьбу Дмитрий Сергеевич и не помешает ли этому зловредная Жанна? А еще она гадала, с чего это вдруг будущая мачеха так на нее взъелась? Даже из дома выжить пообещала! А как она, Александра, может этому помешать? - Да никак! Кто она такая в этом доме? - Да никто! Наемная гувернантка, обслуживающий персонал вроде Тани! Екатерина Ивановна, и та имеет в доме больший вес, чем она, и по праву, совершенно по праву! Вот устроит Жанна ей, Александре, какую-нибудь пакость, и Мишин ее уволит, и тогда останутся Юлианны в полной власти зловредной мачехи-ведьмы! Конечно, она, Александра, изо всех сил постарается быть осторожной и повода не давать, но насколько ее хватит... Потом она вспомнила нечаянно подслушанные слова Дмитрия Сергеевича и захихикала в подушку: «Выходит, Жанна для него как чемодан без ручки - носить нельзя, а выбросить жалко!» Она устыдилась своей злорадной мыслишки и постаралась выкинуть ее из головы. Но тут же принялась размышлять, сумеет ли Дмитрий Сергеевич найти способ избавиться от Жанны, или же она в самом деле станет мачехой ее дорогим девочкам? Она еще немного повертелась, повздыхала, а потом решительно поднялась и встала на молитву.

Взволнованный Ангел Александрос позвал Хранителей Иоанна и Юлиуса, и они все трое поддержали молитву встревоженной гувернантки.

Она молилась долго и даже немножечко поплакала. Стало легче, и она закончила молитву словами:

- Господи! Благослови отроковиц Анну и Иулию на добрые дела и сохрани их от всякого зла! Избави их, Господи, от злой мачехи и всех дел ее!

- Аминь! - сказали Ангелы.

После этого Александра снова улеглась в постель и спокойно уснула до утра, причем - до позднего утра. После вечерних тревог и ночной бессонницы она, конечно же, проспала все на свете и проснулась, когда за окном уже начало светлеть. Она вскочила с постели, быстро привела себя в порядок и пошла будить девочек.

- Девочки, просыпайтесь! Подъем! Умываться, молиться, завтракать!

- У-у, мы еще хотим спа-ать! - заныла, не просыпаясь, Юлька.

- Мы уже встаем! - послушно сказала Аннужка, тоже не просыпаясь и не открывая глаз.

- А вот я сейчас наберу воды из-под крана и устрою кому-то освежающий утренний душ прямо в постели! - пригрозила Александра.

- Ох! - вздохнула Юлька, села и открыла глаза. - Александра, вы в самом деле Санька-Встанька какая-то, причем очень ранняя Санька-Встанька!

- Да! - подтвердила Аннужка, открывая один глазок. - Вы-то выпались! Вон вы какая свежая, прямо как утренняя майская...

- Редиска! - закончила за нее Юлька. - Разве сегодня не воскресенье, Александра? Мы под

арестом, в церковь не поедem - так зачем же так рано вставать?

- Подъем, подъем! - не унималась суровая гувернантка. - Поднимайтесь, ленивые сонные мышата! В церковь вы, кстати, уже опоздали. Вы что, забыли, что сегодня день освобождения из-под ареста?

- Ура! - вспомнив об амнистии, закричали девочки и разом вскочили с постелей.

- А какая погода на улице? - спросила Аннушка.

- Благоприятная для прогулки в парке. Сегодня будет теплее, чем вчера!

- По прогнозу?

- Зачем мне прогноз? Я вижу, что стекла покрылись инеем, на деревьях изморозь - значит, на дворе потеплело.

- Разве морозные стекла - к теплу? - удивилась Аннушка.

- Да. Пар в воздухе становится теплее, чем стекло и другие остывшие за ночь поверхности, и поэтому оседает на них.

- Вот почему окна замерзают!

- Да, поэтому. Хотя есть и другое мнение. Вот послушайте:

На окнах, сплошь заиндевевших,

Февральский выписал мороз

Сплетенье трав молочно-белых

И серебристо-сонных роз.

Пейзаж тропического лета

Рисует стужа на окне.

Зачем ей розы?

Видно, это Зима тоскует о весне.

- Здоровско! - сказала Юлька.

- Красивые стихи! - сказала Аннушка.

И тут же девочки забросали Александру вопросами: а почему иней бывает только в ясную погоду, а что такое изморозь, а чем изморозь отличается от инея?

Но Александра все вопросы тут же пресекла:

- Я уже поняла, что вас интересует, но об этом мы поговорим на прогулке. А сейчас торопитесь, чтобы Дмитрий Сергеевич не успел позавтракать и уйти! Вы же собирались просить у него разрешения пойти к старому сараю, или я что-то путаю?

- Да, надо идти просить! - вздохнула Юлька. - Аннушка, начнешь ты, ладно? Папа не любит тебе отказывать.

- Ты его лучше убеждаешь, - возразила Аннушка. - Я обязательно растеряюсь и все на свете перепутаю.

- Ну, ладно, идемте, там поглядим! - сказала Александра.

Девочки поднялись, привели себя в порядок, помолились, и Александра скомандовала:

- Пошли завтракать! Вперед, ктиторы и храмостроители!

Дмитрия Сергеевича они застали уже за столом.

- Доброе утро, сони! А я-то думал, вы уже давно в церкви! - удивился он при виде дочерей и гувернантки.

- Мы проспали, - виновато сказала Александра. - Доброе утро, Дмитрий Сергеевич.

- Доброе утро, Александра Николаевна.

- Пап! - с ходу начала Юлька. - Можно мы с Аннушкой и Александрой Николаевной пойдем сегодня к старому сараю? Ты отмени свой запрет на сарай, ладно, папулечка?

- Так ты, Юлианна, вспомнила, что я не велел вам ходить к сараю? И как же это тебе удалось?

- Да так, чего-то вдруг вспомнилось...

- Нам Александра Николаевна подсказала, - честно уточнила Аннушка.

- Так я и думал. А чего вам понадобилось у старого сарая, пичуги? Там же наверняка все снегом завалило, вы к нему и не проберетесь.

- Да нет, там все должно быть, наоборот, вытоптано вокруг, туда же весь остров ходит зайцев кормить!

- Ну, если весь остров... Александра Николаевна, вы тоже собираетесь с ними к сараю - зайцев кормить?

- Конечно.

- Ладно уж, идите. Но вы там глаз с них не спускайте!

- Это моя обязанность, Дмитрий Сергеевич, - с достоинством ответила гувернантка.

- Ура! Спасибо тебе, папочка! - закричали довольные сестры.

Жанна резко встала, торопясь выйти из-за стола до чтения благодарственной молитвы, и поднялась к себе.

- Жан! Срочно посылай Михрютку к старому сараю. Пусть там посторожит и глаз с девчонок не спускает!

- Будет исполнено, хозяйка. Михрютке давно пора проветриться, а то он скоро плесенью

обрастет в своем подвале.

Ну, плесень не плесень, а запылится и закоптится, сидючи почти безвылазно в подвале и передвигаясь по дымоходам, бес-домовой изрядно. А главное - скучно ему там было, в подвале. Зайчиха с зайчатами на него внимания не обращали, и погонять их домовому никак не удавалось. С минотаврами тоже было скучно, они только и умели, что мычать да в «дурачка» играть. Он обрадовался заданию, но по привычке заныл, что вот гонят его, бедненького, в лютый мороз на улицу, сиротинку, в то время, как добрый хозяин в такую погоду собаку на мороз не выгонит... Но, поскулив для порядка, бодро помчался выполнять задание, то есть вынюхивать, выслеживать, высматривать и подслушивать.

- А мы с тобой, пока девчонки с гувернанткой возле сарая ошиваются, быстренько проникнем в их комнату и подложим им заветный орешек! - сказала Жанна и достала из своей змеиной сумочки колдовской «талисман зависти».

- Отлично! А то ребятки-бесенятки от безделья того и гляди друг другу головки отгрызут, - сказал Жан.

Утро стояло ясное и морозное, солнце еще только взошло и было большим и красным, а на острове все - дома, деревья, провода - оказалось убрано в белое и свежее, как на праздник.

- Смотрите, какое кругом волшебство! - закричала Юлька. - Обалдеть!

- Так чисто и красиво на земле, когда все покрыто инеем и снегом! - сказала Аннушка.

- Да, чудесное утро, - согласилась Александра. - Но знаете, девочки, то, что мы видим вокруг - это не только снег и иней, а еще и изморозь. Вы видите иней на стенах, на заборах, на стеклах окон, на стволах и толстых ветвях деревьев, а изморозь - на тонких ветвях и проводах, и у нас в волосах.

Сестры поглядели друг на дружку и на Александру: у всех троих челки поседели от дыхания на утреннем морозце.

- Так это - изморозь? А все почему-то говорят «иней», - сказала Аннушка.

- А чем изморозь отличается от инея? - спросила Юлька.

- Аннушка, ты подойди поближе к той стене, покрытой инеем, а ты, Юля, вон к тому большому кусту - он покрыт изморозью. Ну, что вы видите, Юлианны?

- Стена такая, как будто это вышивка белым шелком по белому бархату, - сказала Аннушка.

- А рисунок?

- Рисунок такой же, какой бывает на окнах: пальмы, папоротники, какие-то травинки... - Аннушка нежно погладила рукой в варежке белую парчу стены.

- Ну, а что у тебя, Юля?

- А у меня - изморозь.

- Ну и на что она похожа?

- На иней.

- Юлия, - укоризненно сказала Александра, - да ты проснись и взглядишь повнимательней!

- Ага, вижу! Тут всякие ледяные иголки, кристаллы... Это похоже на елочные гирлянды, вот на что! Впрочем, я бы и от браслетика такого не отказалась!

- Хорошо, разницу вы увидели. Идемте дальше, а по дороге я вам расскажу, чем изморозь отличается от инея и что у них общего. Иней и изморозь одинаково состоят из кристаллов. Только иней - из очень мелких кристалликов, поэтому он и похож на изумительную белую вышивку гладью, а вот изморозь состоит из крупных кристаллов, их хорошо видно даже в нескольких шагах. Иногда эти кристаллы изморози растут прямо на глазах, и порой их становится столько, что под их весом рвутся провода. В городе это бывает редко, а в деревне изморозь иногда приходится сбивать шестами, чтобы не остаться без электричества и телефонной связи.

- Если нет обычного телефона, можно звонить по мобильному! - сказала Юлька.

- Далеко не в каждой сельской местности есть мобильная связь, - сказала Александра.

- Ишь какая коварная эта изморозь... А на вид такая белая и пушистая! - заметила Юлька.

Александра никогда не упускала случай рассказать сестрам что-нибудь полезное или просто интересное, она ведь старалась быть образцовой гувернанткой.

Чем ближе подходили они к сараю, тем больше тропинок появлялось в снегу между кустов: все тропки, пешие и санные, были недавно проложены и все они вели к сараю - с разных концов Крестовского острова.

И вот кусты расступились, и перед ними предстал знакомый старый сарай. Но сейчас он тоже весь был покрыт инеем и стоял перед ними белый-белый, ну просто СОВЕРШЕННО белый!

- Юленька! Смотри, от инея наш старый сарай стал совсем похож на петрозаводскую часовенку! - воскликнула Аннушка.

- Да, - сказала Юлька. - Очень похож!

- Та часовенка была вся беленькая, с голубыми окнами и дверью, с золотым куполком... - вздохнув, сказала Аннушка. - Сколько же тут работы!

- Ничего, если все мазайки помогут - справимся, - успокоила ее Юлька. - С крышей вот только будет много возни, крыша-то совсем провалилась... - Она сокрушенно покачала головой.

- О чем это вы, девочки? - спросила Александра.

- Александра! Вспомните фотографию часовни, которую вы нам вчера вечером показывали! Похоже, правда?

- Что - «похоже»?

- Наш сарай похож на ту петрозаводскую часовенку!

- Не вижу особого сходства. Там была часовня как часовня, а тут сарай как сарай, - пряча улыбку, сказала Александра.

- Ну, Александра, да посмотрите же вы внимательно!

- Да ладно, ладно, не волнуйтесь, вижу! Конечно же, между ними есть несомненное сходство, будто кто-то так и строил этот сарай, чтобы его можно было потом в часовню перестроить.

Аннушка закрыла глаза и мечтательно произнесла:

- Я ее вижу как живую! Стоит она, беленькая-беленькая, одна среди цветущей сирени, а возле самых стен растут голубые цветы... И дорожка идет вокруг, кирпичиками выложенная...

- Точно! - подтвердила Юлька. - Красными кирпичиками. Елочкой, как старинный паркет.

- И каждый месяц возле нашей часовенки будут цвести новые цветы, - продолжала Аннушка, не открывая глаз. - В мае голубые подснежники, а осенью голубые астры. А летом! Летом столько всяких голубых цветов, что я и названий-то всех их не знаю!

- Вот только бы зайцы наши цветы не погрызли! - озабоченно сказала Юлька. - Гуля нас предупреждала, что они весной тут начнут все подряд объедать. Помните, Александра, как кролики чуть всю Австралию не сгрызли?

- Ну, конечно, помню! - кивнула Александра. - Я своими глазами видела, как их отлавливали и забивали.

- Какой ужас! Как наших зайцев? - воскликнула Аннушка.

- Да, примерно так же.

- А вы что, были в это время в Австралии, Александра? - спросила Юлька.

- Да нет, конечно! Где мне! Я про этих кроликов видела экологическую передачу. В ней гринписовцы протестовали против уничтожения кроликов.

- Так вы это по телевизору видели! - поняла Аннушка. - А вот наша бабушка говорит, что телевизор тем и опасен, что телевизионщики специально снимут и покажут что-нибудь по выбору хозяев канала, а люди думают, что своими глазами видели абсолютную правду.

- Бабушка ваша совершенно права, а я неточно выразилась, прошу прощения. Ага, вон уже и ваши друзья идут!

- Мы им сейчас про часовню расскажем! - обрадовалась Аннушка.

- Я бы на вашем месте не стала пока этого делать, - сказала Александра.

- Почему? - удивилась Юлька.

- Всеу свое время, нельзя громоздить одно дело на другое. Да и ребята могут обидеться: они с таким увлечением занимались зайцами, все силы им отдавали, а тут вдруг появляются сестры Мишины и объявляют новую затею! Вы хотя бы сначала посмотрите, как они тут без вас решали мазайские проблемы. Поблагодарите, похвалите их!

- Это верно, - согласилась Юлька. - Если мы им прямо сейчас расскажем про часовню, они подумают, что мы уже не хотим вместе с ними зайцев кормить.

- Правильно, давайте про часовенку пока ничего не говорить, чтобы они не обиделись, - согласилась и Аннушка.

И они это очень правильно и вовремя решили, потому что одновременно с ребятами, только с другой стороны, к старому сараю подкрадывался домовый Михрютка, чтобы подсматривать и подслушивать. Вот еще не хватало, чтобы мелкий бес про часовню услышал и помчался с доносом к Жану с Жанной!

Александра между тем уже успела заглянуть в сарай.

- Эй, а где же наши зайцы? Здесь никого нет!

Тут из- за кустов появились Юрик, Гуля и Кира с Кутькой за пазухой.

- Зайцы-то где?! - сразу же налетела на них Юлька. - Вы что, всех зайцев упустили без нас? Разбежались они, да?

Ребята переглянулись.

- Как же, разбежались! Да их отсюда не выгонишь! - сказала Кира и засмеялась.

- Юлианны, не волнуйтесь! В полном порядке зайцы, и ничего с ними не случилось, - сказал Юрик. - Мы не стали вам рассказывать по телефону, хотели, чтобы вы все своими глазами увидели. А теперь уже можно и рассказать. Так вот, первые дни все зайцы сидели в сарае и носа оттуда не высывали. Шок у них был после того отстрела, наверное. Их было так много - они прямо друг на дружке сидели! А потом Кира выпустила как-то своего Кутьку побегать - ну он и бросился с лаем прямо в сарай!

- Охотник растет! - Кира погладила Кутьку по торчащей из-за отворота ее курточки лобастой башке.

- Ну и что дальше? - заторопила Юлька.

- А дальше пришлось Кутьку спасать - зайцы принялись его лапами лупить!

- Он вырвался из заячьих лап и удрал по тропинке. Я его еле-еле догнала и успокоила.

- Ну, а зайцы-то куда делись? - наступала Юлька на Киру. - Зайцы где?

- Да что ты, как Горлум, заладила: «Зайссы, зайссы!». Куда они, типа, денутся, если их тут кормят? - успокаивающе пробасила Гуля. - Вон там они все, в ящиках из-под овощей!

- Какие ящики? Что за ящики? Не вижу я нигде никаких ящиков! - Юлька уже чуть не ревела.

- Юля, Аннушка и вы, Александра, посмотрите-ка туда! Горку вон там, в кустах видите? Так вот это вовсе не горка, а новое заячье общежитие, - сказал Юрик. - Понимаете, мы туда сваливали ящики, чтобы потом их сжечь. Ну, до костра руки у нас так и не дошли, столько было работы, а груды ящиков все росла, росла, а потом ее снегом засыпало. На другой день после Кутькиного визита в сарай мы приходим сюда с кормом - а зайцев в сарае нет ни одного! Сначала мы тоже заволновались, испугались, как вот вы сейчас: «Где зайссы? Где зайссы?»

- А они в ящики попрятались? - догадалась Юлька, и лицо ее просветлело.

- Ну да!

Юлианны засмеялись.

- Представляю, как вы все всполошились, - сказала Александра, оглядывая снежный холмик с кое-где торчащими из него ящиками. - А что? Неплохо придумано! Получился многоквартирный и многоэтажный заячий ковчег.

- А собаки беспризорные их оттуда не вытащат? - забеспокоилась Аннушка.

- Нет, собакам туда не пробраться! - успокоил ее Юрик. - Входы в норки маленькие, узкие, разве только Кирин Кутька туда пролезет. Но только он к зайцам не полезет, он их боится!

- А сверху?

- А сверху там под снегом лежит огромный кусок проволочной сетки с теннисного корта. Человек десять его сюда тащили.

- Ой, какие же вы молодцы, ребята! - сказала Аннушка. - Им теперь там тепло и безопасно, и никто их лишний раз не потревожит!

- Это ты про нас или про Кутьку? - спросила Гуля.

- Про всех! А главным образом про чужих собак и злых людей.

- Гм... Неплохо, неплохо придумано, - приговаривала Александра, уже обходя холмик крутом. - Молодцы, мазайцы!

- А то! - сказала Юлька с гордостью. - Такие молодцы что хочешь построят! - И она подмигнула Аннушке, а та лукаво улыбнулась в ответ.

- Мы сетку еще снегом присыпали, а потом ведер двадцать воды сверху вылили. Прорубь пришлось делать на Гребном канале и оттуда воду носить. За одну ночь морозом все так схватило, что поверху можно ходить, стоять и даже прыгать! Я попробовал, и ничего, не провалился ни разу!

- Кататься только с этой горки мы никому не разрешаем, чтобы не тревожить зайчиков, - сказала Кира. - Понимаете, девочки, в таком убежище им гораздо уютней, чем в каменном сарае. У них там внутри такие теплые норки. Они наверняка даже теплее, чем собачья конура на дворе, а зайцы ведь дикие звери, а не домашние собаки.

- Точно, у них там наверняка тепло, - подтвердила Гуля. - Знаете, сколько они туда сена затаскивают? Не успеваем подвозить!

- Здорово вы поработали! - сказала Юлька. - Жалко только, что нас с вами не было.

- Ничего! - утешила ее Гуля. - Вы еще что-нибудь для зайцев придумаете. А сейчас пошли все за овощами. Знаете, сколько им на ночь овощей надо? Натаскаем к вечеру целую гору, а наутро - ни морковинки, ни капустинки!

- Может, они там запасы делают? - предположила Александра.

- Ага, жировые, - засмеялась Кира, - как Гуля!

- Опять завидуешь моей исконно русской красоте, бедный ты мой Сухарик? - с нарочитым вздохом спросила Гуля.

- Не-а! Я не завидую, а соболезнаю, Ватрушечка! Носить-то эту красоту каково? Вот потому

теперь никто ТАКОЕ и не носит, а все наперегонки худеют! Неуклюженькое ты наше «русское чудо»!

- Я неуклюжая?! Ну я тебе сейчас покажу!... Гуля мигом нагнулась, слепила снежок и запустила им в Киру. То есть, целилась она в Киру, а попала в Кутьку - он как раз высунул из-за Кириной пазухи свой любопытный черный нос.

- А вот за Кутьку я отомщу и отомщу жестоко! - закричала Кира. - Держись, Ватрушка!

Она вытащила щенка из-за пазухи, кинула его в снег и начала обстреливать Гулю.

- Кроши сухари! - завопила Гуля, бросаясь в атаку. - Дроби их в муку!

Юрик мигом кинулся помогать Кире, а Аннушка с Юлькой - Гуле. Александра, трезво оценив возможности сражающихся сторон, решила проявить справедливость и встала на сторону Киры с Юриком. Тут и другие Крестовские мальчишки и девчонки подошли, с ходу быстренько разобрались, кто на какой стороне, и закипел снежный бой! Только Кутька, выбравшись из сугроба и отряхнувшись, не стал принимать ничью сторону, а просто носился вокруг в полном восторге и заливался лаем.

Ну, в общем, сначала от души покидались снежками, а уж потом отряхнулись от снега и отправились по магазинам и ларькам за провиантом для зайцев.

Жанна и Жан тем временем решили пробраться в комнату сестер, чтобы наконец подсунуть Аннушке в подушку «орех зависти». Оба они обернули себе головы черными шарфами с какими-то таинственными языческими символами - это у них было вроде противогаров, без них они не решились бы войти в комнату девочек, чтобы справиться со своей подлой задачей. В комнате этой, хотя там в это время не было ни сестер, ни Александры, ни Ангелов, Жанне и Жану было тесно, душно и страшно, ведь она была намоленная, с иконами и святой водой в красном углу!

Кровать у сестер была одна, но двуспальная, и Жанна решила, что Аннушка наверняка спит у стенки, а Юлька - с краю. Она сняла с подушки наволочку и маникюрными ножничками аккуратно подпоролла подушку.

Жан засунул орех прямо в подушечную начинку!

Жанна достала из кармана заранее припасенную иголку с белой ниткой, чтобы зашить прореху в подушке.

- Оставь! Не зашивай ничего, - просипел Жан из-под маски, - и так сойдет! Бежим отсюда, я задыхаюсь, мочи нет!

- Минуту потерпеть не можешь? - недовольно просипела Жанна из-под повязки.

- Нет-нет, не могу! Ты же не хочешь, чтобы я заболел?

- Ладно, сматываемся! - Жанна натянула на подушку наволочку и бросила ее на кровать.

- Идем-идем, хозяйка! - торопил ее Жан. - Скоро Михрютка явится с донесением!

А Михрютке и вправду надоело сидеть в снегу, он решил, что все интересное уже подсмотрел и услышал, и с чувством исполненного долга отправился восвояси.

Жан и Жанна уже успели прийти в себя после своей удачной вылазки, когда из отверстия под потолком к их ногам свалился домовой.

- Ну, так и что же там творится у сарая? - спросила его Жанна.

- Зайссам еду носят! - доложил Михрютка. - Дураки какие-то эти дети! Зачем это надо диких зайсцев кормить? Может, они хотят их откормить как следует, а потом зарезать и съесть? Или продать? Не понимаю...

- А тебе и не надо понимать, табуреточка. Тебе надо следить, не затевают ли они там чего-нибудь опасного.

- Опасного для них самих, - уточнил Жан.

- Да вроде бы нет, ничего такого я не видел...

- А не заметил ли ты, Михрютка, чтобы кто-нибудь из друзей наших девчонок затаил на них зло или обиду?

- Да нет, им все были рады. Подумаешь, героини из заточения вернулись: «Мы так соскучились, ох! Мы вам так рады, ах!» Мне все эти их чувства и наблюдать-то было противно.

- И никто не позавидовал, что девчонок все так радостно встречают?

- Да вроде бы нет, не заметил...

- У-у, пуфик бестолковый!

Михрютка только вздохнул сокрушенно: он уже привык, что хозяйка постоянно его всякими такими нехорошими «мебельными словечками» оскорбляет. Правда, он эти словечки запоминал, собираясь Жанне за каждое в свое время отплатить, но пока что сносил их безропотно, по крайней мере, с виду: он-то знал, что впереди их с Жанной ожидает вечность в аду!

- Что ж, так они все работали и работали, никто даже ни разу не поссорился, не поругался?

Тут Михрютка разом воспрянул духом.

- Как это «никто не ссорился»? Я ведь, хозяйшкa, доклад свой еще не закончил. Ссорились они, еще как ссорились! У них там целая драка случилась!

- Да ну? Так что ж ты молчишь, паук безмозглый? Давай выкладывай!

- Кира, ну та, которая у них в красавицах ходит, обозвала Гулю «ватрушкой». Гуля обиделась, обозвала Киру «сухарем» и запустила в Киру снежком, а та ей ответила. Что тут началось! Одни мазайссы за Киру заступились, другие - за Гулю. Целый час, наверное, все дрались между собой. Потом уж они как-то помирились и отправились за морковкой для зайсцев...

- Ты мне про зайцев кончай трепаться, ты мне скажи: Анна с Юлией на чьей стороне сражались?

- На стороне Гули.

- А вот это хорошо! А вот это славно! Ты усек, Жан?

- Еще бы. Пришла пора охмурять Киру, хозяйка!

- Именно! Молодец, Михрютка, можешь идти отдыхать в свой подвал! А мы, Жан, сегодня же начинаем работать с Кирой.

Довольный Михрютка отправился в свою трубу вентиляционную, чтобы по ней съехать в подвал и там выспаться после трудов несправедливых. А Жанна с Жаном начали шушукаться, составляя план «охмурения» Киры.

К вечеру все крестовские ребята закончили работу и стали расходиться по домам. Но сестрам с друзьями расставаться еще не хотелось, уж очень они по ним соскучились, и тогда решено было на оставшиеся от покупки овощей деньги купить большой торт-мороженое для всех, а для Киры маленький пакетик ее любимых грибных сухариков, и отправиться всей компанией к Мишиным.

Когда ребята вошли в дом и начали раздеваться, в холл вышла Жанна. Она увидела Кутьку и сразу же бросилась к нему:

- Ой, да кто ж это у нас такой страшненький? Да кто ж это у нас такой неуклюженький и вонюченький? - запела она нежным и тонким голоском. Кира в смысл ее слов совсем не вникала, но попала на сладкое звучание и расплылась в счастливой улыбке.

- Это Кутька! - сказала она гордо и доверчиво.

- Ах ты, сарделька на ножках, ах ты конфеточка противенькая! - продолжала петь Жанна. Она вдруг опустила на четвереньки и пошла к Кутьке. Но Кутька сладкого голоса Жанны не понял, а при виде идущей к нему таким странным образом взрослой тети он мелко задрожал, пустил лужу на ковер и забился под кресло.

- Ой, извините, Жанна! - испугалась Кира. - Дайте мне какую-нибудь тряпку, я сейчас уберу за ним.

- Да ничего, пустяки, - успокоила ее Жанна. - У нас есть кому убирать. Но какая собачечка сладкая! Это мальчик или девочка?

- Мальчик.

- У-тю-тю-тю, мальчичек! Ну, выйди же с тетей поздороваться!

Но Кутька и не думал вылезать из-под кресла. Он только жалобно скулил и поджимал куцый хвостик.

- Трусит в незнакомой обстановке, - понимающе сказала Жанна, поднимаясь с четверенек. - А что же он у тебя без ошейника и без поводка бегаёт, Кирочка? Пора его приучать: такой умный и породистый с виду пес должен с детства понимать дисциплину.

Счастью Киры не было предела! Кутьку все ребята любили и баловали, но чтобы в нем породу заподозрить - такого еще не было!

- Ладно, забирай своего Кутьку и пошли наверх! Твоим сухарикам ничего не сделается, а у нас торт скоро растает! - скомандовала Юлька.

- Да иду, иду! - Как ни лестно было Кире внимание Жанны, но она извлекла Кутьку из-под

кресла и пошла вместе со всеми наверх.

- Мерзкая какая тварюшка - ковер мне изгадила! - сказала Жанна, когда ребята с Кутькой скрылись наверху. - Надо Тане сказать, чтобы немедленно убрала тут.

- И вправду мерзость, хозяйка! - поддакнул из остывшего камина Михрютка. - Не люблю собак!

А бесы вообще не любят зверей, служащих людям и преданных человеку. Проще говоря, тех, которых мы любим - кошек, собак, лошадей, ручных птиц. И животные это знают, они чувствуют бесов издали и боятся их.

А еще животные чувствуют злых людей. Кутька потому со страху лужу напустил и под кресло забился, что чуял запах раздражения и злобы, исходящий от Жанны. Между прочим, заметьте, собаки, кошки и лошади никогда не идут к плохим людям. Бывает, что у хорошего, доброго человека аллергия на звериную шерсть, а кошки и собаки все равно к нему так и льнут, ласки просят. И такой человек чихает, кашляет, но животных все равно не обижает. К примеру, есть у меня знакомая монахиня, которая страшно боится лошадей, - но лошади-то об этом не знают! - вот когда мы с нею летом проходили мимо лошадиного пастбища, все лошади как одна прекращали пастись, подходили к ограде и приветственно ржали. А она ужасно трусила, но все-таки носила им хлеб с солью и падалицу из монастырского сада и опасно протягивала через ограду. А когда мы уходили, лошади еще долго стояли и глядели ей вслед. Нет, не из-за угощения, а потому, что уж очень она им нравилась, монахиня эта, сестра Людмила. Так что учитите на всякий случай, если кого-то не любят и боятся животные - этот человек опасен, будьте с ним осторожны и вы! И еще запомните, что только очень дурной человек способен обижать домашних животных: ведь это те животные, с которыми человеку удалось восстановить райские отношения - взаимную любовь, доверие и преданность. Это, конечно, не куры и поросята, которых разводят «для пользы», а собаки и кошки и, конечно, лошади, с которыми человек дружит.

Ну и, конечно, бесам это не нравится, как всякое напоминание о Рае.

- И на какой только помойке Кирка подобрала эту пакость? - брезгливо сказала Жанна, глядя на лужу на ковре.

- На той, что в Чудо-Острове, - сказал Михрютка.

Ему самому историю щенка рассказала его приятельница, бесиха Барби. Барби эта неотступно ходила за некрещеной Кирой и имела на нее, к сожалению, очень большое влияние.

- Ну-ка, расскажи! - потребовала Жанна. - Мне надо знать подробности.

- История простая, хозяйюшка, - начал рассказ домовой. - Брат и сестра взяли щенка на прогулку в парк аттракционов, а потом забыли его в кабинке на чертовом колесе. Хорошие детки, перспективные... Родителям они, придя домой, соврали, что щенка у них украли, и те пообещали купить им нового. Беспородного Кутьку дети сами купили на рынке, а родители пообещали купить породистого - чтобы деточки не расстраивались! А Кутька так и катался весь день, забившись под скамейку, хи-хи-хи!

- Топить таких надо сразу, как только родятся, а не в парки водить!

- Это ты про щенков или про детей, хозяйка?

- А, сама не знаю! И от тех, и от других только грязь, шум и одни неприятности.

- Так мы там, внизу, давно работаем над проблемой снижения рождаемости в России и вообще на земле.

- Плохо работаете! Житья вот нет от проклятых девчонок. Не было бы их, у меня бы Мишин давно вот где был! - и она потрясла слабым кулачком: кулак-то у Жанны не сжимался как следует, потому что уж очень длинные у нее были ногти.

Девочки и Юрик поднялись на второй этаж, вошли в комнату сестер и сразу же увидели лежащие на письменном столе копии часовенки святых Юлии и Анны.

- Ой, какое чудо! - воскликнула Гуля. - Что это за церковка такая?

- Там написано, - сказала Александра, открывая коробку с тортом.

- Часовня святых Юлии и Анны... - прочла Гуля. - Ой, ребята, вот бы нам такую же!

- Неплохо бы, - сказал Юрик. - Какая красавица!

- Где красавица? - спросила Кира, заглядывая через плечо Гули на фотографию. - Ой, да ничего особенного! Совсем не Нотр Дам де Пари. Если хотите, эта часовня даже чем-то похожа на наш сарай.

- Вот именно! - сказал Юрик. - И это очень здорово! Аннушка, ты помнишь, как Юлька обманула тебя прошлым летом насчет сарая?

- Ну да. Она сказала, что в сарае когда-то была часовня...

- Было такое, наврала я сестре, - подтвердила Юлька. - Ну и что?

- А вот что! Слушайте меня, девчонки! - торжественно провозгласил Юрик. - Часовня на месте сарая не БЫЛА, а БУДЕТ! И построим ее мы сами, своими собственными руками! Из старого сарая перестроим!

- Это мысль! - сказала Александра, пряча улыбку.

Юлька дернулась было сказать, что они с сестрой уже давно, еще вчера вечером придумали перестроить сарай в часовню, но Александра сделала ей знак бровями и приложила палец к губам. И Юлька ее поняла и кивнула: дескать, ладно уж, не станем выставляться! Аннушка, та просто помалкивала и улыбалась тихонько.

- Это не просто мысль - это чудо что за мысль! - воскликнула Гуля. - А вы что молчите, Юля, Аннушка? Вы же всегда хотели, чтобы на нашем острове была церковь!

- Да мы и сейчас не против, - сказала Юлька. - Вот только справимся ли мы своими силами?

- Конечно, справимся! - воскликнул Юрик. - Нас вон теперь как много, мажайцев! Выпустим весной зайцев на волю и станем храмостроителями. Александра Николаевна, я к месту употребил это слово?

- Очень даже к месту, Юрий! Совершенно к месту! - улыбаясь, ответила ему Александра.

- А кому мы посвятим часовню? - спросила Аннушка, и они с сестрой с некоторой тревогой стали ждать ответа: неизвестно, как этот вопрос решат их друзья.

- А зачем долго искать? - сказала Гуля. - Вот как тут - так пускай и у нас будет! Часовня имени святых Юлии и Анны! Вы же первые нашли этот сарай, разве нет?

- И вы там самые первые молились да еще как молились-то! Я тогда еще дурак был невоцерковленный, испугался за вас: ну, думаю, крыша поехала у девчонок! Помните, во время киднеппинга? - сказал Юрик. - Часовня святых Иулии Карфагенской и Анны Кашинской - это здорово звучит. Соглашайтесь, девчонки, а то ведь мы и передумать можем!

Юлька с Аннушкой переглянулись и засмеялись.

- Ребята, простите нас! - сказала Аннушка. - Мы с сестрой с самого начала, как только увидели эту фотографию, тут же подумали, что наш сарай можно перестроить под часовню святых Иулии и Анны. Мы просто стеснялись вам об этом сказать!

- Ну и глупо, мы бы вас сразу поддержали. Давно вы это придумали?

- Мысль такая у Юлианн еще вчера вечером возникла. А сегодня утром она окончательно оформилась, сразу как мы пришли к часовне, - сказала Александра.

- А, ну тогда и мы не очень отстали, - сказала Гуля.

- Да почти не отстали! - засмеялась Аннушка. - Правда, Александра?

- Конечно! - сказала Александра. - Можно считать, что мысль пришла каждому из вас сразу же, как только он увидел петрозаводскую часовню, только каждому в свое время. Но теперь, если мы все в одно время не кинемся есть торт, то от него и развалин не останется!

И все дружно кинулись к тарту, а Кира вскрыла свой пакетик с сухариками.

А про то, что Ангелы Хранители отроковиц Анны и Юлии задумали строительство часовни на Крестовском острове давным-давно, сразу после прошлогодней Битвы при сарае - об этом не знал никто. Ангелы - они очень скромные.

- Ну вот, теперь наши подопечные станут храмостроителями, - сказал Ангел Натан. - Слава Богу!

- Слава Богу! - поддержали его другие Хранители.

Глава 7

Зайцев спасали, как вы знаете, почти всем островом, но поскольку занимались этим ребята, то, само собой, не обошлось без игры и фантазии. Первым делом заячий холмик-общезитие превратили в настоящую крепость. На вершине ее из снега сложили башню, в нее воткнули шпиль из старой лыжной палки, а на шпиле, как это и положено в настоящих замках, установили флюгер - вырезанную из картона фигурку зайца, дудящего в трубу. Вокруг крепости построили еще снежную ограду с зубцами и башнями и со сквозными туннелями из широких пластиковых труб. Туннели придумал Юрик Сажин. Трубы он приволок с какой-то стройки и уверял, что там они уже никому не нужны: «Они пластиковые, их даже в утиль не возьмут!» К тому же дом уже начали заселять, а неиспользованные трубы так и остались валяться перед подъездами и только мешали жильцам ходить. С этими туннелями он здорово придумал: сквозь них зайцы по ночам свободно выбирались наружу, чтобы побегать на просторе. В случае опасности зайцы шмыгали через туннели обратно в свою крепость, а собаки пробраться в крепостной двор по узким трубам не могли. Зато ворот в наружной стене не было

вовсе, и маза́йцам приходилось каждый раз перелезть через стену, а потом передавать туда ящики с овощами.

С другой стороны сарая, подальше от Заячьей крепости, построили еще две крепости, уже для снежных сражений. Ну и, конечно, сражались, когда оставалось время от заготовки фуража для зайцев. В эту зиму не было у ребят с Крестовского острова места веселее, чем у старого сарая, забыли даже про каток, про лыжи и про «Чудо-остров»!

Сестры с Александрой опекали еще и зайчиху с зайчатами. Они так и не выяснили, что едят кормящие заячьи матери и маленькие зайчата, даже ребята-экологи́сты им тут помочь не смогли. Поэтому сестры несли в подвал для пропитания заячьего семейства все подряд: овощи, фрукты, белый и черный хлеб, остатки утренней каши. Они даже ставили им молоко в мисочке, рассудив, что зайчата все-таки дети, а всем детям нужно молоко. Что-то из еды исчезало, что-то оставалось нетронутым. Но к девочкам ни мама-зайчиха, ни зайчата никогда не выходили. Они гуляли по подвалу только ночью, так что было неясно, как они там себя чувствуют? Живы-здоровы, судя по обильным специфическим следам в углу подвала. Запах, правда, стоял в помещении не сказать чтобы очень уж приятный, но девочки держали небольшое подвальное оконце постоянно приоткрытым - для притока свежего воздуха. Ну и убирали за жильцами, конечно: Аннушка постоянно, а Юлька - по настроению или когда ей Александра напоминала.

Снежные бои и добывание корма для зайцев занимали много времени, но весна приближалась, можно сказать, уже чувствовалась в воздухе, и ребята понемногу принялись очищать старый сарай внутри и снаружи. Они собирались начать строительство часовни сразу, как только стает снег и просохнет земля. Работали не все крестовские ребята, а только те, кто захотел вместе с сестрами и их компанией строить часовню: таких оказалось примерно половина всех маза́йцев, может быть, даже немножко больше. Но некоторым детям строительство часовни, а тем более очистка старого сарая, показались занятием скучным в сравнении с игрой в маза́йцев, а другие просто не захотели пачкаться. Конечно, это были те, кто еще всерьез не задумывался о Боге.

Работа и в самом деле была нелегкая, да и грязная, честно говоря. Александра купила где-то три синих рабочих халата, и теперь она и сестры, не обращая внимания на подшучивания других ребят, приходя в сарай на работу, первым делом натягивали эти халаты поверх своей одежды. Вид у них, конечно, был не вполне «презентабельный», как шутил Юрик, зато домой они возвращались более-менее чистыми. Однако Жанна, если встречала их при входе, каждый раз фыркала носом и заявляла, что от них «воняет зверьем». Александра спокойно отвечала ей, что от Юлианн действительно пахнет зайцами, но папа им позволил заниматься маза́йством, а сейчас они идут в душ, где смоят все запахи, - и немедленно уводила сестер из-под злобного взгляда Жанны и обстрела ее грубых острот.

Вслед за Юлианнами и Александрой некоторые ребята тоже приобрели себе настоящую рабочую одежду и стали держать ее в сарае. Другие принесли в сарай старые спортивные костюмы, что было ничуть не хуже, и стали надевать их перед работой. А вот рабочих рукавиц закупили целый ящик, всех размеров, но их все равно постоянно не хватало. И не только потому, что рукавицы эти имели свойство постоянно теряться и прятаться в самых неожиданных местах, но и потому, что они просто быстро изнашивались при такой работе.

Скребками, купленными в строительном магазине, ребята очищали сарай от остатков старой штукатурки. Работали по двадцать минут, после чего Александра решительно выгоняла всех на свежий воздух, чтобы дать улечься известковой пыли. Во время этих перерывов можно было поиграть в снежки или просто погулять. Потом ребята собирали всю отбитую штукатурку в мешки для мусора, а вечером на санках отвозили к ближайшей стройке и там бросали в общую кучу строительного мусора. Заодно поглядывали по сторонам: не попадет ли что-нибудь

полезное для будущего строительства? Попадалось много чего, и все это ребята норовили притащить к сараю. Например, брошенные леса, оставшиеся от строительства, - даже Александра сказала, что это безусловно ценная находка. Нашли несколько ржавых, но очень красивых старинных балконных решеток: их раскопали в развалинах некогда роскошного особняка, чьей-то бывшей дачи. Дача разрушилась от старости, вернее от заброшенности, и ее руины уже начали разбирать и вывозить. Решетки Александра одобрила и сказала, что их можно будет использовать для ограды часовни. Но вот когда мальчики на санках привезли нераспакованный мешок цемента, Александра решила положить конец строительному мародерству:

- Мы строим часовню для святых! Допустимо ли строить ее из украденных материалов? Да-да, украденных! Потому что у каждой стройки есть хозяева, а мы ни у кого из них не спрашивали разрешения. В общем, мазаыцы-добывайцы, этот способ добычи стройматериалов следует немедленно прекратить! Мы все должны покупать на собственные деньги и на собранные пожертвования.

- Да нас и так уже зайцы объели до костей! - возмутилась Гуля. - Все наши карманные деньги на них уходят!

- Это правда, - вздохнул Юрик. - Но часовню надо строить чистыми руками и из чистых материалов, тут Александра Николаевна права.

Остальные ребята подумали-подумали, повздыхали и согласились с ним. Кое-что даже развезли обратно по стройкам, и нераспакованный мешок цемента в первую очередь. Да, нелегкое, ответственное и хлопотное оказалось это дело - храмостроительство!

По воскресеньям сестры вместе с Акопом Спартаковичем и Александрой ездили в храм Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове, который построил еще император Павел I. Сестры любили этот храм, самый ближайший к их дому. При храме, на самом берегу реки Большая Невка, стоит круглая часовня, и девочки после службы всегда приходили в нее помолиться о бабушке.

История самой часовни очень необычна и, пожалуй, ее стоит рассказать, поскольку это касается истории Петербургских островов. В начале пятидесятых годов известный архитектор Владимир Сергеевич Васильковский построил Ушаковский мост через Большую Невку. Архитектор был неверующий, а мост был посвящен адмиралу Федору Ушакову. А потом случилось чудо: советский архитектор уверовал в Бога, а знаменитый адмирал и молитвенник был прославлен как святой - и получилось, что раб Божий Владимир построил мост имени святого Феодора Ушакова! Представляете, какая это была радость для архитектора? Вот ведь как иногда наши обыкновенные земные дела превращаются в духовные делания!

Но вернемся к часовне. Для разводки моста архитектор Васильковский выстроил на берегу техническое помещение, проще говоря, каменную будку, и построил он ее в форме круглого павильона. Почему ему вздумалось построить именно круглую будку, этого он и сам не знал, хотя никто круглых разводных будок на мостах не строил. Такой вот проект ни с того, ни с сего пришел ему в голову! Это он сам тогда думал, что ни с того, ни с сего.

На самом деле это его Ангел Хранитель подсказал ему такую мысль, прозревая далекое будущее как России, так и самого архитектора и его сооружений.

Позднее мосты стали разводить более современным способом, с помощью электроники, и разводная будка оказалась больше не нужна. Она долго стояла на берегу, всеми заброшенная,

пустая и запертая на замок. Потом наступили в городе смутные времена, появилось множество бомжей, которым надо было искать укрытие от холода и сырости. Бомжи расковыряли замок, открыли дверь будки и стали в ней ночевать и даже разводили на каменном полу костерки, чтобы разогреть себе пищу и приготовить чай. По их вине в будке однажды случился пожар. Бомжи разбежались, а тушить пожар никто не стал, и внутри будки все выгорело и пришло в полное и, казалось, уже окончательное запустение. Но прошло еще какое-то время, и архитектор Васильковский стал прихожанином вновь открывшегося храма Рождества Иоанна Предтечи, а построенную им разводную будку в 2002 году передали храму. Ну, и конечно же, Владимир Сергеевич сам взялся ее перестраивать в часовню! И это была самая последняя работа уже старого архитектора: закончив ее, он вскоре умер.

Понятное дело, что умер он не совсем, а, как говорят Ангелы, совершил Переход: похороненное с почестями физическое тело его осталось пока лежать в земле до Страшного Суда, а сам он отправился к Господу. Думаю, что при встрече святой Феодор Ушаков тепло поблагодарил раба Божия Владимира.

Присматривать за часовней осталась вдова архитектора Васильковского. Долго думали батюшки, как распорядиться часовней - открыть в ней иконную лавку, устроить воскресную школу или еще что-нибудь полезное для прихода? И все как-то ничего не складывалось и не получалось, пока не решили они устроить часовню в честь иконы Божией Матери «Всецарица» (по-гречески «Пантанасса»). Копия этой чудотворной иконы висела в храме Рождества Предтечи, и перед нею постоянно молились, читали акафисты и служили молебны, потому что икона эта, а также все ее копии славятся чудесами исцеления, помогают раковым больным. И это действительно так, и вы можете в этом убедиться, если побываете в часовне на Каменном острове и увидите икону: вся она увешана приношениями от тех, кому Матерь Божия помогла исцелиться или принесла облегчение по молитвам перед Ее образом «Всецарица». Потому-то наши девочки и любили бывать в этой часовне. Сестры верили, конечно, что их бабушка уже совсем исцелилась от страшной своей болезни, но на всякий случай после службы в храме всегда шли в круглую часовенку помолиться о ней Богородице. «Профилактически», - пояснила Юлька Александре. И Александра молилась вместе с сестрами о пока незнакомой бабушке Насте.

Гуля и Юрик по воскресеньям тоже ездили в церковь на берегу Большой Невки, но только в другую, в Благовещенскую. В этой церкви когда-то отпели Гулиных родителей, вот она и ходила туда. А Юрик ее сопровождал. Нет, он, конечно, был мальчик верующий, службы выстаивал вполне благонаравно, только все никак не мог решиться пойти на исповедь и причаститься - стеснялся.

А вот Кира никуда ни на какие службы не ходила, она ведь была некрещеная и неверующая и по воскресеньям до самого обеда обычно скучала. Только и было у нее развлечений, что гулять с Кутькой по острову и радоваться, когда кто-нибудь из встреченных ребят замечал торчащую у нее из-за пазухи любопытную Кутькину мордочку и подбегал поздороваться. А куда можно пойти одной, без привычной компании? Иногда она ходила к сараю, но и там по воскресеньям делать было нечего: корма с субботы в ящиках оставалось достаточно, зайцы сидели в своей крепости и днем не показывались, даже собачьих следов вокруг, кроме Кутькиных, не было. Поглядит Кира на сарай, на все три крепости - одну заячью и две ребячьих, да и побредет обратно через парк к дому Мишиных - узнать, не вернулись ли еще Юлианны из храма?

Вот как-то в одно из воскресений она отправилась к Мишиным, собираясь подождать сестер. «Если их еще нет, - думала Кира, - я, может быть, с Жанной пообщаюсь. Она такая интересная!».

А Жанна будто ждала ее.

- Кирочка, как хорошо, что ты пришла! У меня для вас с Кутькой есть подарок. Пойдем ко мне в комнату!

- Может, я Кутьку оставлю здесь, внизу? Как бы он у вас опять не напачкал.

- Ну что ты, какая ерунда! Таня уберет, она тут для того и находится. Не бери в голову, поднимайся вместе с ним!

В жутковатой своей комнате Жанна вручила Кире красивую коробку, перевязанную красной лентой.

- Открывай!

Кира открыла и ахнула: в коробке лежал красный ошейничек с золотыми заклепками и пряжкой и кожаный поводок с механическим удлинителем для Кутьки.

- Какая прелесть! Но это ведь страшно дорогой подарок, Жанна...

- Пустяки, пара сотен долларов.

- Ой!... Кутька, и за что только тебе такой подарок достался?

- За красоту! - сказала Жанна. - А вот видишь, на ошейнике буквы К и К. Это значит «Кири Кутька». Это уже я сама вышила. Все пальцы исколола, между прочим.

- Ой, спасибо вам! - сказала Кира растроганно.

- Ну, присядь, поболтаем немного о реальной жизни, а то ведь с Юлианнами ни о чем серьезном и не поговоришь. Представляю, как тебе надоели их вечные фантазии о Боге да каких-то там Ангелах!

Кира послушно села, и они стали разговаривать о «реальной жизни»: то есть о платьях и туфельках, о макияже и визаже, о возможностях женской карьеры в наше сложное время и о прочих вещах, о которых с Юлианнами, Гулей, а тем более с Юриком разговаривать и вправду было невозможно. Впрочем, беседовали они и «о духовном» - как его понимала Жанна.

А сопровождавшая Киру бесиха Барби, похожая одновременно на красивую куколку и на жуткого зомби женского пола, тем временем вела беседы с бесом Жаном.

- Девочки из вашего дома дурно влияют на мою подопечную. Она раньше была гораздо эгоистичней и самоуверенней! - жаловалась Барби. - Почему вы за ними совсем не смотрите?

- Мы-то смотрим! Но нам здорово мешают их Ангелы Хранители.

- Да, понимаю. Мне хорошо, мне Ангелы не мешают. Вот только собачонка эта появилась некстати! Мелкая тварюшка, а сколько же от нее вреда! Кира моя к этой дворняжке просто отвратительно привязалась, можно сказать, прости меня Гад за плохое слово, ЛЮБИТ ее!

- Да, любовь - это в высшей степени пошло! - согласился с Барби Жан. - Вредно это для детей - любить животных. Учение Гада недаром утверждает, что любовь может погубить мир человеческий, а ненависть его спасет.

- Для нас, - уточнила Барби и облизнулась.

Кира с хозяйкой беседовали до тех пор, пока Жанна, поглядев на часы, не сказала:

- Скоро Юлианны вернутся из храма. Иди-ка ты, Кира, встречать их на улицу: нехорошо, если они узнают, что мы с тобой тут беседуем, как две подружки. Еще ревновать начнут!

Кира удивилась и ужасно обрадовалась тому, что взрослая красавица Жанна считает ее своей подругой, и послушно отправилась с Кутькой на улицу.

Когда сестры вернулись из храма, Кира горделиво выгуливала Кутьку возле их дома.

- Ух ты, какая у Кутьки роскошная амуниция! - восхитилась Александра.

- Это нам Жанна подарила! - сияя, сказала Кира.

- А что это за буквы тут - К и К? - спросила Юлька. - Это знак фирмы, да?

- Нет! Это значит «Кирин Кутька»! Жанна сама их вышила.

- Красиво. Хотя буквы и кривоватые, - сказала Аннушка.

Когда они все вместе с Кутькой поднялись в комнату сестер, Аннушка продолжила разговор о Жанне.

- А чего это Жанна к тебе подлизывается, Кира? Ты смотри, будь с ней осторожна, она очень опасный человек!

- Вечно вы придираетесь к своей мачехе! - отмахнулась Кира. - А вот по-моему, она не только красавица, но и добрый человек. Она собак любит!

- Ты уверена? - прищурилась Юлька. - По-моему, она просто хочет влезть к тебе в доверие. Смотри, никогда ничего ей про наши дела не рассказывай, даже если она будет выпрашивать!

- Ну какие такие у вас дела, чтобы взрослая женщина ими интересовалась?

- Поня-ятно! - непонятно сказала Александра, внимательно поглядев на Киру.

- Ага, вот ты уже говоришь «ваши дела»! А я-то имела в виду наши общие с тобой дела - зайцев, часовню и все такое! - заметила Кире Юлька.

- Да ладно, очень нужны Жанне ваши дурацкие зайцы и какой-то старый сарай, из которого еще неизвестно что получится!

- А тебе, Кира, что, уже неинтересно стало спасать зайцев и строить часовню? - спросила Аннушка.

- Если честно, то никогда и не было особенно интересно. Просто я не люблю быть без вас, вы же мои друзья, - немного подумав, честно ответила Кира.

- И на том спасибо! - сказала Юлька. - Но Аннушка тебе правду сказала: с Жанной надо ухо остро держать.

- Вы к ней несправедливы! - стояла на своем Кира. - Жанна, если хотите знать, человек

высокодуховный!

- Что-что? Жанна и духовность - это что-то новенькое! - засмеялась Юлька.

- Да, представьте себе! Я вам сейчас докажу. - Кира подошла к столу, нашла чистый листок бумаги и нарисовала на нем фломастером круг, в нем две жирные запятые, разделила его извилистой линией пополам и одну половину заштриховала. - Вот кто из вас знает, что это такое?

- Это два головастика-близнеца в одной икринке, мальчик и девочка, - сказала Аннушка.

- А вот и нет! Это даосский символ единства добра и зла! А кто из вас может устроить хлопок одной ладонью?

- Да кто угодно! - сказала Юлька и хлопнула ладонью по столу. - Пожалуйста!

- Да ну вас с вашими шуточками! - обиделась Кира.

- Да ну ее, твою Жанну, с ее штучками! - возразила Юлька.

Александра, конечно, понимала, что это крайне непедagogично - слушать, как дети осуждают взрослую даму, и не вмешиваться. Но уж очень не по душе ей было заступаться за Жанну из педагогических соображений, и она промолчала, только постаралась сменить тему.

- Растет твой Кутька! - сказала она Кире.

- Не по дням, а по часам! - подтвердила Кира и расцвела.

Жанна с нетерпением ждала, когда же сработает подложенная ею бомба - страшный талисман, который должен был посеять между сестрами зависть и ненависть.

А бесы зависти, запертые в зловредном орехе, делали свое черное дело. Бесы никогда не спят, даже самые мелкие, и бесенята трудились все ночи напролет, внушая сестрам завистливые мысли. И вот как-то утром ореховая бомба замедленного действия сработала.

Юлька проснулась в очень странном настроении.

- Ты не спишь, Ань?

- Нет, я уже проснулась...

- Знаешь, сестрица, а ведь я тебе ужасно, просто ужасно завидую! - сказала Юлька, садясь на постели и прижимая к себе подушку.

- Это чему же ты завидуешь? - удивилась Аннушка. - Разве у нас с тобой не все одинаковое?

- Нет, не все, сестрица! Я завидую тому, что ты у нас вся такая умненькая-благоразумненькая! Я вот никогда не успеваю свою мысль до конца продумать - сразу выпаливаю! Бух! - И Юлька швырнула свою подушку прямо в Аннушку.

Но Аннушка ловко перехватила подушку прямо в воздухе.

- Нет, Юль! Это я тебе ужасно завидую, ведь тебе часто приходят в голову такие потрясающие, ну просто удивительные мысли! - И она швырнула подушку обратно.

- Угу, очень удивительные и очень потрясающие! Недаром нашего папу от них трясет. Потому-то тебе и приходится мои мысли потом додумывать и передумывать, чтобы беды не вышло. Смотрю я на тебя и удивляюсь, какая же ты хорошая! Почему я не такая? - И подушка опять полетела в Аннушку.

- Ты в сто раз лучше. Это я должна тебе завидовать, Юленька! Ты ловкая, ты отважная, ты всегда смело говоришь любую правду... А я трусливая, как...

- Ты хотела сказать «как заяц»? Скажи лучше «как кролик», ведь мы теперь знаем, какими храбрыми бывают зайцы. Но ты только с виду похожа на кролика, а когда приходит беда - ты отважна, как настоящий крестовский заяц! - Подушка полетела в Аннушку.

- Нет, ты лучше меня, Юленька! Ты всегда смелая. Как я тебе завидую - просто жуть! - Подушка отправилась к Юльке.

- И я тебя ужасно люблю, Анька!

- А я тебя в сто раз сильнее, Юленька! Так они и перебрасывались заколдованной подушкой, обмениваясь признаниями «в зависти», пока вдруг подушка не плюхнулась на пол и из нее не выкатился зловредный орех.

- Смотри, Юль, орех какой-то!

- С елки наверное остался и под кровать закатился... Давай расколем и съедем напололам!

- Давай...

- Девочки, не вздумайте его есть! - закричал Ангел Юлиус.

- Да вы посмотрите, какой он дрянной, - сказал Ангел Иоанн, - это ж гниль одна! Тьфу на него!

- Смотри, Ань, он весь черный какой-то! Нет, не станем мы его есть, ну его! - Юлька подбежала к окну и открыла его - они всегда так делали по утрам. Она размахнулась и закинула орех далеко-далеко в снег.

- Девочки! Скоренько поднимайтесь, пора в лицей! Павел Иванович уже наверняка ждет вас в машине! - позвала их Александра, и сестры, взявшись за руки, побежали в ванную комнату.

Михрютка, сидевший по заданию Жанны на заснеженном подоконнике снаружи и наблюдавший за сестрами, сразу же, как только черный орех был вышвырнут за окно, кувырком слетел с подоконника головой в сугроб. Он порылся в снегу и извлек из него треснувший «орех зависти». Повертел его в когтистых лапах, послушал, понюхал, потряс и пожал костлявыми плечами.

- Паралич у них, что ли? Бедные ребятки-бесенятки, - скорбно запричитал он, качая кошачьей головой, - как бесславно и бесполезно погибли вы на боевом посту... Ну и фиг с вами! Отнесу Жанне обратно ее не сработавшую бомбочку, пускай она побесится!

Жанна и Жан, приняв от Михрютки орех с неподвижными бесенятами, страшно разозлились на сестер, а заодно и на Михрютку - за компанию. Михрютка был Жанной обруган, а Жаном подхвачен за мохнатую лапу и вышвырнут опять за окно, на мороз, вместе с треснувшим орехом и парализованными бесенятами. Домовому вечно от Жанны с Жаном доставалось, вот только жалеть его мы с вами не станем! Как и находящихся в глубоком шоке паршивых

бесенят матушки Ахинеи.

Итак, талисманная атака на сестер провалилась с треском, о чем Жанна поспешила в тот же день доложить матушке Ахинее.

- Да ладно тебе расстраиваться, у меня этих «талисманов зависти» в месяц по дюжине уходит! - утешила ее мать Ахинея. Жанна быстренько прикинула, сколько же зарабатывает в месяц на талисманах мать Ахинеюшка? Подсчитала и решила, что после того, как она получит деньги Мишина и откроет первый в России лицей для будущих ведьм, она непременно изучит искусство изготовления зловредных талисманов и станет немножко ими подрабатывать.

- А я тебе помогу! - одобрил ее мысленное решение Жан. Одобрил тоже мысленно, чтобы мать Ахинея не услышала: такая вот у Жанны с Жаном была духовная связь. - И первым мы в такой орешек для пробы засунем Михрютку!

- А почему не сработал талисман? - спросила Жанна уже не столько с огорчением, сколько с профессиональным интересом.

- Да потому, что в сердцах твоих девчонок слишком много благодати. Чтобы искушения из-под подушки проникли в их сердце и как следует там зацепились, сердце должно быть по возможности чистым.

- Как это понять - чистым? - удивилась Жанна. - Зачем для колдовства чистое сердце?

- Очень просто. Сердце должно быть очищенным от любви, добра и главное - этой их Божьей благодати! Фу, не люблю я такие слова произносить, от них у меня в горле мельтусит и в печенках тенькает.

- Чего-чего?

- Причащаются твои девчонки чересчур часто и молятся слишком много, вот чего! Но мы с этим справимся. Для этого надо их изнутри отравить! Ты говорила, у девчонок есть святая вода?

- Есть. Весь дом ею протравили!

- Вот ты мне ее выкради и принеси. А я им вместо святой воды отраву телесную и духовную приготовлю, ее им и подсунем. В какой бутылке-то они святую воду держат?

- Они в Лавре какую-то специальную бутылку под святую воду купили, фарфоровую, с надписью и картинкой.

- Ага, этот их бренд мне ведом! Такую бутылку подменить ничего не стоит, мы их бренд на свой фейк

**

подменим. Принеси-ка мне эту бутылку, милочка.

- Простите, матушка Ахинея, но этого я никак сделать не смогу: мне не по силам и в руки-то взять бутылку со святой водой. Мне, знаете, недавно пришлось мимо нее по их комнате пройти, так я потом три дня животом маялась.

- Да нет, мне нужна пустая бутылка, конечно! Святая вода мне, знаешь ли, тоже ни к чему. Я только взглянуть хочу на бутылку, чтобы сделать хорошенький дубликат. Да не забудь ее как следует отмыть от святой воды перед тем, как ко мне тащить!

- Понятно. Ладно, раздобуду я вам бутылку! - пообещала Жанна.

- Вот тут-то нам и пригодится Кира! - сказала Жанна другу Жану, усаживаясь в машину. - Вот мы ее и используем!

- Ясен перец, используем! - сказал Жан, прыгая на заднее сиденье. - А иначе зачем было и дружбу заводить?

Глава 8

Прошло несколько дней, и однажды Жанна отловила на лестничной площадке Киру, когда та поднималась к сестрам.

- Кирочка! - шепотом остановила она девочку. - Постой-ка, у меня к тебе дело есть. Ты не можешь принести мне из комнаты девочек бутылку со святой водой?

- А... зачем она вам? Вы же не христианка! - удивилась Кира.

- Я хочу только взглянуть на бутылочку! Видишь ли, у девочек одна бутылка на двоих. Я хочу им на Пасху вторую подарить, немножко другого фасона: пусть у каждой сестрички будет своя бутылочка для святой воды. Я думаю, им будет приятно.

- А, понятно! Ладно, я попрошу у них и принесу вам эту бутылку.

- Вот спасибо! Только, знаешь, давай сделаем это незаметно для Юлианн: ты просто возьми потихоньку бутылочку и принеси мне. Я им хочу сюрприз устроить!

И доверчивая Кира согласилась выполнить просьбу Жанны. Однажды вечером, уходя от сестер, она незаметно прихватила с собой фарфоровую бутылку с надписью «Святая вода», которую девочки еще прошлым летом купили в Александро-Невской Лавре. Она подбежала с нею к комнате Жанны и тихонько постучала в дверь.

- Я принесла вам то, что вы просили! - сказала она и хотела сунуть бутылку в приоткрытую Жанной дверь. Но Жанна в испуге отшатнулась.

- Э, нет! Ты сначала пойд и вылей содержимое где-нибудь за воротами, а потом бутылку вымой как следует - внизу, в туалете для гостей, - и принеси мне.

Кира удивилась пуще прежнего, но все-таки не подумала ничего плохого и даже успокоила себя: «Надо же! Жанна боится святой воды, а Юлианнам хочет сделать такой замечательный подарок. Как несправедливы к ней Юлианны!» И Кира сделала все, как велела Жанна: вышла на крыльцо, вылила святую воду прямо на дорожку, а бутылку вымыла под краном в туалете и отнесла Жанне наверх. А та в благодарность тут же вручила ей подарок для Кутьки - восхитительную несъедаемую косточку.

- Вы только верните бутылку поскорее, - попросила Кира, - а то Юлианны хватятся!

- Верну, верну! - пообещала Жанна. - Я тебе позвоню, ты меня встретишь у ворот, и я тебе верну их... святую воду! - последние слова Жанна произнесла с отвращением, но Кира этого не заметила. Или сделала вид, что не заметила.

На другой день Жанна привезла от матери Ахинеи точно такую же бутылочку, но с другой надписью, сделанной славянской вязью с завитушками, так что с первого взгляда и не разберешь, что вместо «Святая вода» на бутылке написано «Свиная вода». А что уж было в этом сосуде, этого и сама Жанна не знала, но надеялась, что какая-нибудь вредоносная дрянь - что же еще могла налить в нее матушка Ахинеюшка? Еще из машины, по пути на Крестовский остров из Коломны, Жанна позвонила Кире и назначила ей встречу за углом мишинского сада. Кира явилась в назначенное время, Жанна передала ей бутылку и велела немедленно отнести ее в комнату сестер и поставить на место. Кира бросилась исполнять поручение, а Жанна осталась в машине ждать результата.

Кира побежала к дому, но возле самых ступеней крыльца вдруг поскользнулась, взмахнула руками и... Бац! Кляц! - сама Кира шлепнулась на дорожку, а бутылка упала на тщательно очищенные от снега плиты и разлетелась вдребезги.

- Вот так-то! - удовлетворенно сказал Ангел Иоанн: это он учтиво, но настойчиво подтолкнул Киру к замерзшей луже - между прочим, той самой, которая образовалась на месте разлитой святой воды.

- Ты осторожней, брат! - попросил Юлиус. - Она же чуть ногу не подвернула!

- Да я осторожен: неужто ты не заметил, что я другой-то рукой ее за плечо поддержал?

- А! Прости, я и вправду не заметил. Жалко девочку-то!

- Еще бы не жалко! Вот кабы на ее месте Жанна оказалась...

Но дальше продолжать Юлиус не стал, оборвав сам себя: не могут Ангелы даже плохим людям зла желать. Их дело - с бесами бороться, а не с людьми.

Виноватая Кира завернула за угол, подошла к «хонде», в которой сидела Жанна, и робко постучала в заиндевелое окно машины. Жанна, узнав о беде, закричала на Киру:

- Идиотка! Под ноги смотреть надо! Убирайся немедленно домой и жди моего звонка, а я поехала за новой бутылкой! - Жанна завела машину и помчалась, ругая на чем свет стоит и Киру, и гололед, обратно к дому матери Ахинеи.

Кира ужасно обиделась, прямо до слез, что Жанна на нее так грубо накричала, и уже пожалела, что согласилась ей помогать. Она пошла прочь от дома Мишиных, но не домой, а в бассейн: пусть эта грубиянка на нее больше не рассчитывает!

- Ты напрасно на девчонку так накинулась, - укорил Жанну лежавший на заднем сиденье Жан.
- Она нам еще пригодится.

- Ты еще мне указывать будешь!

- Я не указываю, а остерегаю. И вообще, девчонка не виновата - ее Ангел направил на скользкое место.

- Не видела я там никаких ангелов!

Еще бы ведьма Жанна с ее темной душой могла видеть лучезарных Ангелов!

- И вообще, чего ты со мной всюду таскаешься, словно Киркин Кутька? - накинулась она вдруг на беса: не терпела она никаких разговоров об Ангелах, раздражали они ее до бешенства.

- Ну, если тебе в настоящий момент не по душе мое присутствие, так я могу и слетать куда-нибудь поразвлечься на свой лад.

- Вот и лети, развлекайся! Надоел ты мне, навязался на мою голову!

- Не на твою голову, а по твою душу, по твою душу, милая! - поправил ее Жан, уже вылетая из машины прямо сквозь крышу.

Жанна на его слова только фыркнула: подумаешь, душа! Вот напугал!

Жанну ни капельки не тревожило, что ее душа предназначена аду: она полагала, что, имея такие тесные и давние связи с бесами, она и в аду не пропадет. Характерное для злых людей заблуждение, между прочим! Хотя бесы больше всего ненавидят праведников и святых, но сорвать свою злобу они могут только на нераскаянных грешниках. И срывают да еще как! У себя дома, в аду.

Жанне повезло: у запасливой матушки Ахинеи оказался запас ядовитой «святой воды» и даже настоящую бутылочку из Лавры она сберегла в свинцовом ящике как образец. И фальшивых бутылок у нее был целый набор. Она быстро сфабриковала рисунок и надпись на одной из них и вручила Жанне новую пакостную бутылку. За новые двести евро, конечно, - именно столько она взяла с нее за первую бутылку. Прямо от колдуньи Жанна позвонила Кире, но той не оказалось дома. «Попробую сама подменить бутылку!» - решила она.

Вернувшись на Крестовский остров, Жанна оставила машину у ворот, а сама скорым шагом направилась к дому. Подойдя к крыльцу, она поскользнулась и растянулась как раз на том же самом месте, где какой-нибудь час назад упала Кира. Бац! Кляц! Жанна - кубарем, а бутылка - вдребезги! От злости и досады Жанна даже тихонько взвыла. Но потом, разъяренная и целеустремленная, поднялась и бросилась назад к машине.

- Еще раз принесет эту отраву - ноги не ноги, а уж каблуки ей точно переломаяю! - пообещал Ангел Иоанн, убирая меч.

- И сие будет только справедливо, брат Иван! - одобрил Ангел Юлиус.

Сев за руль, Жанна достала сумку и пересчитала наличные.

- Придется по пути в банкомат заглянуть, - с досадой сказала она, развернула машину и помчалась за новой бутылкой.

Через час вернулась. Пошла к дому уже не бегом, а осторожным шагом, прижимая к себе сумку, в которую она на этот раз засунула очередную бутылку, обернутую для сохранности еще и шарфом...

Бац! Крак! Крак! Кляц! - Жанна поскользнулась на том же самом месте, перед самими ступенями! Она упала, инстинктивно выставив перед собой руки с зажатой в них сумкой. Оба каблука ее были сломаны, а бутылка благополучно разбилась внутри ее змеиной сумочки.

Увидев, как из раскрывшейся сумки течет жидкость, Жанна завывала так, что из дома выскочил охранник: он подумал, что это сработала сигнализация у чьей-то машины! Охранник помог Жанне подняться и отвел ее, хромающую и подвывающую, в дом.

Больше за бутылками матушки Ахинеи Жанна в этот день, да и вообще никогда, не ездила: что-то подсказало ей, что если она еще раз попробует внести лжесвятую воду в дом Мишиных, то уже сломанным каблуком не отделается. А ноги ломать из-за Юлианн ей совсем не хотелось.

- Может, Ангелы вредничают? - спросила она, рассказав Жану о своей трехкратной неудаче с лжесвятой водой.

- Да что ты фантазируешь, Жанна? Какие Ангелы? - начал было Жан, но потом опомнился. - Ой, я забыл, что ты про них знаешь и столько от них пострадала.

- Ну конечно, я знаю про Ангелов в доме! Еще бы мне-то не знать своих мучителей! А ты с чего так заволновался-то? - удивилась Жанна.

- Да это я так... Не люблю я даже в шутку такие разговоры - про Ангелов.

Они их оба не любили - и Жанна, и Жан, и постоянно скрывали друг от друга свой страх перед Ангелами. Вот и сейчас Жан вдруг на минуточку забыл, что имеет дело с опытной ведьмой, а не с обычной дурочкой, слушающей наветы бесов на Светлые Силы. А знаете, какой у них главный навет, главная клевета на Ангелов? Бесы внушают своим подопечным, что Ангелов... не существует! Они и про себя врут людям, будто их нет. И некоторые доверчивые бедняги верят бесам, что бесов не существует, представляете? Эти обманутые люди утверждают, что бесы - это поэтическая метафора, обозначающая какое-то там абстрактное зло. Вот ужаснутся они, эти «поэты», когда однажды в свой смертный час увидят бесов лицом к лицу!

- А с Кирой ты помирись! - посоветовал бес Жан.

- И не подумаю! Дрянь неуклюжая! Такое дельце мне сорвала!

- Жанна, ну будь ты хоть капельку к ней справедлива: девчонка упала всего один раз, а ты - два!

- Ни к кому, кроме себя, я никакой справедливости проявлять не желаю!

- Ну, положим, к себе ты тоже не справедлива, а любвеобильна, милосердна, сверхзаботлива и всегда все себе прощаешь. Какая уж тут справедливость!

- Конечно, себе я все на свете прощаю, а как же иначе? А Киру эту, хоть она и предательница, я все равно ненавижу.

Ох уж эта Жанна, все бы ей кого-нибудь ненавидеть! Впрочем, с этого дня Кира тоже проходила мимо Жанны быстрым шагом и опустив голову: видно, была сильно на нее обижена. Однако Жанна никому и никогда не прощала обид, особенно тех, которые наносила сама. Она лишь выжидала момент, чтобы отплатить непокорной Кире. И дождалась, такой случай ей вскоре представился.

Получив ошейник с поводком и приучив к нему Кутьку, Кира на время своих визитов к сестрам стала оставлять щенка в саду. То ли она не хотела показывать его Жанне в наказание за ее грубость, то ли боялась, что он опять испачкает ковер, а Жанна теперь этого не простит ни ей, ни Кутьке. Она цепляла поводок за решетку ограды, давала щенку в зубы искусственную

косточку и говорила: «Не скучай, маленький! Я скоро вернусь!» Иногда Кира возвращалась и не очень скоро, но Кутька все равно не скучал: поводок у него был длинный, как у взрослой собаки, и щенок носился по снегу, гоняясь за воронами, норовившими выкрасть у него косточку. И он, и вороны могли часами предаваться этой забаве. Подловив такой момент, Жанна с веником под мышкой подкралась к щенку, отстегнула поводок, схватила Кутьку за ошейник, вынесла его за ворота и выбросила на дорогу. Потом она закрыла калитку, замела свои следы веником и ушла в дом с чувством удовлетворения от исполненного злодеяния.

Кутька был очень доволен, что избавился от поводка, и принялся бегать взад-вперед по улице. Но потом стало темнеть, и Кутьке на пустынной улице стало скучно и страшно. Он подлез под воротами, проник обратно в сад и побежал к дому, в котором скрылась любимая, но легкомысленная хозяйка. Постоял на крыльце, позвал-полаял, но хозяйка не появилась, и дверь ему никто не отворил. И Кутька, понурясь и принюхиваясь к своим и чужим следам на снегу, снова побрел к воротам. Щенок был маленький и глупый, он снова и снова уходил и приходил по своим же собственным следам, пролезал под воротами на улицу, возвращался и скулил... А потом куда-то совсем пропал.

Когда Кира вышла из дома Мишиных, она не нашла Кутьку на привычном месте. Остался только шикарный Кутькин поводок: одним концом он был по-прежнему прикреплен к ограде, а другой конец валялся в снегу. Кира стала разглядывать Кутькины следы, но следов на снегу было так много, что не было никакой возможности установить, куда же это отправился щенок и что с ним стало.

Кира выскочила на улицу и принялась громко звать Кутьку. Пошла в одну сторону, никого не нашла, вернулась, покричала около дома, в другую сторону побежала... И только совсем избежавшись и отчаявшись, она вернулась к сестрам. У самых дверей их комнаты она наконец заплакала: она верила, что сейчас ей помогут.

- Ку-ку... Ку-ку... - начала она, войдя в комнату.

- Ты чего это раскуковалась, Кира? - удивилась Юлька. - Что ты хочешь сказать?

- Я хо... хочу, я хо-хочу...

- Да не хохочешь ты, а плачешь! Ой, да что с тобой, Кирочка? Говори скорей, что случилось?

- Я хочу сказать, что Кутька пропал! - наконец выговорила Кира и громко зарыдала.

- Так бежим скорей его искать! Некогда рыдать - время уходит! - скомандовала Александра.

Гуля и Юрик, сидевшие у Юлианн, еще не успели уйти по домам. Все быстро оделись и вшестером вышли на поиски. По дороге, не теряя времени, они вызвали тех друзей, у кого были мобильные телефоны, и попросили дозвониться до остальных крестовских ребят, у кого таких телефонов не было. Позвали всех, кто был свободен и мог прийти на помощь. Впрочем, и те, кто свободен вовсе не был, а как раз делал уроки или помогал старшим по хозяйству, тоже сумели извернуться и примчались на подмогу. Вскоре остров был поделен на участки, и начались обширные и тщательные поиски. Продолжались они допоздна, дети облазили весь остров, звали Кутьку до хрипоты и ангины, но щенок так и не нашелся.

«Пропала собака, щенок неопределенного возраста и неизвестной породы по кличке Кутька, серый и пушистый, в красном ошейнике с золотыми буквами «К К». Нашедших просим вернуть за приличное вознаграждение. Звонить по телефонам...» - И дальше в два ряда шли номера телефонов, простых и мобильных.

Вот такие объявления были развешаны по всему Крестовскому острову. И каждый день кто-нибудь по этим телефонам звонил, но, к сожалению, это были свои же крестовские ребята, интересовавшиеся, не нашелся ли Кутька?

- Кирочка, говорят, у тебя щенок пропал? - участливо обратилась к Кире Жанна, встретив ее на площадке второго этажа дома Мишиных. - Бедный Кутенька! Неужели его беспризорные собаки украли и разорвали?

- Н-не знаю... - сказала Кира, и тут же из-под ее уже несколько дней не крашенных ресниц хлынули слезы.

- Ах ты, бедняжка! - Жанна обняла ее за плечи и повела в сторону своих апартаментов. - Пойдем ко мне, поговорим. Кто знает, может быть, я смогу тебе помочь!

В своей пещере Жанна усадила Киру в кресло, дала ей стакан воды, погладила по волосам, а потом сказала:

- Главное, узнать, жив ли сейчас Кутька? Если он жив, то найти его уже будет легче.

- А как это узнаешь... - безнадежно сказала Кира.

- О, есть много способов!

- Вы можете погадать на него? - догадалась Кира, и в заплаканных ее глазах промелькнула надежда.

- О нет! Зачем гадать, когда мы можем узнать это совершенно точно? Надо только обратиться к настоящему экстрасенсу-специалисту.

- А вы знаете таких специалистов?

- Конечно, знаю!

- Но это, наверное, ужасно дорого стоит!

- Пусть это тебя не беспокоит! Собака - друг человека, а я - твой друг, так чего не сделаешь для друзей, верно?

Кира неуверенно кивнула.

- Прямо сейчас мы отправимся с тобой к одной моей знакомой, которая нам наверняка поможет.

И они отправились к Агафье Тихоновне Пуповзоровой. Которая, конечно же, уже заранее была предупреждена о визите, для чего Жанне понадобилось только на минуточку забежать в ванную - «носик попудрить» и позвонить по мобильному телефону.

Агафья Тихоновна встретила их радостно.

- О, Жанночка, жабка моя незабвенная, какими судьбами? Как давно я тебя не видела! Как соскучилась по тебе! - Эти нежные излияния были рассчитаны специально на Киру.

- Я тоже соскучилась, - вежливо ответила Жанна. - Но мы к тебе по делу, дорогая Ага. Вот у этой девочки, любимой подружки моих падчериц и моей, случилась беда, у нее...

- Ни слова, Жанна! О беде человека надо узнавать от него самого! Как тебя зовут, девочка?

- Кира...

- Пойдем, Кира, в другую комнату, и там я тебе все про твою беду расскажу.

- Вы хотите сказать, что я вам про нее расскажу?

- Нет, я сказала именно то, что хотела сказать. Прощу сюда!

Ага завела Киру в свою спальню, где было темно и душно, усадила в какое-то мягкое, обволакивающее, будто покрытое периной, кресло, сама села в такое же кресло напротив, зажгла на столике между ними свечу и уставилась в глаза Кире. Она долго молчала, потом вздохнула и сказала:

- Да, это большая беда! Она гораздо больше, чем ты думаешь!

- Как это - больше, чем я думаю? - прошептала испуганная Кира.

- Да очень просто. Ты думаешь, что твой щенок потерялся и найдется. Ничего подобного, он вовсе не терялся...

- Его украли, да?

- Да. Но украли его не люди, а беспризорные собаки. Они выкрали твоего щенка оттуда, где ты его оставила...

- Ой, мама!

- Подожди-ка, я посмотрю откуда именно они его утащили... Ага... я вижу заснеженный сад с большими деревьями... красивый и богатый трехэтажный дом... Да, они утащили его из этого сада!

- Правильно, я оставила Кутьку в саду у друзей! - воскликнула Кира.

- Ш-ш-ш! Не отвлекай меня, пожалуйста! Так, большая собака несет маленькую в зубах, а другие хотят вырвать у нее щенка... Ах, бедная моя девочка! Пропал твой щенок! Они разорвали его на пустыре!

- Ой, не надо! - жалобно воскликнула Кира. - Я не хочу, чтобы это было так! Пожалуйста, не надо!

- Ну уж что было - то было, закат догорел! Это произошло... на пустыре возле строящегося дома-башни... Да, именно там. Ну, ничего, ты достанешь себе другого щенка, только и всего!

- Не надо мне никакого другого щенка! - закричала Кира, вскакивая с места. - Вы не знаете, что это был за щенок! Кутя, Кутенька мой!...

- А ну сядь на место! - рявкнула на нее Ага. - Никаких истерик в моем доме! Сидеть, кому сказано!

Кира испуганно упала обратно в кресло, утонула в нем и залилась горькими слезами. Ага дала ей выплакаться, а потом спросила тихо и таинственно:

- Так ты хочешь вернуть именно своего щенка?

Кира всхлипнула и кивнула.

- Ну что ж, это можно будет устроить...

- Как? Вы же сами только что сказали, что он умер...

- Умер-шмумер, лишь бы бегал! Для некоторых магов, которые людей сотнями воскрешают, какого-то паршивого щенка оживить - раз плюнуть. Вставай, пошли к Жанне!

Они вышли в гостиную. Жанна с немного скучающим видом сидела и ждала результатов сеанса.

- Ну что, - спросила она, - удалось что-нибудь выяснить?

- Да. Собаки разорвали. Плюнуть бы и забыть, но вот девочка уж очень переживает. Надо бы помочь, мокричка моя подпольная!

- Я ее понимаю, Ага, - кивнула Жанна. - Это был удивительный щенок! Кило обаяния на четырех лапах!

- Кило двести... - поправила ее Кира, вздыхая.

- Неважно, невелик недoves! - оборвала ее Ага. - Так что делать-то будем?

- Я не знаю...

- А о чем речь? - спросила Жанна.

- Да вот решить не может - старого воскрешать или нового покупать?

- А, понимаю! Ты что, Кира, действительно хотела бы воскресить своего Кутьку? - самым что ни на есть обыденным тоном поинтересовалась Жанна.

- Ну как же это - «воскресить»? - Кира толком не понимала, о чем талдычат Ага и Жанна. А ведьмы переглянулись и засмеялись, и у Киры зародилась смутная невероятная надежда: неужели она и вправду может получить обратно своего ненаглядного Кутьку каким-то оккультным путем?

- А... а разве же такое возможно? - робко спросила она.

- Подумаешь - собаку воскресить! - фыркнула Ага. - Сомневаешься? Да на вот, читай! - И ведьма сунула Кире газету, где было напечатано письмо в защиту арестованного экстрасенса Григория Грабового. Текст был обведен жирным красным фломастером, а сбоку стояла дюжина восклицательных знаков. Кира внимательно его прочла. Из письма-протеста выходило, что власти напрасно арестовали замечательного человека и великого гуманиста Г. Грабового, приносившего людям радость путем воскрешения их умерших родственников. Даже имена воскрешенных им людей в статье приводились!

- Вот видишь - людей воскрешают, а не щенков каких-то паршивых! - сказала Ага.

- Кутька не паршивый, я его специальным шампунем каждый день мыла!

- Да мне все равно, - пожала плечами Ага. - Твой щенок - тебе и думать, воскрешать его или нет.

- А ты веришь, что твоего Кутьку можно воскресить? - спросила Жанна.

- Не знаю... Этого колдуна ведь посадили в тюрьму, так может, он никого и не воскрешал на самом деле?

- Кира, ты взрослая девочка, почти девушка: неужели ты никогда не слышала о политических репрессиях?

- А если это не репрессия и не политическая, а просто этот Грабовой обманщик и мошенник?

- Станут люди защищать мошенника! - пожала плечами Ага. - Тут наверняка без православных христиан не обошлось. Это ж такие мракобесы!

- Но раз этот Грабовой сидит в тюрьме, так он все равно моего Кутьку воскресить не может! - резонно заметила Кира.

- А нам Гриша Грабовой для этого дела и не нужен, пускай себе сидит! Нам нужен специалист по воскрешению домашних животных. И такой специалист среди моих знакомых имеется. Его зовут Георгий Зурабович Магилиани. Но чтобы ты не сомневалась, я тебя сначала познакомлю с его клиенткой, которой он воскресил ее любимую собачку.

- Правда, познакомите?

- Легко!

Хотите верьте, хотите нет, но такая клиентка действительно нашлась: Ага ей позвонила и та любезно пригласила Киру приехать к ней и своими глазами посмотреть на воскресшую собаку.

- Поехали, я отвезу тебя! - сказала Жанна. - Спасибо тебе, Ага!

- Да ладно... Желаю удачи!

На Кузнечном переулке в центре города они, как ни странно, долго искали дом, в котором жил воскресший пес со своей хозяйкой. Дом отыскался в самой глубине одного из дворов. Это был уютный с виду двухэтажный особнячок: внизу, на первом этаже, находилась какая-то контора, без вывески, со спущенными жалюзи на окнах, а на площадку второго этажа выходили двери трех квартир. В одну из них они и позвонили. Дверь им открыла симпатичная старая дама в китайском халате, хрупкая, стройная, с головкой одуванчиком, а сопровождала ее небольшая косматая собачка с бантиком на макушке.

- Проходите, проходите! - ласково пригласила их старушка.

В комнате, куда она их привела, за столом сидела еще одна старая дама - широкоплечая, с толстой седой косой, обернутой вокруг головы.

- Меня зовут Лика Казимировна, а это моя подруга и соседка Варвара Симеоновна. - Старая дама за столом слегка кивнула головой, разглядывая вошедших. - А вот это Танечка! Поздоровайся с гостями, Танечка, дай им лапочку! Они к тебе пришли, солнышко мое!

Собачка послушно села на задние лапы и протянула гостям переднюю. Жанна от лапожатия уклонилась.

- Здравствуй, Таня! Это ведь девочка? - спросила Кира, вежливо пожимая теплую собачью лапу.

- Кобель! - басом и почему-то строго сказала Варвара Симеоновна. - Полное имя Титаник, а сокращенно - Танька.

- Варенька, может, ты пойдешь к себе? - жалобно предложила подруге Лика Казимировна.

- Пожалуйста! Нас просят - мы удаляемся. Да я и не хочу слушать, как ты тут начнешь рекламировать своего прохиндея Гогу-Магогу Могилиани.

- Ну сколько раз тебе говорить, Варешка, он не Могилиани, а МАгилиани! От слова МАГ, а вовсе не от слова МОГИЛА. Ты же филолог, неужели ты не ощущаешь разницу?

- Ощущаю, дорогая, очень даже ощущаю, потому-то и ошибаюсь все время!

- Ах, Варешка, ты иногда бываешь невыносима...

- А ты невыносима ВСЕГДА - со своей глупостью и доверчивостью! - Варвара Симеоновна с грохотом выдвинула из-под себя кресло, поднялась и, громко топая, пошла вон из комнаты. - Можешь продолжать пиарить своего Гогу-Демагогу, но без меня. Всем - до свиданья! - отчеканила она на пороге и затем исчезла, хлопнув дверью.

Шумная Варвара Симеоновна ушла, и Лика Казимировна, слегка порозовевшая от неловкости, предложила гостям чаю. За чаем она и рассказала им историю Титаника.

- Нашла я Танечку в луже. То ли какой-то жестокий человек его туда забросил, то ли он сам в лужу забрел по неопытности, не знаю: он еще слепой был, бедняжка. Барахтался он, уцепившись за какую-то картонку, и повизгивал так жалобно-жалобно! А картонка уже намочилась, вот-вот ко дну пойдет... Ну, пришлось мне зайти в лужу и вытащить его. Между прочим, это Варенька его Титаником окрестила. Вы не смотрите, что она такая строгая, на самом деле она очень любит Танечку! И всегда его любила, и до воскресения, и после. Так вот, стали мы жить вдвоем и все у нас было хорошо. Но однажды бедный Титаник, ему уже два года было, где-то подхватил чумку и через три дня скончался. Я глупая тогда была, витаминами и морковкой Танечку закармливала, а прививок ему не делала, я ведь сама ужасно боюсь уколов. Наш ветеринар не сумел его спасти, и Титаник скончался. Можете представить, какое это было для меня потрясение! Мы похоронили бедного Танечку прямо у нас во дворе вон под тем старым тополем, - она кивнула своей одуванчиковой головой в сторону окна. Кира поглядела в окно: тополь был в наличии, и почему-то это придавало рассказу Лики Казимировны убедительность. Она продолжала: - Я каждый день приносила ему цветы и плакала. И вот однажды Георгий Зурабович увидел меня за возложением цветов.

- Георгий Зурабович - это Гога Магилиани? - спросила Жанна.

- Да-да, это был он! Георгий Зурабович как раз только что купил нижний этаж нашего дома и еще никого не знал в нашем дворе. Он подошел ко мне, расспросил и, узнав, что под тополем лежит мой Танечка, предложил мне его тут же воскресить.

- Как?! Он разрыл могилку и вытащил труп вашей собачки прямо у вас на глазах? - в ужасе спросила Кира.

- Ну что вы, Кирочка! Георгию Зурабовичу для воскрешения никакие трупы не нужны.

- А... А кого же он тогда воскрешает?

- О, это сложная процедура! Сначала он связался с духом моего Титаника. Для этого ему нужна была какая-нибудь материальная вещь, принадлежавшая усопшему. Я дала ему старый тапок, который Танечка любил погрызть. А у вас, Кирочка, кстати, осталось что-нибудь от вашей собачки?

- Да, поводок остался.

- Вот и прекрасно! После второго раза у меня тоже остались ошейник и поводок, и Георгий Зурабович сказал, что это самые лучшие предметы для воскрешения собак.

- Как это «второго раза»? - спросила Кира.

- Так ведь мой Титаник воскресал дважды! Вы послушайте, что было дальше! - Чувствовалось, что самой Лике Казимировне рассказ о посмертных приключениях Титаника доставлял огромное удовольствие. - Ну вот, Георгий Зурабович с Танечкой связался, и после некоторых уговоров дух Титаника согласился вернуться в новое тело.

- А где вы тело-то для него взяли?

- Да в зоомагазине! Мы с Георгием Зурабовичем стали обходить городские зоомагазины в поисках воскресшего Танечки. Мне в тот раз не сразу повезло: только после двух недель безрезультатных хождений по магазинам я, наконец, увидела моего песика. Я его сразу узнала по глазам и позвала: «Титаник, Танечка, это ты?». Он тоже сразу узнал меня, тут же бросился ко мне и стал проситься на руки. Это был такой волнительный момент - наша первая встреча через месяц после его смерти! - Лика Казимировна достала маленький платочек с кружевцем и промокнула им глаза. - Я купила Танечку и повезла его домой. Теперь-то я сразу пошла к ветеринару и сделала ему все прививки. Но вот ведь какое трагическое стечение обстоятельств: ровно через два года, как это было и в первый раз, Танечка снова погиб.

- Опять чумка? - спросила Кира.

- Нет, на этот раз Титаник погиб не от чумки. Его зарезали.

- Какой ужас! - воскликнула Кира.

- Бомжи, что ли? - спросила Жанна.

- Нет, не бомжи - трамвай. Как-то на прогулке Титаник вывернулся из ошейника, выскочил со двора и бросился на рельсы - у нас по Кузнечному трамвай ходит. Вот мой Танечка и попал под трамвай. Боже мой, это было море крови и океан горя! Я подхватила бездыханное тельце и бросилась к Георгию Зурабовичу. На мое счастье, он был на месте: Георгий Зурабович у нас много ездит по стране, читает лекции и воскрешает мертвых животных, так что я могла его и не застать. Танечку он велел похоронить где-нибудь за городом, в лесу, на природе, чтобы его бедному телу было там уютно, и оно не помешало возвращению души в новое тело. Мы его похоронили в Сосновке, а уже через три дня нашли воскресшего Титаника в зоомагазине на Владимирском проспекте, совсем рядом! Представляете, какая это была радость?

- Представляю, - неуверенно сказала Кира. Рассказ Лики Казимировны как-то не совсем укладывался в ее голове. - И вы уверены, что этот новый щенок снова был ваш Титаник?

- Ну, конечно! Георгий Зурабович не дал бы мне ошибиться. А вот в ветлечебнице были проблемы. Эти бюрократы не хотели регистрировать Танечку по старым документам.

- Почему не хотели?

- Да потому, что в старых документах был указан другой возраст и другая порода! Первый раз Танечка был французским бульдогом, хотя и не чистопородным, потом он воскрес таксой, а вот теперь он - йоркширский терьер! Пришлось оба раза оформлять документы воскресшего Танечки заново, как на новую собаку... Ах, люди с таким трудом воспринимают все духовное, непонятное, мистическое... Атеисты!

- А вы - верующая? - спросила Кира.

- Да, конечно! Я католичка! - с достоинством ответила Лика Казимировна. - Но моя вера в Христа не мешает мне верить и в Георгия Зурабовича Магилиани! Я верю, что его дар от Бога!

- По-моему, это как-то странно... - задумчиво сказала Кира. - Вот у меня подруги все верующие, так они говорят, что экстрасенсам, магам и целителям вообще верить нельзя, что их способности - от бесов.

- Вот и мои подружки Варенька и Агния, они живут в квартирах справа и слева от моей, тоже не верят и меня ругают! По-моему, это просто крайняя духовная ограниченность, свойственная православным! Мне их искренне жаль, ведь мы все трое дружим с детства. Кстати, если вы их встретите и они начнут вам наговаривать на Георгия Зурабовича, ну, будто он добивается, чтобы я ему квартиру в наследство оставила, и вообще весь наш дом хочет захватить - вы им не верьте, пожалуйста! Георгий Магилиани - самый благородный и бескорыстный человек на свете! Он ни копейки не взял с меня за оба воскрешения Титаника!

«Вот это- то и подозрительно!» - усмехнулась про себя Жанна, а вслух сказала совсем другое:

- Ну что ж, все это звучит очень убедительно. Для меня, по крайней мере. А когда можно будет встретиться с этим Магилиани?

- Да хоть сейчас! - воскликнула с энтузиазмом Лика Казимировна. - Он должен быть уже у себя, я ему позвоню!

Она позвонила и пропела в трубку:

- Георгий Зурабович, дорогой, здравствуйте! Да-да, Танечка вполне здоров. Да, и я тоже, конечно! А что со мной может случиться? Георгий Зурабович, а у меня к вам большая просьба! Можно мне привести к вам клиента, вернее, клиентку? Это совсем молоденькая девочка, у которой погибла собачка. Можно? Прямо сейчас? Ах, спасибо вам огромное!

Георгий Зурабович Магилиани с первого взгляда показался Кире вполне даже симпатичным мужчиной - пока он глаз не поднимал. Но когда он уставился на Киру холодным, пустым и каким-то отморозенным и замораживающим взглядом, она почувствовала себя так, как будто с утра наелась сосулек, и потом еще долго не могла избавиться от этого чувства холода внутри.

Магилиани повертел в руках Кутькин ошейник, задумался и объявил:

- Тридцать три сто.

- Что - тридцать три сто? - не поняла Кира.

- За воскрешение вашей собаки я возьму обычную цену - тридцать три тысячи сто рублей.

Глаза Киры наполнились слезами - такая сумма была ей не по карману.

- Георгий Зурабович, дорогой, у девочки нет таких денег!

- Ладно, - покладисто и равнодушно сказал маг, - тогда я возьму с нее триста тридцать один доллар.

Кира хотела сказать, что и этих денег у нее нет, но она постарается их собрать, и хотела уже попросить Магилиани, чтобы он воскресил Кутьку в долг, но Жанна ее опередила. Она успокаивающе погладила Киру по плечу и объявила, что готова сама заплатить эти деньги. Тут же она выложила и аванс - сто долларов. И маг тут же, не выходя из-за стола, немедленно приступил к воскрешению...

Переговоры с духом Кутьки заняли совсем немного времени. Кира, Жанна и Лика Казимировна молча сидели рядом на стульях, а Магилиани сидел за столом, закрыв глаза и поджав губы. Через пять минут он открыл глаза и объявил, что на Кутьку действительно напали собаки и разорвали его в клочья. Щенок находится в небытии и очень скучает по хозяйке. Кутька сразу же согласился найти подходящее щенячье тело, переселиться в него и терпеливо ждать, пока хозяйка его отыщет. Так сказал маг. Еще через пять минут Георгий Зурабович объявил, что главная часть дела сделана - воскрешение состоялось! Теперь Кире остается найти щенка, в которого переселился дух Кутьки.

- А это уже зависит от хозяйки! Чем сильнее она любит свою собаку - тем скорее она найдет ее новое воплощение! Обрыщет зоомагазины - и обрящет! - И Георгий Зурабович встал, показывая, что процедура воскрешения и прием закончены. - Остальные деньги вы принесете мне, когда обретете вашу собачку. До свиданья!

Прошло некоторое время. Кира то верила, то не верила в состоявшееся воскрешение Кутьки. Конечно, с одной стороны, у нее стало легче на душе и появилась надежда. Для поддержания ее она иногда ездила к милой Лике Казимировне и общалась с ее лохматым, озорным и веселым Титаником. Но Кутька в новом теле почему-то все никак не находился! Кира уже по второму кругу объезжала зоомагазины города, ездила по частным объявлениям о продаже щенков и об их бесплатной раздаче в хорошие руки, но ни один из увиденных щенков не вызывал у нее желания взять его на руки, прижать к груди, поцеловать в нос... Ей даже и прикасаться-то к ним не хотелось! Они и смотрели на нее по-другому, если вообще удостаивали взглядом, и пахло от них не по-кутькиному.

Жанна очень сердилась на Киру за ее нерасторопность, и та, неизвестно почему чувствуя себя виноватой, снова стала избегать ее.

А между тем весна приближалась, и Крестовским ребятам пора было подумать о переселении зайцев на «условно необитаемый» остров Бычий, пока еще лед не растаял. Решено было повторить тот же способ, каким их заманили к старому сараю и в Заячью крепость, то есть проложить зайцам «морковную тропу» от сарая на Бычий остров. Безымянный решили пока не использовать, поскольку он по существу является полуостровом - соединяется с северной частью Крестовского острова перемычкой.

- Но если лед тронется раньше, чем все зайцы переберутся на Бычий остров, - сказал Юрик, - то придется оставшихся зайцев переселять на Безымянный и даже на Пятачок. - «Пятачок» - это был крохотный круглый островок на речке Крестовке, на котором ребята любили проводить время летом.

- Ас Безымянного они не сбегут по перемычке? - спросила Гуля.

- Перемычку придется загородить.
- А кто нам позволит загородки там ставить? - усомнилась Кира.
- Ну тогда придется сторожить и отпугивать зайцев, чтобы они обратно на стадион не убежали, - сказала Юлька.
- Зайцы в основном по ночам бегают. А кто ж тебе позволит ночью сторожить? - сказала Кира.
- Ой, Кирка, что-то ты сама совсем кислая стала и другим жизнь отравляешь! Не дергай проблему за хвост, а то обернется и укусит! - отмахнулась Юлька. - Придет время - что-нибудь придумаем.
- Юль, это ты не дергай Киру! - сказала Гуля. - У нее душевная драма из-за Кутьки.
- Спасибо, Ватрушка, что заступилась! - буркнула Кира.
- Ой, верно! - опомнилась Юлька. - Прости, Кира!
- Да ладно, проехали! - уныло сказала Кира.
- Ребята! А я придумала, как зайцам дорогу с Безымянного загородить! И дешево и прочно! - вдруг сказала Гуля. - У моего дедушки есть старый волчий полушубок. Если нам надо будет где-то устроить для зайцев непреодолимую преграду, мы просто разрежем дедушкин полушубок на полоски, свяжем их и натянем где надо поперек дороги: такую преграду самому храброму зайцу не одолеть!
- Ай да Гуля, здорово придумала! - закричали мазайцы.
- Что-то ты подозрительно быстро соображать стала! Ты часом не похудела? - неожиданно съехидничала Кира.

Гуля обомлела и большие голубые глаза ее от обиды налились слезами.

- Не обижайся! - сказала Гуле Юлька. - Кира себя от горя не помнит, у нее Кутька все никак не воскрешается. - Она не удержалась и тихонечко фыркнула: ясное дело, никто из ребят в воскрешение Кутьки не верил.
- Он уже воскрес, воскрес! Его только найти надо! А вы все дураки, если в это не верите! А еще христиане!
- Да мы верим, верим! - сказала добродушная Гуля и обняла Киру. - У нас в Символе веры так и сказано: «Чаю воскресения мертвых!»

Киру кое-как успокоили, подтвердив, что все христиане очень даже веруют в воскресение мертвых. Никто только не стал объяснять расстроенной Кире, что в Символе веры речь, конечно же, идет вовсе не о шарлатанском воскрешении любимых собачек, а о всеобщем воскресении людей при Втором пришествии Иисуса Христа на землю.

Безымянный остров решили оставить про запас, ну, а любимый Пятачок на речке Крестовке использовать по причине его крошечного размера только в самом крайнем случае. Так что все планы сосредоточились на перегоне зайцев с Крестовского острова на Бычий.

Чтобы зайцы долго не раздумывали, обнаружив новую морковную тропу, их решено было за

день до переселения не кормить. Более долгую голодовку устраивать было рискованно - умные и предприимчивые крестовские зайцы могли запросто разбежаться по острову в поисках пищи.

Бычий остров расположен прямо напротив бывшего Кировского парка, а с 2003 года - Парка 300-летия Санкт-Петербурга. Размеры его невелики: чуть больше четырехсот метров длиной и около сотни метров шириной, Безымянный и того меньше. Но хоть и невелики островки, а между желающими их захватить и разбогатеть и теми, кто хочет сохранить острова для отдыха всех горожан, как мы уже знаем, идет война. И пока эта война идет - природа отдыхает, а потом, если победят те, у кого власть и деньги, от природы мало что останется. Почти половину острова Бычий занимает лес, причем лес уникальный: в нем полно соловьев и других птиц, там растут растения, какие покрывали всю территорию будущего Петербурга еще до Петра Первого. Не потому ли с острова Бычьего чуть не в первую очередь стараются выселить школьников-экологистов? Потом элитный клуб дзюдоистов, который уже побеждает всех конкурентов в борьбе за остров Бычий, построит свой яхт-клуб - для отдыха и развлечений, а не для участия в соревнованиях. Лихие дзюдоисты как раз прочих яхтсменов и порочили: ими, мол, остров запущен и им, спортсменам, не под силу привести его в порядок. «У них не те деньги!» - презрительно говорили дзюдоисты и их спонсоры.

Сейчас, ранней весной, пока на открытых всем ветрам островах снег еще не стаял, берега Бычьего и Безымянного островов вовсе не выглядели такими уж запущенными. Но ребята знали, что когда снег сойдет, тогда откроются взгляду и гаражи-бидонвилы, и какие-то временки для яхт, лодок и людей, и затопленные баржи вдоль берегов, в которые будущие «хозяева» острова уже беззастенчиво сбрасывают мусор, готовя площадки под строительство. И все-таки крестовские ребята надеялись на победу экологистов в противостоянии капиталу! А это значит, что придет весна, и острова снова станут зелеными, и зашумит лес, и запоют в кустарниках соловьи - все как при Петре Великом, и зайцы будут жить себе на воле припеваючи. Сами ребята-экологи тоже верили в справедливость и поэтому обещали присмотреть за зайцами летом. А еще они уверяли мазайцев, что до осени в лесах Карельского перешейка лесничие наведут порядок, очистят их от волков и диких собак, и тогда зайцы сами туда вернутся по первому льду - от людского шума убегут.

Прежде чем затевать всеобщее переселение зайцев, из подвала дома Мишиных перенесли к сараю кошачий домик с зайчихой и зайчатами. Сделали это к вечеру и оставили домик перед входом в Заячью крепость. Утром следующего дня, попробовав кошачий домик на вес, ребята убедились, что ни зайчихи, ни зайчат в нем уже нет. Осторожно приоткрыли дверцу - да, домик был пуст, значит, зайчиха увела свое потомство в крепость!

- Однако надо поторопиться с переселением, - заметил Юрик. - Смотрите, вокруг зайчихино домика полно собачьих следов!

И вправду, какой-то, судя по следам, не очень крупный пес явно пытался добраться до зайчат, но взрослые зайцы его, видимо, отогнали, потому что никаких следов нападения на снегу не было. Ребята сразу же забыли об этом и занялись прокладыванием тропинки на Бычий остров. К вечеру работа была закончена, морковная тропа для зайцев проложена, и все отправились по домам, чтобы завтра утром проверить результат.

Назавтра все крестовские ребята и юные экологи из «Зеленого острова» после обеда собрались у сарая. По команде Юрика стали осторожно обследовать Заячью крепость. Зайцев в ней не было: ни один не выскочил, когда они осторожно потревожили наружные ящики. Но когда ребята начали растаскивать ящики, из самой середины Заячьей крепости вдруг раздался собачий лай и оттуда выскочил крупный щенок. Он начал носиться вокруг ребят, обнюхивая их всех по очереди и заливаясь лаем. Он явно кого-то искал среди них.

- Ой, смотрите, да это же Кутька! - закричала Аннушка.

- Да нет, Кутька был мелкий, а это вон какой здоровенный щен! - возразил Юрик.

- Ну ты, постой-ка! - Юлька ухватила щенка за грязный замусоленный ошейник, плюнула на руку, потерла ошейник и объявила: - Это Кутька! Под грязью красная кожа и две золотые буквы К. Звоните немедленно Кире!

Кириный мобильник не отвечал - она с кем-то болтала, и тогда ей с доброго десятка мобильных одновременно послали «эсэмэски»: «Кутька нашелся!»

Примчалась Кира через полчаса. Кутька увидел и узнал ее издали и собачьим галопом помчался к хозяйке, запрыгнул к ней на руки и, визжа, принялся облизывать ее счастливое и заплаканное лицо. А потом он почему-то спрыгнул на землю и метнулся в сторону, где кучей валялись ненужные больше ящики и среди них - кошачий домик зайчихи. Он залез в него, потом вылез, повизгивая, обежал и снова вернулся к Кире.

Ребята окружили счастливую Киру с ее щенком и бурно обсуждали происшествие.

- Все ясно! - воскликнула Юлька. - Вы знаете, ребята, где пропадал Кутька так долго? Он жил вместе с зайчатами и их мамой в кошачьем доме!

- Не может быть! - воскликнул Юрик.

- Точно-точно! - продолжала Юлька. - Он сорвался с поводка и сквозь приоткрытое окно забрался в подвал. Мы же никогда не закрывали окошко, чтобы у зайчат был свежий воздух. Свалился вниз, в подвал, а выбраться уже не сумел, бедняга.

- И никто из вас никогда не слышал его лая? - удивлялись ребята.

- Никогда! Наверное, днем он не лаял, а спал вместе с зайчатами под боком у зайчихи. А ночью может он и лаял, только кто бы его услышал? У нас ведь все спальни на втором этаже.

- А что же он там ел, интересно? Смотрите, какой он упитанный! - сказала Гуля. - Неужели он стал вегетарианцем и на овощной диете так располнел и подрос? Чудеса!

- Мы зайчатам носили булочки и молоко - вот Кутька их и подъедал, - объяснила Аннушка.

Одна только Кира не принимала никакого участия в этом обсуждении, она только обнимала и целовала своего Кутьку и себя не помнила от счастья. А потом вдруг пошла прочь от сарая.

- Эй, ты куда, Кира? - закричала ей вслед Гуля.

- Домой. Кутьку надо срочно вымыть собачьим шампунем, от него зайцами несет. Но раньше мне еще надо будет съездить с ним в одно место. И кому-то сегодня от нас с Кутькой крепко достанется!

Георгий Зурабович, выслушав Киру, тут же заявил, потирая руки:

- Ну вот, моя работа выполнена! Передайте вашей старшей подруге, что она может принести мне полную плату за воскрешение.

- За воскрешение?! - закричала Кира. - За какое такое воскрешение? Кутька жил все это время с зайцами и знать не знал, что его хозяйка в это время себе нового щенка подбирает! А если бы

я купила другого щенка и привыкла к нему, представляете, какое это было бы несчастье?

- Ну нет, такого быть не могло: я ведь именно вашего щенка воскресил - вот этого.

- Да? Так он, по-вашему, все это время на том свете был?

- Естественно, он пребывал на нижнем уровне астрала.

- А кто ж его там, в астрале, кормил, что он так вырос и растолстел?

- Действительно, интересный случай! Надо будет на этом материале написать новую главу для моей научной работы.

- А это что?! - Кира сняла с Кутьки замызганный красный ошейник и затрясла им перед носом нахального мага. - Это Кутькин ошейник, который был на нем, когда он пропал! Ошейник вы тоже воскресили?

- Ошейник... Ну, телепортация пропавших вещей на новое место, это уже не так сложно, как воскрешение.

Кира от такой наглости просто задохнулась.

- Да вас!... Да вас надо судить и в тюрьму посадить, как этого Грабового, который бесланских детей воскрешал! Теперь-то мне понятно, как этот ваш Грабовой действовал! Такой же проходимец, как и вы. Ну вот что! Если вы немедленно не вернете мне деньги, которые вам уплатила Жанна, я... я не знаю, что с вами сделаю! Я в газету пойду! На телевиденье!

- Да? - заинтересовался Гога Магилиани. - И вы расскажете телевизионщикам и газетчикам, как обратились ко мне за помощью, как я велел вам искать щенка и как вы его нашли, живого и невредимого? Идите и рассказывайте! А я потом дам к сказанному вами свой собственный комментарий, и это будет для меня отличной рекламой! Идите, девушка, идите!

Кира, глядя в безмятежное и бессовестное лицо жулика-экстрасенса, поняла, что так оно и будет. И тут ее вдруг осенило!

- Нет, я по-другому сделаю, - сказала она спокойно. - Я прямо отсюда сейчас поднимусь к Лике Казимировне и все ей расскажу про вас и про Кутьку. Посмотрим, какую она вам тогда квартиру в наследство оставит!

А вот на эти ее слова Георгий Зурабович уже ничего не ответил, а молча выдвинул ящик письменного стола, вынул оттуда сто долларов, сунул бумажку Кире и сказал:

- Убирайтесь вон вместе со своим паршивым щенком! Вы ничего не понимаете в духовной жизни, вы глухи к голосу вечности!

- С вечностью я разговаривать, может, и не умею, - спокойно сказала Кира, пряча деньги в сумочку. - Зато с жуликами, выходит, научилась!

Она вышла из логовища мага и поглядела вверх, раздумывая, а не подняться ли ей к Лике Казимировне и просветить ее насчет фальшивых воскрешений? Она понимала, что должна это сделать, но вот как-то... не делалось!

Если бы у Кире был свой Ангел Хранитель, он бы, конечно, посоветовал ей ни за что не скрывать правды, а немедленно подняться к Лике Казимировне и все как есть ей рассказать.

Ну, а потом погоревать с нею вместе о прошлых Титаниках и порадоваться, что хоть один-то Титаник у нее остался... Но вот Ангела Хранителя у Киры не было!

Зато рядом с нею стоял мрачный и зловещий бес Могила, похожий на черного медведя с лосиной головой - такие у него были страшные ветвистые рога. Этот бес стоял, раздвинув лапы, загораживал Кире проход наверх и рычал:

- Не смей никуда ходить! Не смей вредить моему колдуну, глупая девица!

Кира постояла, подумала и все-таки нерешительно шагнула на первую ступеньку.

И правильно сделала! Дело в том, что ни бесу Могиле, ни магу Магилиани наверх ходу не было: три старушки-подружки, живущие на втором этаже, эту лестницу только недавно, на Крещение, всю освятили святой водой.

Кира благополучно поднялась на второй этаж. Но позвонила она не в квартиру Титаника и его хозяйки, а в соседнюю. Она угадала - открыла ей Варвара Симеоновна. Увидев счастливую Киру с грязнувшим щенком на руках, она, умница, сразу все поняла и спросила добрым басом:

- Ну что, нашелся твой щенок без всякого воскрешения? Заходи и рассказывай!

О чем Кира разговаривала с Варварой Симеоновной и что они обе потом рассказали Лике Казимировне, а также чем все это кончилось для прохиндея Гоги Магилиани, мы здесь рассказывать не станем, потому что это уже совсем другая история, про трех старушек-подружек, а вовсе не эта - про Юлианн и их друзей.

Глава 9

Леса вокруг стен будущей часовни возвели быстро и прочно. Еще бы не прочно, когда этим занимался сам Павел Иванович Орлов!

Александра обратилась к нему за помощью, когда убедилась, что первая секция лесов, построенная самими ребятами, опасно раскачивается и вообще выглядит неубедительно.

- Павел Иванович, вы должны нам помочь! - решительно заявила она своему другу. - Ребята наши, конечно, соблюдают дисциплину... по мере моих сил, но это все-таки подростки! Они обязательно начнут бегать по лесам и заниматься на них гимнастикой... В общем, я не позволю им и близко подходить к лесам, если вы там все не проверите! Помогите, Павел Иванович!

- Ладно, попробую помочь, - после недолгого раздумья согласился Павел Иванович.

Однажды он «случайно забрел» к сараю.

- А чем это вы тут занимаетесь, дорогие мазайцы? - спросил он, неожиданно выйдя из кустов. - Возводите новый зайчатник?

Ребята растерялись.

- Ну, так что же тут за строительство? Чего молчите? А, понимаю - это какая-то тайна. Может, посвятите меня в нее, окажете мне доверие? А я в свою очередь пообещаю вашу тайну сохранить.

- Ну, если вы дадите нам честное слово... - начала будто бы в раздумье Александра. - Как,

ребята, доверим Павлу Ивановичу нашу тайну?

- Подумать надо, - заявил Юрик среди всеобщего растерянного молчания.

- Да что тут думать-то! - воскликнула Юлька. - Доверим, дядя Павел! Но только с одним условием! - Она хитро на него поглядела, и ребята поняли: что-то она уже успела придумать.

- Условие - никому ее не выдавать?

- Нет, круче! Если мы вам доверим проект нашей стройки, то вы обещаете нам помочь довести ее до конца?

- Гм... Если вы строите новый зайчатник...

- Да вовсе не зайчатник, дядя Павел, а гораздо лучше! - сказала Аннушка, доверчиво ему улыбаясь.

- И вообще, мы уже больше не мазайцы, - важно заявил Юрик.

- А кто же вы теперь такие? И тут вперед вышла Гуля.

- Круче, дядя Павел, намного круче! Мы теперь типа храмостроители! Мы строим часовню!

Ребята сначала ахнули, а потом заулыбались и окружили Павла Ивановича веселой толпой. Им уже понравился новый поворот событий: они моментально сообразили, что иметь в своей строительной бригаде такого силача, как Павел Иванович, да еще с собственным джипом - это может оказаться очень и очень полезным!

Павел Иванович, выслушав рассказ о будущей часовне, дело это одобрил и тут же торжественно пообещал обо всем молчать. По предложению Юрика, его сразу же назначили главным прорабом стройки.

Первым делом новый прораб обошел леса, что-то подергал, где-то пнул ногой - и леса благополучно развалились на составные части.

- Никуда ваша работа не годится, - объявил он. - Будем леса строить заново и как следует. Чтобы они не то что под вами, а и подо мной не проваливались.

И через три дня леса возвели заново.

С этого дня Павел Иванович каждый день хоть на часок, но приезжал на стройку на своем джипе и проверял всю сделанную за день работу - к большому облегчению Александры. Он же пригласил двух рабочих, чтобы они сняли решетку с окна, державшуюся на честном слове. Рабочие вынули раму с пыльными стеклами, сняли решетку, очистили ее, покрасили, а затем снова укрепили в проеме окна. Павел Иванович сам заплатил им из своего кармана.

- Новую раму пока заказывать не будем, - сказал он ребятам. - Когда достроим часовню, то поглядим, что там у нас будет с финансами и, может быть, закажем окно-витраж: на одной половине фигура святой Анны Кашинской, а на другой - Юлия Карфагенская.

- Ой, дядя Павел, класс! - воскликнула Юлька.

- Это было бы просто замечательно, дядя Павел! - сказала Аннушка.

Когда сняли дырявую ветхую крышу сарая и поддерживающие ее гнилые стропила, обнаружилось, что верхние ряды кирпичей частью разрушились от дождей. Их аккуратно снимали и складывали штабелем в стороне.

- Старые кирпичи пойдут на дорожку! - объявила Александра.

Гуля стояла с блокнотом в руках и подсчитывала более-менее сохранившиеся кирпичи.

- Знаете, сколько нам теперь надо новых кирпичей? Пятьсот штук!

- Да, но где мы возьмем столько?

- Купим.

- А сколько стоит один кирпич, кто-нибудь знает?

- Я завтра съезжу в строительный магазин и узнаю, - предложил Юрик.

На другой день он явился на стройку с кирпичом в пакете. Он достал его, показал ребятам. Все смотрели на него так, будто никогда прежде кирпичей не видали: еще бы, ведь с такими кирпичами им теперь придется работать!

- Любуйтесь и считайте: один такой кирпич - семнадцать рублей! - Юрик вынул из кармана маркер и стал прямо на кирпиче подсчитывать, во сколько же им обойдется покупка пятисот кирпичей.

- А еще надо бы прибавить несколько рядов, чтобы часовенка выглядела стройной! - предложила Юлька.

- Пять рядов хватит? Это будет на полметра выше.

- Тогда десять рядов, пусть будет выше на целый метр!

- Так... Это получается... Ребята, нам придется купить две тысячи кирпичей! И это только минимум, - объявил Юрик. - А стоять это будет тридцать четыре тысячи рублей.

Ребята удрученно молчали.

- Нам это не осилить, - сказала Гуля, - нас и так зайцы объели, ни у кого из нас больше не осталось никаких накоплений.

- Ну, у меня, положим, есть счет в Гамбургском банке, - заметил Юрик, чиркая маркером по кирпичу. - Только вот снять эти деньги я не могу до совершеннолетия, а мы столько ждать не можем.

- Юрка! Скажи, а вот эти твои каракули - они сотрутсся?

- Да ты что! Маркером пользуются как раз для того, чтобы надписи не стирались и не выгорали.

- Тогда зачем ты кирпич портишь, ведь у нас их и так... - Вдруг Юлька замерла, открыв рот и не успев закончить начатую фразу. Глаза ее загорелись, рот захлопнулся, она быстрее кошки взлетела на леса и оттуда завопила: - Все, ребята! Есть идея! Я знаю, где мы возьмем кирпичи! Много кирпичей! Сколько угодно кирпичей! - кричала она радостно. - Слушайте меня все!

Ее выслушали и, как почти всегда и бывало, приняли ее идею к исполнению.

КУПИТЕ МОЛИТВЕННЫЙ КИРПИЧ!

Такое странное объявление увидели однажды жители Крестовского острова на заборе строящегося дома-башни возле метро. Некоторые проходили мимо, фыркнув:

- Вот только кирпичу еще не молились! Сектанты какие-нибудь, прости Господи!

Другие усмехались:

- Чего только не сочинят для рекламы! Строительная фирма какая-нибудь изощряется! - и тоже шли мимо.

Но многие останавливались и читали дальше:

КУПИТЕ МОЛИТВЕННЫЙ КИРПИЧ!

Вы можете написать на нем свое

имя или имена ваших близких

и короткую молитву. Кирпич этот

будет заложен в стену строящейся

на Крестовском острове часовни

святых Иулии Карфагенской

и Анны Кашинской. Стоимость

одного кирпича - 100 рублей.

Под объявлением лежал штабель новеньких кирпичиков, а рядом стояли дежурные продавцы с маркерами в руках.

И кирпичи стали покупать, и расходились они как горячие пирожки. Большинство покупателей кирпичей писало на них свои имена и имена родных, но некоторые писали молитвы и даже целые послания. Одна старушка, например, пыталась на одном кирпиче уместить имена всех своих родных и знакомых и расписала все шесть его сторон мелким почерком. В конце концов дежурившая в тот день Гуля не выдержала и дала бабуле еще один кирпич уже даром, чтобы та глаза не портила. Но бабуля оказалась хитренькая и объявила:

- Спаси ты Господи, красавица! Только этот кирпичик пойдет у меня уже «за упокой»! - И тут она принялась мельчить так, что Гуля, вздохнув, выдала ей еще два даровых кирпича и разрешила присесть на штабель, чтобы той удобней было писать...

Когда кирпичами торговал Юрик, к нему подошел знакомый бизнесмен, прочитал объявление и тоже взял кирпич. «Пошли, Господи, удачу в делах рабу Твоему бизнесмену Владимиру Жукову, ООО «Взлет!»» - написал он, передал Юрику тысячу рублей и отошел, унося с собой кирпич.

- Эй, а кирпич? - остановил его Юрик. - Кирпич вы оставьте, дядя Вова!

- Не понял. Я ж его купил! - резонно возразил дядя Вова. - Почему я должен его оставить?

- Да потому, что кирпич с надписью срабатывает только тогда, когда он заложен в стену часовни, а часовня освящена! - пояснил Юрик. - Вот мы его заложим, и он там останется на века.

- На века, говоришь? Заманчивое предложение. А где часовня-то будет?

- Да тут же, на Крестовском острове! В сиреневых кустах напротив Бычьего острова.

- Ясно. Ну ладно, тогда держи еще тыщу! Только вы мой кирпич заделайте в стенку так, чтобы я мог подойти к вашей часовне и свою собственность увидеть. Ну и приписать что-нибудь, если понадобится. Лады?

- Лады, дядя Вова! Я за этим прослежу - будет ваш кирпич на виду.

- Порядок. А ты, если нужны будут деньги или там стройматериалы, так ты ко мне обращайся без стеснения. Часовня на острове - это дело хорошее!

Бизнесмен отдал Юрику кирпич, деньги и отошел, очень довольный сделанным капиталовложением.

Не обошлось и без недоразумений. Подошла какая-то шустрая тетенька, прочла плакат, усмехнулась и тоже купила кирпич. А надпись на нем она сделала по-английски: «I wish my neighbour to break her leg» надела для такого случая самое нарядное мамино пальто, шляпу с широкими полями, сделала изумительный макияж и выглядела как картинка. А сидящий у ее ног и совершенно обалдевающий от счастья Кутька в новом синем ошейнике и поводке придавал ей дополнительный шарм. В молитвах Кира, однако, разбиралась пока слабо, а потому только улыбалась и говорила, показывая на плакат: «Там все написано!» Сделанные покупателями надписи она, конечно, не читала, только складывала кирпичи в заранее приготовленные пустые коробки из магазинов. Зловещую надпись углядела Юлька и, показав ее ребятам, в негодовании расколошматила кирпич о тротуар, а потом для верности еще и потоптала осколки ногами.

- А смыть надпись никак нельзя было? - спросила смущенная Кира. - Кирпич жалко!

- Без таких кирпичей мы уж как-нибудь обойдемся! - ответила Юлька.

Уже к концу первого дня штабель был разобран по кирпичику и перевезен в коробках на стройку, а на другой день в строительном магазине была закуплена новая партия, вдвое больше пробной. И таким вот образом за две недели кирпичный дефицит на стройке был полностью ликвидирован. Более того, чтобы купить балки для стропил на новую крышу, решили продавать кирпичи и на ограду вокруг часовни. Окупились и эта затея, и вскоре балки были закуплены. Оставалось только ждать тепла, чтобы начать кладку для наращивания стен и уже после приступить к постройке новой крыши. Но тут как раз подошли весенние каникулы, и стройка полностью застопорилась. Нет-нет, никаких новых строительных проблем не возникло! Просто Мишин решил на каникулы отвезти сестер к бабушке в Псков, и Юлианны уговорили крестовских ребят без них ничего не строить. Посоветовавшись, все решили, что сестер надо уважить, все-таки часовня посвящена их святым. Да и многие ребята тоже разъезжались на каникулы кто куда.

Дмитрий Сергеевич сказал, что он отвезет девочек, побудет с тещей три денька и снова вернется в Петербург, а потому с ними в Псков поедет и Александра, которая потом привезет сестер обратно. Если она согласна, конечно. Вообще-то она может остаться и в Петербурге - отдохнуть от них, заняться своими делами. Это так Дмитрий Сергеевич сказал. Но девочки не желали и слышать об этом!

- Вот вы увидите, Александра, какое чудо наша бабушка! - сказала Юлька.

- А вы в Пскове когда-нибудь были? Нет? Ну так вам обязательно надо увидеть наш город! - сказала Аннушка. - Мы ведь обе там родились.

- Я догадалась, что вы обе родились в одном городе, - сказала, улыбаясь, Александра, - с близнецами, знаете ли, это часто случается. И с бабушкой вашей я очень хочу познакомиться. А вдруг она мне понравится, и я ее удочерю?

- Не получится! Не получится! Наша бабушка - не сирота, у нее уже давно есть мы! - закричала Юлька. - Это она может вас удочерить, если вы ей понравитесь!

При этих Юлькиных словах Дмитрий Сергеевич как-то странно крикнул.

- Какую-то вы ерунду несете, дочери мои милые, дочери мои любимые, - сказал он. Девочки очень удивились этим словам, а Дмитрий Сергеевич вздохнул и ушел.

«С этими взрослыми никогда сразу не поймешь, что у них на уме», - сказала про себя Юлька.

- Так вы поедете с нами, Александра? - спросила она.

- Конечно, поеду! Неужели я вас куда-то отпущу одних?

- Да, хорошая гувернантка - это что-то вроде помощника Ангела Хранителя, - глубокомысленно заявила Юлька.

Девочки с Александрой и отцом уехали, а в доме осталась одна Жанна. Не считая, конечно, Екатерины Ивановны, Тани, Павла Ивановича и Акопа Спартаковича. Но это была своя отдельная компания, и Жанну эти люди не интересовали - хозяйкой-то была она! Зато она пригласила погостить у нее денек-другой свою приятельницу Агафью Тихоновну. Ведьмы открыли в комнате сестер окно, изловчившись, накинули на висевшие иконы простыню, чтобы не смущаться, и произвели в комнате настоящий обыск.

Увидев на столе чертежи какой-то постройки, Жанна насторожилась.

- Не кажется ли тебе, Ага, что вот это подозрительно похоже на церковь?

- Не кажется. Потому что это определенно не церковь, а часовня.

- Фу, гадость какая!

- Мракобесие, каракурточка, типичное мракобесие... А вот тут она во всей своей красе! - скривившись, Агафья Тихоновна взяла со стола фотографию и протянула ее Жанне. - Вот, полюбуйся!

- «Часовня святых Анны и Иулии, построенная в городе Петрозаводске Александром Гезаловым и его соратниками...» - прочла она. - Ну, так это не у нас, это в Петрозаводске! - с облегчением сказала она.

- Ты в чертежах хоть что-нибудь понимаешь, змеенька? - с иронией спросила ее Ага. - Посмотри повнимательней, на чертежах-то часовня, хоть и похожая, но от петрозаводской отличается! Интересно, откуда это у твоих девчонок такие подробные строительные чертежи и зачем они им? Может, это у вас на острове часовню строят, а ты и не в курсе?

- Не думаю. А впрочем, все может быть. Мода такая дурацкая у «новых русских» пошла - часовни строить.

- Деньги девать некуда, - проворчала Ага. - Да, кстати о деньгах! Твой Мишин уже сделал тебе предложение?

- Пока нет, но сделает. Я ему на все раздумья срок дала - до тридцатого апреля, до моего дня рождения. Вот на дне рождения он и должен сделать мне предложение и объявить помолвку.

- Правильно делаешь, что торопишь, козявочка моя ядовитая. Но помни, в мае жениться - маяться, - рассудительно заметила Агафья Тихоновна.

- Да ну тебя с твоими сельскими приметам, Ага! Маяться ему все равно со мной придется, в каком бы месяце мы ни поженились. Просто я ему заявила: хочу в свой день рождения получить от тебя в подарок публичное предложение руки и сердца...

- А настоящий подарок? Шубку там или брюлики?

- Ну, это уж подразумевается, не перебивай меня, Ага! Так вот, сказала я ему, голубчику, если ты в мой день рождения не объявишь гостям день нашей свадьбы, то я на другой же день соберу вещички и выеду отсюда к чертовой матери!

- Да ну? А он?

- А он так и расцвел: обрадовался, что я так откровенно свою любовь к нему проявила, и сказал, что без подарка в день рождения он меня ни за что не оставит.

- Ну, считай дело сделано! Поздравляю!

- погоди, с этим успеется... А вот как бы узнать, что это там за часовня, где она строится и какое отношение к ней имеют Юлианны?

- А ты порасспроси ту девчонку, Киру, которой мы щенка воскрешали.

- Что ты, что ты! Кира на меня и не смотрит после нашего облома с ее пакостным щенком!

- А ты сумей подъехать снова, ядозубочка .

- Гм... Надо попробовать! Слушай, пойдём-ка отсюда, Ага! Душно мне в этой комнате, несмотря на открытое окно.

- Ещё бы не душно! Иконы, книги православные... Ладаном пахнет... Пойдём, дорогая!

И они ушли, даже не закрыв за собой окно, и простыню свою оставили в святом углу. Только на другой день в комнату зашла горничная Таня и навела там порядок.

Но мысль, поданная ведьмой Агафьей Тихоновной, запала в черную душу Жанны. Она подумала-подумала и кое-что придумала.

Домовому Михрютке было велено разыскать бесиху Барби и попросить ее организовать встречу с Кирой, пообещав, конечно, что из этой встречи никакого добра для Киры не произойдет. Барби ловко выманила скучавшую на каникулах Киру из дома и отвела ее в кафе яхт-клуба. Бесы здорово умеют водить своих подопечных не только за нос, но и за руку. Оставив Киру в кафе за порцией мороженого, Барби помчалась к дому Мишиных.

Чему это вы смеетесь? Вы вспомнили об уродливых лилипутских ножонках Барби и представили себе, как она ковыляет на них по Крестовскому острову? Да нет, эти ножки ей служили исключительно в декоративных целях, как в старину богатым китайкам: демонстрировать их можно, а ходить ими никак нельзя! А передвигалась Барби очень просто, как все бесы, то есть летала на перепончатых, как у летучей мыши, крыльях.

Жанна, узнав от Барби, где ей искать Киру, тут же села в машину и поехала в кафе.

- Привет, Кирочка, зайка! Какая приятная неожиданность! Можно мне подсесть к тебе?

- Садитесь, - сказала Кира и стала быстро-быстро доедать свое мороженое.

- Не торопись - горло простудишь, - сказала Жанна, и голос ее был холоднее мороженого. - Мне давно надо тебе кое-что сказать. Ты помнишь Гогу Магилиани, который воскрешает собачек?

- Помню. Только это жулик и никого он не воскрешает. И я ужасно рада, что мне удалось вырвать у него ваш аванс.

- Да, и это было очень мило с твоей стороны не забыть мне его вернуть. Только вот знаешь, милая, этот жулик сам обвинил нас в жульничестве и пригрозил подать в суд - за неуплату гонорара.

- Ой, так значит Лика Казимировна переменила свое завещание! Как здорово! Он ведь хотел, чтобы она оставила ему свою квартиру в уплату за воскрешение ее Титаников. Раз он так разозлился - значит, все в порядке!

- Не понимаю... Хорошо, он не получит квартиру, на которую зарился, ну а при чем же тут мы с тобой? Ведь это он на нас грозит в суд подать, а не на старуху.

- А при том, что ведь это я все рассказала подруге Лики Казимировны, бабушке Варваре, а уже бабушка Варвара поставила на место мозги Лике Казимировне. Вот за это Магилиани и мстит!

- Так чему же ты радуешься?

- А тому, что Лике Казимировне теперь, значит, уже ничего не грозит. Когда я узнала, что он добивается завещания на ее квартиру, я очень за бедную старушку испугалась: такой ведь и убить может, чтобы долго не ждать!

- А-а!... Вот ты о чем думаешь, о благополучии какой-то полусумасшедшей старухи! А о суде ты не беспокоишься?

- Я об этом как-то сразу и не подумала, - упавшим голосом сказала Кира.

- А ты подумай! Твоей маме придется нанять хорошего адвоката. За хорошие деньги, между прочим.

- Но это же совсем, совсем невозможно! У нас еще долг за квартиру не выплачен. Ой, что скажет моя мамочка? Она меня убьет, просто на месте убьет... И правильно сделает! - Кира заплакала горько и безнадежно, потому что не видела никакого выхода и не знала, что тут еще можно сделать, как не заплакать.

Жанна накрыла Кирину руку своей холеной и холодной рукой.

- Успокойся, детка, и не плачь. Скажи мне спасибо - я уже все уладила.

- Ой, правда? - Кира как-то внезапно успокоилась, даже слезы мгновенно высохли. - А каким образом вы все уладили, Жанна? - спросила она уже с ноткой искреннего любопытства в голосе. Кира была готова услышать историю о необыкновенно коварной победе ведьмы Жанны над ведьмаком Магилиани и предвкушала удовольствие от рассказа в утешение за только что испытанное чувство ужаса.

- Да самым примитивным. Я просто заплатила ему сполна обещанный гонорар.

Кира помолчала, потупившись, и радости ее как не бывало. Потом спросила упавшим голосом:

- Выходит, я снова у вас в долгу?

- Именно так и выходит. Но ты не волнуйся, денег я с тебя не возьму! Мне вообще от тебя ничего не надо, даже благодарности. Хочешь кофе с пирожным? - Не дожидаясь ответа, Жанна остановила проходившую мимо официантку и заказала два кофе и два эклера.

- А теперь давай мы с тобой просто поболтаем!

И Кира поняла, что вот тут-то и начинается самое страшное. Жанна в ожидании заказа закурила длинную черную сигарету и для начала стала щебетать о чем попало: о весне и весенних модах, о новостях Крестовского острова, о модных голошерстных собачках и кошках...

Чувствуя себя всецело связанной по рукам и ногам, Кира даже от пирожного не отказалась и съела все до последней крошки. И вот тогда-то и наступила расплата.

- А теперь расскажи-ка мне, милая моя девочка, - начала Жанна, - что это за чертежи часовни лежат на столе в комнате Юлианн?

- Какой часовни?

- Вот этой! - Жанна достала из сумочки смятую фотографию петрозаводской часовни святых Анны и Иулии.

- Эта часовня стоит в городе Петрозаводске! Это очень, очень далеко от Крестовского острова!
- со слабой надеждой увести Жанну в сторону воскликнула Кира.

- Мне это безразлично, где находится часовня. Я хочу знать, какое отношение она имеет к Юлианнам?

- А зачем это вам? Вы же не верите в Бога, как Юлианны, - попробовала Кира еще раз оказать слабое сопротивление.

- Я же беспокоюсь о них как-никак, - нехорошим голосом пояснила Жанна. - Через месяц с небольшим я стану им законной мачехой, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что расскажи мне лучше все как есть, дорогая! Ну?

И Кира рассказала ей все. Рассказывая, она с ужасом чувствовала, будто с каждым словом проваливается в какую-то бездонную яму под пристальным взглядом Жанны. Это было очень, очень страшно - предавать своих подруг.

Выслушав ее, Жанна резко встала, кинула на стол крупную бумажку и сказала:

- Расплатись. Я спешу! - и покинула кафе.

А Кира осталась сидеть, совершенно несчастная и беспомощная. И она снова заплакала, только на этот раз уже совершенно безнадежными слезами. «Конечно, когда Юлианны вернутся из Пскова, я тут же им все расскажу!» - подумала она, но почему-то эта мысль облегчения не принесла.

Глава 10

А в Пскове Дмитрия Сергеевича Мишина и его дочерей ждала неожиданность. Забор между участком бабушки и участком соседа, купившего ее дом, был уже снесен, а позади дома они увидели глубокий котлован, вырытый как раз на середине двух участков.

Вечером, когда все собрались за чаем, Дмитрий Сергеевич спросил с упреком:

- Что ж вы не предупредили меня, Анастасия Николаевна? Я бы постарался выкупить у соседа ваш дом обратно.

- А я бы вам этого не позволила, Митя, - спокойно сказала бабушка. - У меня нет претензий к соседу. И не только потому, что он доверился мне и купил у меня дом, когда мне впервые в жизни деньги нужны были до смерти. Дело в том, Митенька, что давным-давно, еще до революции, оба наши участка принадлежали семье соседа, а дом, в котором жили его предки, стоял как раз на том самом месте, где он сейчас закладывает фундамент. Это его законное человеческое право - восстановить родовое гнездо.

- А что случилось со старым домом? - спросила Юлька. - Он что, сгорел?

- Хуже. Его сожгли.

- А какая разница? - не поняла Юлька.

- Большая. Дед нашего соседа Виктора Алексеевича был священником. Его самого расстреляли, матушку с детьми выгнали на улицу, а дом сожгли.

- А кто это сделал, бабушка? - возмутилась Юлька.

- Большевики.

- За что?!

- Он отпел павших героев Талабского полка рыбаков, а какой-то мерзавец донес на него в Чека.

- Что это за полк такой, бабушка? - спросила Юлька. - И почему он «полк рыбаков»? Они что, рыбу ловили, а не воевали?

- Воевали, да еще как! А «полк рыбаков» потому, что в него входили рыбаки с Талабских островов.

- А что это за Талабские острова, бабушка? - спросила Юлька.

- А я знаю, знаю! - воскликнула Аннушка. - На Талабских островах жил старец отец Николай Гурьянов, мы к нему на «Заре» с дядей Витей плавали. Правда, бабушка?

- Вы навещали этого чудесного батюшку? - воскликнула Александра, - Что же ты, Аннушка, никогда об этом не рассказывала?

- Я еще не успела, - виновато сказала Аннушка. - Мы же все время были так заняты! То зайцы, то... еще что-нибудь.

- Ладно, ладно, про отца Николая и его котика ты расскажешь Александре потом! - нетерпеливо прервала ее Юлька. - А сейчас, бабушка, рассказывай дальше про рыбацкий полк! Мы с Аннушкой родились в Пскове, так надо же нам знать, что тут до нас в старину делалось, правда?

- Правда, Юля, историю места своего рождения должен знать каждый культурный человек, - сказала Александра. - Расскажите, Анастасия Николаевна, про этот полк!

- Хорошо, расскажу. Талабский белогвардейский полк был сформирован молодым ротмистром Борисом Пермикиным из рыбаков Талабского архипелага и входил в Северо-Западную армию генерала Юденича. В полку было полторы тысячи бойцов, все бывшие рыбаки. А началось все в ноябре 18-го года с того, что большевики силой попытались загнать талабских рыбаков в Красную армию. Это было время, когда народ уже разобрался, что произошло в 17-м году, и по всей России шли антибольшевистские народные восстания. Эти восстания рабочих и крестьян против советской власти жестоко подавлялись большевиками. Псковская губерния была одной из самых «контрреволюционных», как это называли красные. Узнав, что Талабский архипелаг захвачен красными, молодой и отчаянный ротмистр Борис Пермикин с семнадцатью белыми солдатами осенней ночью высадился на острове Талабске и разгромил красный отряд из пятидесяти бойцов, а комиссаров приказал бросить в озеро. Именем одного из этих комиссаров, эстонца Яна Залита, и был потом назван остров. Сформированный рыбацкий полк ушел к белым, к генералу Юденичу. Бориса Сергеевича Пермикина назначили командовать полком, и он им командовал до самого конца. А конец у полка был героический. В декабре 19-го года под Нарвой талабцы прикрывали отход Северо-Западной армии Юденича, прямо с реки Наровы. На одном берегу были наступавшие красные, а на другом - эстонские войска. Когда талабцы увидели, что все уцелевшие бойцы армии Юденича перебрались на эстонский берег, они тоже решили отступить. Но эстонцы открыли по ним огонь и отогнали их назад, на лед Наровы. А с другой стороны стреляли красные. Так, под перекрестным огнем, весь полк и погиб. Весной тела талабцев прибывало во льдинах к берегу Наровы, и вот тут отец Виктор

совершил свой подвиг. Услышав о первых найденных во льду телах талабцев, он добрался до Нарвы, отпел добытые из льда тела павших талабцев и вместе с местными жителями похоронил их в братской могиле. После этого он вернулся в Псков, и какое-то время жил тихо со своей семьей, продолжая служить в своем храме. Но слух о том, что он ездил под Нарву хоронить талабцев, разошелся по городу. Батюшку предупреждали, что надо бы ему с семьей на время уехать из Пскова, что чекисты о нем уже расспрашивают. Он так и собирался сделать, но только хотел дождаться весны - у него было шестеро детей, а зимой с детьми трудно решиться на дальнюю дорогу. Но так и не успели они никуда уехать. Однажды ночью пришли комиссары, выгнали матушку с детьми на улицу, дом сожгли, а батюшку увели и через несколько дней расстреляли.

- Поня-ятно!... - мрачно сказала Александра. - А его вдова и дети, с ними что стало?

- Они уцелели. Их увели к себе соседи, а потом спрятали в одной из тихих старинных деревенок в псковских лесах. Старший сын Алексей, отец нашего соседа, через несколько лет вернулся в Псков. Но на месте сгоревшего священнического дома стояли уже два новых домика, и в одном из них поселился школьный учитель. Это был мой отец. Алексей Викторович со временем перекупил второй дом у наших соседей, а его сын, наш сосед Виктор Алексеевич, решил полностью восстановить дом своего героического деда, отца Виктора, таким, каким он его видел на старой фотографии. Фотографию эту, кстати, я ему разыскала в нашем краеведческом музее. Вот и вся история.

- Так дядю Витю в честь его дедушки называли? - спросила Аннушка.

- Да, в его честь. По крайней мере, он сам так считает.

Дмитрий Сергеевич покрутил головой и сказала:

- Нет, это надо же! Я жил тут несколько лет, вроде и отношения у нас с дядей Витей были хорошие, добрососедские, даже выпивали несколько раз вместе, а самого главного я о нем, оказывается, и не знал! Ну, работает дядя Витя на реке, катер какой-то куда-то водит, простой вроде дядька, а он, оказывается, внук расстрелянного большевиками священника!

- Он не всем про себя говорил правду, Митя.

- Не доверял, значит, соседям?

- Выходит, так.

- А вам, Анастасия Николаевна? - спросила Александра. - Вам он, конечно, доверял?

- Представьте, да. По-моему, я с самого детства все о нем знала.

- И ни один человек не уцелел из всего того Талабского полка? - спросил Дмитрий Сергеевич.

- Уцелели двое, полковник Пермикин и один рядовой, который тоже скрылся и тихо дожил до самой старости. От него люди и узнали, как происходил расстрел Талабского полка красными и эстонцами на льду Наровы, под Нарвой. А полковник Пермикин к концу гражданской войны стал генералом армии, ушел в эмиграцию, умер и похоронен в Австрии.

- Так значит, остров Залита назван в честь комиссара, которого талабские рыбаки в озеро бросили? - спросила, нахмурясь, Юлька.

- Да.
 - А как раньше назывался остров?
 - Остров Талабск.
 - Вот пусть бы он так и назывался! - сказала Александра.
 - Или переименовали бы его в честь белого генерала Пермикина, который рыбацкий полк создал! - предложила Юлька.
 - Или пусть он называется Никольским - ведь на нем не только батюшка отец Николай жил, на нем и храм Николая Угодника стоит, - сказала Аннушка.
 - Вы все правы, девочки! - сказал Мишин, обращаясь, кажется, не только к дочерям, но и к Александре. - Но Талабский архипелаг - это ж не какие-нибудь необитаемые острова, на них люди живут, внуки и правнуки тех самых рыбаков-героев. Вот пусть они и решат этот вопрос! И спасибо вам, Анастасия Николаевна, за рассказ.
 - Ну, теперь-то вы согласны со мной, Митя, что сосед должен восстановить дом своего деда? - спросила бабушка.
 - Конечно! - согласились Дмитрий Сергеевич и Юлианны. - Пусть восстанавливает!
 - А вы что об этом думаете, Александра? Александра вздрогнула - она думала о другом.
 - О чем?
 - О том, что сосед должен восстановить дом деда?
 - Ну, конечно, должен! Только я о другом думала: я вдруг вспомнила песню Александра Галича «Ошибка». Знаете? - и она тихонько напела: «Мы похоронены где-то под Нарвой, под Нарвой, под Нарвой...» - И я поняла, о ком эта песня: она о белогвардейцах, погибших под Нарвой.
 - Что это за песня? - спросила Юлька.
 - Ты тоже не знаешь ее, Аннушка?
 - Не знаю.
 - Если бы была гитара, я бы вам спела.
 - Гитара есть, Александра. Анастасия Николаевна, можно? - спросил Дмитрий Сергеевич.
 - Ну, конечно, можно, Митя. Сходи, принеси!
 - Это нашей мамы гитара, - пояснила Аннушка Александре. - Мама хорошо играла и пела.
- Дмитрий Сергеевич сходил в комнату бабушки и вернулся с гитарой. Он протянул ее Александре и сказал:
- Боюсь, что она очень расстроена, на ней давно уже никто не играл.
 - Ничего, я попробую настроить, - сказала Александра.

Пока она настраивала гитару, все молча ждали. А потом Александра ударила по струнам и запела:

Мы похоронены где-то под Нарвой,

Под Нарвой, под Нарвой,

Мы похоронены где-то под Нарвой,

Мы были - и нет.

Так и лежим, как шагали, попарно,

Попарно, попарно,

Так и лежим, как шагали попарно -

И общий привет!...

Она пела песню о мертвых солдатах, которые лежат замерзшие в земле, которых «не тревожит ни враг, ни побудка». И вдруг павшие воины слышат голос трубы:

Эй, поднимайтесь, такие-сякие, Такие-сякие!

Эй, поднимайтесь, такие-сякие, Ведь кровь - не вода! Если зовет своих мертвых Россия, Россия, Россия,

Если зовет своих мертвых Россия, Так значит - беда!

- И вот сейчас - слушайте! - скороговоркой сказала Александра и запела дальше:

Вот мы и встали, в крестах да нашивках, Нашивках, нашивках,

Вот мы и встали, в крестах да нашивках И в белом дыму.

Встали и видим, что вышла ошибка, Ошибка, ошибка,

Встали и видим, что вышла ошибка, И мы ни к чему!

Александра допела песню. В конце песни говорилось, что мертвые солдаты встали спасти Россию и увидели, что вышла ошибка: это по полям, где они полегли, «гуляет охота, трубят егеря».

- Поняли, девочки, про кого песня? - спросила Александра.

- Про пехоту, которая полегла в сорок третьем году, - сказала Аннушка.

- Бесславно и зазря, - добавила Юлька.

- Не только, не только в сорок третьем! - с жаром возразила Александра. - Вы же слышали: «Вот мы и встали, в крестах да нашивках»! Поэт не зря так сказал, и ошибиться Александр Галич тоже не мог: он знал, что кресты могли иметь только солдаты первой германской войны и белогвардейцы. Значит, он пел о тех и других - о павших в сорок третьем и в девятнадцатом!

- О героизме Талабского полка писал еще Александр Куприн, - сказала бабушка. - «Купол

святого Исаакия Далматского», так называется эта вещь. Он писал, что во время наступления Юденича на Петроград именно талабцы первыми увидели вдали купол Исаакиевского собора. Но в Петроград они не вошли, им пришлось отступить к Нарве. Знаете, о чем я жалею, мои дорогие? О том, что мы не пригласили на наш вечер Виктора Алексеевича.

- Сходить за ним? - предложил Дмитрий Сергеевич.

- Нет, дорогой, в другой раз. А сегодня уже поздно, девочкам спать пора.

- Ну, бабушка-а! - заныла Юлька.

- Нет, девочки, пора молиться и в постель, - сказала Александра.

- Мы не устали! - сказала Аннушка.

- Бабушка устала, - строго сказала Александра и поднялась.

- Большое вам спасибо за реквием в честь наших талабских героев, Александра! - сказала Анастасия Николаевна. - А остров Залита, конечно, со временем переименуют, так не оставят. Может быть, я еще успею разок туда съездить и поговорю с местными рыбаками. Вот как растает лед на озере, так и поеду, поближе к лету. А теперь - спать, девочки!

- Я их провожу, - сказала Александра, возвращая гитару Дмитрию Сергеевичу. - Спасибо!

- Это вам спасибо, Александра. Девочки в сопровождении Александры отправились в отведенную им комнату, а бабушка с Дмитрием Сергеевичем остались допивать чай.

- Да, вот это - настоящее! - сказала бабушка, глядя на дверь, за которой скрылись внучки и их гувернантка.

- Так значит, вы мой выбор одобряете, Анастасия Николаевна? - спросил Дмитрий Сергеевич.

- Конечно, одобряю, Митя, о чем тут говорить! - с радостью ответила бабушка.

- И благословите, если я попрошу?

- Заранее благословляю! - сказала бабушка и перекрестила Дмитрия Сергеевича, а он в ответ поцеловал бабушке руку.

Через три дня Дмитрий Сергеевич уехал обратно в Петербург, а девочки и Александра остались с бабушкой до конца каникул и провели их очень весело и с пользой: съездили в Псково-Печерский монастырь. Бабушка с Александрой окончательно подружились и, похоже, уже души друг в дружке не чаяли.

А вот Кире в Петербурге было совсем не весело. Душа у нее болела и ныла, и чем ближе подходил срок окончания каникул, тем тяжелее ей становилось. Она и ждала возвращения Юлианн, и боялась его. Еще она беспокоилась, как бы Жанна, узнав о перестройке сарая в часовню, не устроила какую-нибудь крупную пакость. Каждый день она ходила к строящейся часовне проверять, все ли там в порядке? Пока все было на месте, никто, кроме нее, к бывшему сараю не ходил - это она по следам видела.

Вернулась из санатория Гуля: бабушка с дедушкой возили ее туда для поправки здоровья.

Им показалось, что ненаглядная их Гулюшка в последнее время что-то похудела. Она и

вправду похудела и стала гораздо стройней: зайцы помогли! Гуля вернулась на остров и сразу же позвонила Кире.

- Юлианны уже вернулись из своего Пскова? - первым делом спросила она.

- Ой, нет, слава Богу!

- Почему «слава Богу»? И чего это ты вдруг о Боге вспомнила? Случилось что-нибудь из ряда вон выходящее?

- Случилось! Сейчас прибегу к тебе и все расскажу.

Разделенная с другом беда, как известно становится вдвое легче. Кира без утайки рассказала Гуле, как ее снова облапошила хитрая ведьма Жанна:

- Так ты что, продолжаешь с ней встречаться?

- Нет, конечно!

- Ну так и не встречайся больше. Ведьмам только не надо оказывать никакого внимания - они и отсохнут.

- Это значит - больше никогда не ходить к Юлианнам, - упавшим голосом сказала Кира

- Почему «не ходить к Юлианнам»? - удивилась Гуля.

- Ну, во-первых, я же их предала! Они меня не простят... А во-вторых, как можно ходить к ним в дом и не встречаться с Жанной?

- Что Юлианны тебя не простят - это Кирочка, полный вздор! Они православные, они не могут не простить!

- Ты думаешь?

- Уверена!

- А может, мне тоже стать православной, чтобы они меня поскорее простили?

Ох, как велик был для Гули соблазн воспользоваться случаем и немедленно тащить Киру креститься!

- Ни в коем случае! - строго сказал ей Ангел Натан. - Это будет насилие над душой, Господу этого не надо!

Поколебавшись с минуту, Гуля твердо сказала:

- Нет, Кира. Ссора с подружками - не причина для крещения. Врать в Церкви нельзя, а если ты скажешь правду - тебя ни один батюшка не допустит к крещению.

- Вот и Церкви и Богу вашему, выходит, я не нужна! - сказала Кира и заплакала.

- А вот теперь - можно! - сказал Ангел. - Помоги тебе Господь, моя девочка, найти правильные слова!

Гуля обняла Киру, прижала ее залитое слезами лицо к своему пухлому плечу и стала жалеть и уговаривать подружку, как маленькую.

- Ты всем нам нужна, Кирочка, Сухарик ты наш миленький, мы все тебя любим! И я, и Юлианны, и Александра, и Сам Господь Бог!

И знаешь, Он-то тебя как раз больше всех любит!

- Чего Ему меня любить, Он же меня и не знает вовсе! - всхлипнула Кира.

- Знает, знает, не беспокойся! Господь всех знает, каждого человека на земле и о каждом беспокоится. А больше всего о тех, кому сейчас плохо.

- Ну, не знаю... Я, конечно, верю, что Бог есть и всех вас, верующих, любит, я вот только никак не могу поверить, что Он и на меня обращает внимание.

- Подожди, подожди, Сухарик, а откуда ты знаешь, что Бог есть?

- Ну как же! Вот приехала в прошлом году Аннушка, и она была лучше нас всех. А потом в Бога поверила Юлька и тоже изменилась. И вас с Юриком не узнать с тех пор, как вы в Бога стали верить. Значит, это Бог вас всех изменил!

- И как же, по-твоему, мы изменились? Кира подумала, а потом сказала:

- Ну, вы стали лучше себя вести, конечно, только это не главное!

- А что - главное?

- Главное, что вы все стали как-то по-другому любить друг друга, по-настоящему любить.

- Точно, Сухарик! Только удивительного тут ничего нет, потому что Бог есть Любовь!

- Как-как?

- Бог есть Любовь. Это самая главная правда о Боге.

- Выходит, я вижу Бога в вас?

- Ох, не знаю, Кирка! Это для меня сложно... Послушай, знаешь что? Давай я тебя познакомлю с нашим батюшкой, и он тебе все про все объяснит как следует. А то я еще чего-нибудь напутаю...

Кира задумалась.

- Знаешь, Ватрушечка, ты не обижайся, только я бы лучше пошла в тот храм, куда ходят Юлианны. Они столько говорят о своем отце Вадиме! Вот как бы мне с ним познакомиться?

- Ой, да очень просто! Ты пойдешь в храм за час до вечерней службы и там его подожди.

- А он захочет говорить со мной?

- Конечно! Если не сразу, то назначит тебе какое-нибудь другое время.

- А ты не можешь меня проводить?

- Да запросто!

У Киры высохли слезы. Как хорошо, что ей в голову пришла эта спасительная мысль! Да, она пойдет в храм Рождества Иоанна Предтечи, разыщет там отца Вадима, у которого исповедуются Юлианны, и не только расспросит его о Боге, но и все ему о своем предательстве расскажет! И пусть этот их батюшка потом сам все Юлианнам передаст. А если они ее не простят, то потом она больше на глаза им не покажется и даже по Вязовой улице ходить никогда не будет! Но зато у нее, может быть, будет тот же Бог, что и у них, и она уже больше никогда ни одного предательства в своей жизни не совершит!

- Ну так едем, Сухарик? - спросила Гуля.

- Едем, Ватрушка!

В храм они приехали даже раньше, чем за час до службы, но батюшка оказался в храме. Гуля смело пошла к нему и сказала:

- Отец Вадим, благословите! Батюшка, вот эта моя подружка, ее Кира зовут, сегодня уверовала в Бога. Вы можете с ней немного поговорить?

- Прямо сегодня уверовала? - с улыбкой спросил отец Вадим.

- Ну да! Час назад.

- Ну, тогда самое время нам с нею побеседовать. А ты, пока мы будем с твоей подружкой разговаривать, погуляй возле храма. Или, если хочешь, помоги нашим старушкам.

Кира немного испугалась, но Гуля ее успокоила:

- Я тут рядом буду, не волнуйся! - и пошла к старушкам, которые тут же приставили ее чистить закапанный воском подсвечник.

Отец Вадим и Кира уселись на лавочке в уголке храма и стали беседовать. Кира без утайки рассказала ему все, что с нею произошло. Отец Вадим, вместо того, чтобы ее поругать, вдруг стал расспрашивать Киру о ее дружбе с Юлианнами и вообще о ее жизни. Она даже рассказала батюшке историю Кутьки, и он смеялся, услышав, что щенок жил так долго и счастливо в домике с зайчатами. Они проговорили почти целый час. И отец Вадим подтвердил Кире, что Бог есть Любовь, и что Он ее, Киру, любит ничуть не меньше, чем Юлианн. Кира поверила и успокоилась. Однако батюшка, вопреки ее ожиданиям, не предложил ей немедленно креститься, а посоветовал сначала походить на уроки Закона Божьего в воскресную школу и дал ей записку к директору этой школы. Но он пригласил ее приходить к нему еще, в любой день приходить, особенно если на душе у нее опять будет тяжело. И посоветовал начать ходить в храм на службы.

- Я такая счастливая, подружечка моя Ватрушечка! - сказала Кира Гуле, когда они ехали на трамвае через Ушаковский мост. - Мне кажется, что теперь у меня все будет по-другому!

- Дай Бог! - важно ответила Гуля. - Может, ты после крещения хоть немножко поправишься, бедный мой Сухарик!

- Не дожدهшься! - по привычке ответила Кира.

На другой же день Кира пришла рано утром в Предтеченский храм и выстояла всю обедню. С

трудом, но выстояла. А пока стояла, думала: «Вот Юлианны приедут, узнают и на радостях простят меня! Ой, прости меня, Господи, что я так думаю! Нет-нет, я не только из-за них сюда пришла, но и из-за Тебя! Я так хочу, чтобы Ты и меня тоже хоть немножечко полюбил!» И на завтра она тоже пошла на службу, только уже на вечернюю, и послезавтра - на литургию... А через три дня Кира передумала и пошла вместо храма на дискотеку. Там ее кто-то обидел, или ей так показалось, потому что на нее вдруг жуткая тоска навалилась и вспомнилось все плохое, что случилось с нею за ее недолгую жизнь, и она с дискотеки ушла домой - плакать. А на другой день она пошла утром на литургию, а вечером - в этот же день! - еще и на вечернюю службу. Народу в церкви было немного, и она тихо простояла в уголке всю службу до самого конца. А на другой день ее пригласила на вечеринку одноклассница, и там было очень-очень весело! Так Киру еще долго мотало от христианской жизни к просто веселой жизни. И как-то она в очередном приступе раскаяния принялась жаловаться сама на себя отцу Вадиму.

- Понимаете, батюшка, - сказала Кира. - В Бога-то я верю, а вот в себя не верю ни капельки!

- Ну, это у тебя правильное устройство духа! - улыбнулся отец Вадим. - Тебе, Кира, сейчас надо регулярно ходить в воскресную школу, слушать Закон Божий. Подготовишься, и перед Пасхой я тебя покрещу. Только тогда твоя душевная жизнь придет в равновесие, и ты с Божьей помощью сама с собой помиришься.

- А с Юлианнами?

- И с ними - тоже. Это такая радость - крещение подружки, что в этой радости сами собой растают ваши взаимные прегрешения. Но мне почему-то кажется, что они тебя простят гораздо раньше!

- Раз вы так говорите - значит, так и будет, - кивнула Кира. На душе у нее стало легче, хотя она и догадывалась, что путь ее к Крещению будет совсем не простым.

Между тем Жанна, разузнав о часовне, ничего предпринимать не стала и даже как будто думать о ней забыла.

Этим был очень недоволен Жан и всячески теребил хозяйку:

- Надо любой ценой срочно сорвать строительство часовни! Надо ее сжечь, спалить дотла!

- Отстань, Жан! Нет у меня никакого желания идти часовни жечь, что я тебе - комиссар большевистский? Наоборот, пускай девчонки возьмется со своей часовней и у меня сейчас под ногами не болтаются. А после свадьбы у меня будут деньги, я спокойно куплю участок со старым сараем и снесу их глупую часовню. И построю я там... Построю я... Ну что-нибудь подходящее построю, например, пивной ларек или общественный туалет! Нет, лучше я построю там книжный киоск, в котором будет продаваться исключительно эзотерическая литература! Вот что мы устроим на месте часовни, Жан!

- Замечательно! - сказал Жан и потер лапы.

- Вот видишь! А сейчас для меня главное - подготовиться к моему дню рожденья. Надо поменять в доме кое-какую мебель, прикупить посуды для застолья, заранее все распланировать, составить роскошное и невиданное меню. Ну и, конечно же, заказать такой наряд, чтобы все мои гости от зависти аппетит потеряли!

- Зачем же сочинять роскошное меню, если ты заранее планируешь испортить гостям аппетит?
- резонно заметил Жан.

- А чтоб они знали, кто в доме хозяйка!

Жан захохотал и от смеха даже завалился на пол.

- Ну, Жанна, ну озорница!

А Жанна запела пронзительным тонким голоском:

Весь мир насилья мы разрушим До основанья, а затем Мы свой, мы новый мир построим - Кто был ничем, тот станет всем!

- Хорошо поешь, хозяйшкa! - осклабился Жан. - У нас в аду тоже эту песенку любят. Только мы подразумеваем более серьезную перестройку: мы построим небесную республику вместо Царствия Небесного! Но до этого нам еще много предстоит потрудиться и много крови пролить. - И тут он запел другую песню, грозную и даже свирепую. Причем запел почему-то по-французски:

Allons enfant de la patrie,

Le jour de gloir est arrive...

Но продвинутая Жанна, как оказалось, знала и эту песню, и она тут же ее подхватила.

Секретарь Мишина Акоп Спартакович, спускаясь вниз по лестнице, услышал ее пение и удивился: «Какой нежный, оказывается, голосок у этой ведьмы, надо же! Может, мы к ней все-таки несправедливы? Поет, бедная пташка, и не знает, что скоро ей придется покинуть свою золотую клетку!» Акоп Спартакович французского языка не знал и музыкальным слухом не обладал, а то бы он вряд ли заподозрил Жанну в особой нежности. Песня, которую пела Жанна, была одной из самых кровавых в мировой истории музыки: кровь в ней льется ручьями, поющие обвиняют своих врагов в самых невероятных злодеяниях и обещают, что отплатят им вдвое. Они грозят, что все их дети погибнут в борьбе, а они взамен погибших детей нарожают вдвое больше новых героев. Ужас что за песня!

Мишин, вернувшись из Пскова, тут же отправился в заграничную деловую поездку, предоставив Жанне полную свободу и доступ к его банковскому счету. Раскроем, однако, и его планы. Дмитрий Сергеевич собирался сделать Жанне прощальный подарок: дать ей возможность справить день рождения по своему вкусу, со всей возможной пышностью и подарить на прощанье дорогой заграничный автомобиль. А потом дружески и учтиво попросить ее выехать на этом автомобиле из ворот его дома навсегда. Щедрым был человек Дмитрий Сергеевич Мишин и совестливый, вот и хотел расстаться с ведьмой по-хорошему, наивная душа! А расставаться было необходимо. После того, как Дмитрий Сергеевич приблизился к Богу, начал молиться, ходить в храм и причащаться, ему даже в одном помещении с Жанной находиться становилось с каждым днем все труднее. А тут еще появилась Александра и окончательно все в его жизни спутала...

Ангел Димитриус с растущей тревогой наблюдал за своим подопечным: он-то знал, как легко доверчивые люди попадают в руки ведьм и как трудно им бывает потом из этих ласковых ведьминских объятий вырваться - ничуть не легче, чем из медвежьих! Надеялся Ангел Хранитель на Господа да на своих собратьев Ангелов, и еще почему-то на Юлианн с их гувернанткой Александрой.

Юлианны с Александрой пробыли в Пскове до конца каникул и вернулись в Петербург.

Жизнь их потекла обычным чередом: лицей, уроки, стройка, а по воскресеньям хождение в храм на Каменном острове. В храме они встретили Киру и очень-очень ей обрадовались. После службы все вместе пошли пешком на свой Крестовский остров. Кира шла, чуть приотстав от сестер и Александры, и уныние охватило ее с ног до головы.

И на плечи ей тотчас опустилась бесиха Барби, которой в последнее время не так уж часто удавалось «пообщаться» со своей подопечной.

Но дорогой Кира все-таки собрала все свое мужество и, заикаясь и плача, призналась Юлианнам, как она выдала их Жанне. Она уже была готова к тому, что сейчас сестры и Александра сурово осудят ее и скажут, что больше не хотят с нею дружить. Но вышло все совсем не так, как она ожидала.

Юлька засмеялась и замахала на нее руками:

- Да брось ты об этом так переживать, Кира! Жанна всегда рано или поздно все про нас узнает, ей, наверное, бесы помогают!

Аннушка же обняла ее и сказала:

- Бедненькая ты наша Кирочка, опять хитрюга Жанна тебя обманула! Но ты хоть теперь-то держись от нее подальше, ты же видишь, что у тебя от нее одни неприятности.

- Так вы меня прощаете, Юлианны?

- Вот глупенькая, ну конечно, прощаем! - сказала Аннушка. - Мы же тебя любим в тысячу раз сильнее, чем боимся Жанны!

- С чего бы это нам тебя не простить? Да мы на тебя даже не сердимся, - сказала Юлька. - Подумаешь, Жанне тебя обмануть удалось! Да она нашего папу второй год обманывает - что ж нам и на него сердиться, по-твоему?

И сестры засмеялись, и Александра вместе с ними, и тут Кира почувствовала, как тяжелый камень вины скатился с ее плеч и плюхнулся в воду речки Крестовки.

Между прочим, на духовном уровне это примерно так и выглядело. Бесиху Барби задело облаком любви, окружившей Киру и ее подруг в момент покаяния и прощения, - как будто раскаленным паром ошпарило! - и она в ужасе свалилась с Кириных плеч прямо в воду!

А Жанна между тем планировала не только программу своего праздника, но и дальнейшую перестройку жизни в мишинском доме. «Акопчика можно будет оставить, тут еще не все потеряно, но Павлушу, конечно, долой! Екатерину Ивановну тоже вон! Еще одна погибшая душа - каждое воскресенье в церкви. Ну, Таня - не проблема, не захочет жить по-моему, так я ей в три дня замену найду. А вот что мне делать с Александрой?...»

Александра ловила на себе внимательные, мрачные, изучающие взгляды Жанны и чувствовала, что с ведьмой в отсутствие Мишина надо быть особенно начеку.

О том же предупреждал ее Ангел Хранитель Александрос:

- Будь осторожна, Александра! Жанна собирается стать хозяйкой в этом доме и мачехой девочкам, Анне и Юлии. Если это случится, не оставь их! По крайней мере, до приезда бабушки. О том же тебя просят их Ангелы Хранители Иоанн и Юлиус!

Александра ведать не ведала, как зовут Хранителей сестер, но знала об их существовании и молилась им вместе с девочками, поэтому слова своего Ангела она услышала как некий предупреждающий «внутренний голос». Слова Ангела Хранителя в ее сердце звучали немного по-иному, как бы в переводе на ее собственный язык, ну, примерно вот так: «Смотри, Санька-Встанька, эта ведьма точно что-то затевает! Отца дома нет, бабушка еще не скоро приедет, так что ты одна теперь отвечаешь за Юлианн! Держи уши топориком!» И она была все время настороже.

А Жанна решила испытать характер Александры на прочность и гибкость. Она начала делать ей замечания на каждом шагу, язвить, а в те часы, когда сестры были в лицее, нагружать ее мелкими и унижительными поручениями по дому.

- Александра, пока девочки в лицее и делать вам совершенно нечего, не могли бы вы отвезти в химчистку шторы со всех окон?

- Хорошо, Жанна, я отвезу. Пусть только кто-нибудь их снимет.

- Ах, так их еще не сняли? Я говорила об этом Тане, нота, как всегда, забыла... Ну так снимите сами, Александра, вы же здоровая девушка!

И Александра, смирившись и скрепя сердце, таскалась по всему дому со стремянкой, чихая, снимала довольно пыльные шторы и отвозила их партиями в ближайшую химчистку. Чувствовала она себя при этом одновременно и Золушкой и героиней сериала про разведчиков в тылу врага - вообще-то, неважно она себя чувствовала. Но сдаваться она не собиралась: пока девочкам и их отцу грозит опасность, Санька-Встанька вытерпит все, но на растерзание ведьме их не оставит!

Как только покончено было со шторами, последовало новое поручение:

- Александра, у вас ведь немного работы, пока девочки в лицее. Не могли бы вы в это время почистить все картины в доме специальным средством? Купите его в магазине хозяйственных товаров и займитесь этим.

- Хорошо, Жанна, я займусь картинами.

Заметим мимоходом, что деньги на химчистку и на чистящее средство для картин Жанна Александре выдать «позабыла». Нет, это делалось не из экономии! Жанна проверяла Александру.

- Ты не слишком перегибаешь палку с гувернанткой, хозяйюшка? - спросил ее как-то Жан.

- Еще как перегибаю, Жанчик! И делаю я это совершенно сознательно.

- Уж не ревнуешь ли ты к ней Мишина?

- Ну вот еще глупости какие! Кому придет в голову сравнивать меня и ее? Нет, Жан, я ее просто испытываю. Подчинится, снесет все унижения - можно будет оставить ее в доме, начнет артачиться - гнать без разговоров! Причем гнать, пока Мишин в отъезде. Потому что потом, сразу после свадьбы, я намерена всерьез приняться за девоночек. В общем, я хочу заранее устранить все возможные помехи.

- Смотри, не проколишь с нею!

- А ты что, знаешь про нее что-нибудь... такое?

- Что я могу про нее знать? Она ведь не наша, я к ней в душу заглянуть не могу!

- А вот я могу! Мы, женщины, все в общем-то одинаковые, Жанчик, - философствовала Жанна. - У каждой свой расчет и свой подход, но цель у всех одна - получше устроиться в этой жизни и прожить ее в свое удовольствие. Поэтому я и проверяю, нельзя ли Александру на нашу сторону перетащить? Она ведь дерзкая и упрямая, значит, есть за что зацепиться. Хотя мне ее дерзость как-то подозрительна.

- Что значит «подозрительная дерзость»?

- Да то, Жанчик, что дерзость эта не столько от гордыни, сколько от любви к моим будущим падчерицам. Ты заметил, как она их всегда перед отцом выгораживает?

- Заметил, конечно, и думаю, что она это делает по расчету.

- По какому такому расчету? На что она может рассчитывать?

- Она хочет, чтобы и Юлианны, когда придет время, за нее перед отцом заступились.

- А я вот подозреваю, что она, мерзавка, по любви это делает!

- Помилуй, Жанна! Неужели ты, духовно опытная женщина, веришь в какую-то бескорыстную любовь между людьми? Ей же Мишин деньги за ее любовь к дочерям платит, и немалые!

- Так-то оно так... Надо будет о ней с Агой поговорить.

- Поговори, хозяйшкa. Ага плохого не посоветует. - На языке беса это означало, что Агафья Тихоновна по самой своей природе не может дать совет, который послужит добру, миру или любви между людьми.

При Юлианнах и Александре Агафья Тихоновна в доме уже не гостила по несколько дней, но на пару часиков заезжала часто и охотно. Они с хозяйкой обсуждали текущие проблемы Жанны, сидя в гостиной у камина, потягивая коньячок и закусывая конфетами, в тепле, комфорте и уюте.

Как-то, желая не только поэксплуатировать, но и унижить Александру, Жанна велела ей, отвезя девочек в лицей на Каменный остров, заехать в ателье к модной портнихе мадам де Забилье - узнать, получила ли та из-за границы материал на новое платье для Жанны, и если получила, то привезти на Вязовую образец ткани.

Александра нашла скромную вывеску - голубые буквы на белом фоне - «Салон мадам де Забилье». Ей пришлось подождать, ателье было еще закрыто, но в конце концов портниха, молодая и подчеркнута элегантно, все же явилась.

- Вы ко мне? - с легким недоумением в голосе спросила она Александру, когда та подошла за нею к дверям ателье.

- Я от госпожи Жанны Рачок. Она послала меня за образцом ткани для ее нового платья.

- А, понятно. Ну, проходите. Как раз вчера пришла посылка... из Парижа. - Александре было абсолютно все равно, из Парижа или из Гонконга получит Жанна материал на платье, но заминку мадам де Забилье она невольно отметила и подумала: «Все-таки скорее Гонконг, чем

Париж!»

Они вошли в ателье, прошли насквозь зал с маленьким подиумом для демонстрации новинок моды и с двумя рядами разряженных манекенов и оказались в небольшой примерочной комнате. Здесь были кабинки, одна сплошь зеркальная стена и стоял довольно большой стол. В углу Александра заметила громоздкий серый сейф. Мадам де Забиле сразу же подошла именно к сейфу, встала перед ним так, чтобы заслонить собой дверцу, и стала возиться с замком. Она извлекла из сейфа большую глянцевую картонную коробку, поставила ее на стол и раскрыла. В картонке лежало нечто завернутое в папиросную бумагу. Мадам достала первый сверток, сняла с него папиросную бумагу и осторожно развернула его на столе. Александра ахнула. Это был отрез явно дорожкой парчовой ткани, но какой ткани! На черном фоне - длинные и толстые зеленые змеи с горящими глазами из прозрачных камней.

- Бриллианты, как и заказывала ваша хозяйка! - Мадам уже записала Александру в обслуживающий персонал Жанны. - Брюлики, конечно, мелкие, но их довольно много, двадцать штук - по два на каждую змеюку. Так что цена соответствующая - тысяча долларов за метр. Нравится?

- Ну еще бы! - с отвращением сказала Александра.

- Понимаю, - усмехнулась мадам. - У мадам Рачок своеобразный вкус. Между прочим, отрезков два, и они не одинаковые, но и не совсем разные. Вот второй.

Второй кусок парчи был зеленый с черными змеями, а глаза у этих змей были красные.

- Рубины, - пояснила мадам. - Это будет чуточку дешевле, по восемьсот долларов за метр.

- Хорошо, я передам ваши слова хозяйке, - сказала Александра. - Но она просила привезти ей образец ткани.

- Милочка, какие же тут могут быть образцы? Что я вам, на сто рублей этого материала отрежу? Нет уж, дорогая! Мы сделаем так. Вы отвезете хозяйке всю ткань, она выберет один отрез из двух, а через час - и не позже! - вы мне их оба привезете обратно. И передайте хозяйке, что уже сегодня вечером она может приехать ко мне, чтобы окончательно утвердить выбранный фасон, и я завтра же смогу приступить к шитью.

- Хорошо, я отвезу материю Жанне. Роскошная ткань была снова упакована в папиросную бумагу и уложена в картонку, и Александра отправилась домой.

- Отпад, какая прелесть! - завопила Жанна, когда развернула у себя в комнатах оба дивных отреза ткани. - Жан, смотри и помогай выбирать!

- М-да, выбор нелегкий, - глубокомысленно изрек бес. Бесы, когда им это надо по службе, могут разбираться в чем угодно - в электронике, в кулинарии, в медицине и даже, вот как сейчас, в дамских туалетах. Между прочим, многие из них сотрудничают с самыми знаменитыми модельерами Парижа, Рима и их окрестностей - в мире «высокой моды», разумеется. - С одной стороны, черный цвет вечерних платьев никогда не приедается, а с другой - все-таки это будет твоя помолвка, можно бы надеть что-то и повеселее. Возьми зеленый с черными змейками, хозяйка!

- Я выбираю черный с зелеными змеями. Это мой стиль.

- Так и знал, что ты сделаешь наоборот! Впрочем, зеленые змеи тоже очень, очень хороши...

Жанна фыркнула и пошла к Александре.

- Александра! Вы можете отвезти материал назад к Настеньке, а потом отправляйтесь за девочками в лицей.

- Хорошо, Жанна. Но вы ведь сегодня поедете в ателье выбирать фасон для платья, могли бы сами и отвезти, между прочим!

Жанна удивленно подняла брови.

- Что такое?

- Да нет, ничего, - Александра вспомнила, что мадам просила вернуть материал через час. - Давайте я отвезу.

«Вот так- то лучше!» - с ехидным торжеством подумала Жанна.

Глава 11

Апрель выдался необыкновенно теплый, солнце светило вовсю, везде стоял снег, сошел лед на Неве и всех ее притоках, и даже ладожский лед прошел на неделю раньше обычного. Земля и стройматериалы просохли, и все крестовские ребята дружно и споро трудились над возведением часовни.

Павел Иванович здорово помогал юным храмостроителям, проводя на стройке почти столько же времени, сколько и Александра: им обоим не хотелось торчать в доме Мишиных, покуда там всем заправляла Жанна. Он и сам трудился вместе со всеми, но еще успешнее действовал как организатор. Например, он разыскал и привел на стройку каменщика-пенсионера Антона Борисовича; тот уже давно не работал, но с радостью согласился в последний раз потрудиться для Бога - по своей основной специальности. Антон Борисович научил Юрика и еще четверых мальчиков класть кирпич, а девочки месили раствор в пластиковой детской ванночке и носили его ведрами наверх по лесам. За две недели, работая после обеда и в выходные, дети с Антоном Борисовичем подняли старые стены бывшего сарая еще на целый метр. Новой кладке дали хорошо просохнуть, потом на нее положили балки, настелили на них потолок и приступили к самому важному этапу - начали монтировать стропила для крыши. На углы положили толстые балки, скрепили их в центре - получилась пирамидка, и на нее принялись класть поперечные стропила. Сарай, увенчанный золотистым каркасом будущей крыши, еще больше стал похож на часовню.

Крышей занимались мальчики, а девочкам нашлась работа внутри часовни: они настилали новый пол из узких длинных досок. В досках были сделаны особые пазы, и они ложились плотно и красиво. Доски на концах прибивали гвоздями к «черному полу»: это были толстые доски, частью оставшиеся от старого пола, частью уложенные заново. К удивлению многих, лучше всех прибивала доски Гуля. Она ставила гвоздь на предназначенное место, придерживая его двумя пальцами, и наносила по нему легкий удар молотком, закрепляя его в доске, а потом убирала пальцы и наносила по гвоздю два коротких сильных удара - и гвоздь сидел в доске по самую шляпку!

- Здорово у тебя получается, Ватрушка! - позавидовала Кира.

- Гвозди забивать - это целая наука, - ответила Гуля. - Тут головой работать надо, Сухарик!

- Это ж какую надо иметь голову, чтобы ею гвозди забивать? - съехидничала Кира. - Нет, уж я лучше молотком! - и тут же врезала себе по пальцу.

- Да ты бы для работы хоть ногти остригла покороче, горе мое! - воскликнула Гуля. Но тут же показала подружке, как надо правильно держать молоток: не за середину ручки, а за самый конец. - Меня дедушка на даче еще в детстве научил! - объяснила она свое умение.

- Не у всех есть дачи, - пожала плечами Кира. Однако скоро работа стала спориться и у нее.

Но тут случилось непредвиденное событие, и стройка вдруг остановилась. А произошло вот что. Павел Иванович сказал ребятам, что пора уже подумать о куполе для часовни.

- Купол мы купим в Софринском магазине! - успокоила его Юлька. - Мы уже выбрали какой - с барабаном, луковкой и таким замечательным резным крестом наверху.

- Вот в том-то и дело, что с крестом! Тут, милые мои, без благословения никак нельзя. Надо искать священника, который благословил бы и возведение купола, и водружение креста, да и все ваше строительство. Вообще-то надо было об этом заранее позаботиться.

- Да, верно. Вот и Александра то же самое все время твердит. Только мы решили взять благословение тогда, когда уже видно будет, что это не сарай, а часовня, - сказал Юрик.

- А вы помните священника из Лавры, отца Георгия, который наш дом освящал? - спросил Павел Иванович.

- Конечно, помним! Я у него в первый раз причащалась! - сказала Юлька. - Вы думаете, он согласится приехать сюда и благословить нас?

- Приехать я его уговорю, мы с ним старые знакомые, а вот благословение просить у него вы будете сами.

- Вы о чем это? - спросила подошедшая Александра, выбирая стружки из кудрей.

- О благословении. Я их уговаривал брать у батюшки благословение на строительство часовни!

- Уговорили?

- А то!

- Слава Богу! - Александра вздохнула с облегчением, а Юлька надулась. - Ты чего это дуешься, как мышь на крупу?

- Вам хорошо рассуждать! Вы оба всегда хотите, чтобы все было правильно и сверхправославно!

- А как же иначе? - удивился Павел Иванович. - Или ты хочешь, Юлия, чтобы вся стройка кубарем и под откос пошла?

Юлька молчала, насупившись, и носком кроссовки копала ямку во влажной весенней земле. Рассердилась. На всех.

Не иначе Прыгун неподалеку пробежал!

Однако сказано - сделано, и в ближайшее воскресенье после службы отец Георгий приехал на место будущей часовни. Батюшка походил вокруг, обстоятельно все осмотрел, почитал

надписи на кирпичах в верхних рядах кладки, для чего ему пришлось влезть на леса, а потом сказал:

- Молодцы, ребята! Придется, видно, благословить вас на продолжение строительства. И ваши родители, конечно, тоже помогают вам на этой стройке?

В ответ наступила глубокая тишина.

- Нет, батюшка. Наши родители ничего про эту стройку пока не знают, - сказала Аннушка и потупилась.

- Мы не хотим им ничего раньше времени рассказывать, - принялась объяснять Юлька. - Вот пусть они сначала увидят, что у нас все получается как надо, тогда мы у них и разрешения попросим!

- Получается. Отлично у вас получается, милые вы мои храмостроители! А потому благословляю... - он выдержал небольшую паузу и продолжил: - Благословляю вас в самое ближайшее время получить благословение от родителей всех участников этого дела и доложить мне! А без родительского благословения, уж простите, но и я вас благословить никак не могу.

- А нашего папы сейчас нет в городе, он вернется только к первому мая! - жалобно сказала Аннушка.

- Придется подождать.

- А если кто-то благословит свою дочь, а кто-то нет? - спросила Кира. - Вот у меня, например, мама вовсе неверующая. Как же она может меня благословить? Она даже не знает, что я хожу в воскресную школу...

- А от неверующих родителей вместо благословения можно получить простое разрешение. Так уж и быть, я приму и это. Но до тех пор, дорогие мои, не будет вам и моего благословения!

Ребята расстроено молчали.

- Ладно, храмостроители-самоуправцы, давайте прощаться!

По одному дети подходили к священнику, и он их благословлял - не на храмостроительство, конечно, а просто - чтобы Господь их хранил.

- Да, нелегко им будет получить благословение от родителей! - сказал Ангел Иоанн Ангелу Георгиусу-старшему, Хранителю отца Георгия.

- Моего-то отец, я думаю, благословит, - сказал Ангел Георгиус-младший, Хранитель Юрика. - Он и сам осенью ездил в Испанию, чтобы помочь на строительстве русского храма Архангела Михаила в городе Алтейя.

- Тебе легче, брат! А вот с Митей будут сложности, уж очень он не любит это место - старый сарай, - заметил Ангел Иоанн. - Хотя кто его знает, ведь разрешил же он девочкам ходить к сараю кормить зайцев?

- Господь поможет нашим отрокам и отроковицам, дело-то святое, - сказал Ангел Павлос.

- Хорошо бы вышло по-твоему, брат Павлос, - вздохнул Ангел Юлиус. - А моя-то как

переживает, бедная!

- Ну, я что вам говорила? - дернув Александру за рукав, сказала Юлька. - Теперь из-за вас с Павлом Ивановичем у нас не будет ни благословения, ни часовни! Лучше бы мы одни, без вас ее строили, вот что я вам скажу, Александра!

Александра ничего ей не ответила, но ей было очень тяжело: не столько от задержки строительства, сколько от того, что Юлька из-за своей горячности так болезненно эту задержку приняла.

- Так что же нам, батюшка, стройку так и бросить? - спросила Аннушка дрожащим голосом.

- Не бросить, а законсервировать! - строго сказал отец Георгий. - А вот получите разрешение от родителей, так милости прошу и ко мне за благословением!

- Делать нечего, храмостроители! - объявил Павел Иванович. - Кто как, а я батюшке вынужден подчиниться.

- Павел Иванович, а вы поможете папу уговорить благословить нас? - с надеждой бросилась к нему Юлька.

- Буду стараться, - пообещал главный прораб законсервированной стройки.

- Александра, вы ведь поможете нам уговорить папу? - спросила Аннушка, искоса поглядывая на Юльку: ей ужасно не нравилось, что ее сестра и гувернантка дуются друг на дружку. - Может быть, по телефону, когда он нам позвонит?

Юлька выжидательно уставилась на Александру.

- Я буду стараться из всех сил! Но нам все равно придется ждать его приезда в конце апреля: по телефону такие дела не делаются.

Юлька фыркнула и отвернулась.

Непокрытую крышу нельзя было оставлять на волю дождям и ветрам, поэтому купили самую толстую и прочную пластиковую пленку, натянули ее на новенькие стропила и укрепили рейками на гвоздях. А потом разошлись по домам. Временно, конечно, как все надеялись.

В духовной жизни нередко случается, что даже самые неприятные вещи, если они приняты со смирением, оборачиваются добром для смирившихся. Так получилось и с приказом отца Георгия приостановить стройку на неопределенное время.

Как раз в эти дни Жану вздумалось послать Михрютку в разведку к старому сараю.

- А ничего там уже и нет! Поигрались и бросили! - доложил Михрютка. - Кто-то уже и сарай к рукам прибрал, ремонт затеял.

- Вот как? Ну, этого следовало ожидать, земля на острове дорогая.

- А мне, знаешь, Жан, немного жалко, что наши девчонки-поганки оттуда убрались, - проскрипел Михрютка. - Хорошенькое было местечко, опасенькое для детей!

- Молчал бы уж, - отозвался Жан. - Забыл, как сам оттуда бежал, ломая ноги?

Михрютка молча пополз в дымоход, ничего Жану не ответил, поскольку воспоминания о Битве при сарае и впрямь были не из веселых. Он скрылся в дымоходе, за ним высыпалась и осталась на полу горстка пыли и копоти. А Жан улегся отдыхать: старому бесу в последнее время что-то духовно нездоровилось.

А Жанна о часовне и не вспоминала: она ездила на последние примерки к мадам де Забилье, покупала ракеты для праздничного фейерверка и раскладывала по конвертам последние приглашения, специально отпечатанные в типографии. Она объявила всем знакомым, что на ее дне рожденья они узнают грандиозную новость, касающуюся ее и Дмитрия Мишина. Она добавляла, что подробности говорить пока не хочет, но все приглашенные, разумеется, догадывались, что именно заждавшаяся невеста Жанна может считать «грандиозным событием».

Празднование она назначила на 30 апреля, в канун Вальпургиевой ночи

*
- праздника ведьм. Но в этот день маги и колдуны отмечали также и древний праздник язычников-кельтов Бельтайн. В древней Европе в Бельтайн повсюду жгли костры и устраивали вокруг них бесовские игрища, а в самые глухие языческие времена на кострах еще и людей сжигали.

Когда у Жанны на самом деле был день рожденья, в каком году она родилась, этого не знал никто, кроме нее самой, а она никому не говорила правды. А может, и сама забыла, поскольку в паспорт заглядывать не любила.

В ожидании праздника настроение у Жанны становилось с каждым днем все лучезарнее. Дмитрий Сергеевич обещал приехать только накануне, и это было ей на руку: она имела доступ к его счету в банке и тратила деньги Мишина на свой день рожденья без зазрения совести: заказала закуски и вина в лучших магазинах города, а горячие блюда должны были подвезти из ресторана прямо к праздничному столу. В помощь Тане и Екатерине Ивановне были наняты профессиональный повар и несколько официантов, был приглашен даже небольшой оркестр с певицей. Поэтому Жанна была довольна, что Мишин явится только к самому торжеству и не сможет уже ограничить ее траты. А советами в этом деле ей помогала верная подружка Агафья Тихоновна Пуповорова. При этом, если Жанна по природе была мрачна и молчалива, подружка ее Ага отличалась отменной болтливостью. Вот это ее качество и оказалось рифом, на который наткнулись планы Жанны.

За три дня до праздника, после серии многочасовых примерок, платье Жанны было наконец готово: позвонила мадам де Забилье и велела приезжать за ним.

- За платьем поедете вы, Александра! - распорядилась Жанна. - Там уже все готово, так что мне незачем взад-вперед машину гонять.

- Хорошо, я съезжу и привезу. - Александра, ходившая все эти дни, после размолвки с Юлькой, мрачнее тучи, была даже рада, что у нее есть предлог хотя бы на время покинуть дом. Юлька была с нею вежлива, но и только, а Александре этого было мало. Но ее огорчала не столько сама ссора, как то, что, оказывается, ее любимая и всегда веселая Юлька способна на такую

мрачную холодность - ну просто не девочка, а ноябрьский пасмурный день!

Александра подъехала к ателье, но на ее звонок никто не ответил, видно, хозяйка куда-то уехала по своим делам, и она вернулась домой.

Дома ее не ждали. В гостиной за столом сидели Жанна с Агафьей Тихоновной и беседовали. Александра решила потихоньку подняться в свою комнату, чтобы не навлечь на себя новых поручений, а потому сняла сапоги и на цыпочках пошла к лестнице.

Подслушивать чужие разговоры, конечно, нехорошо, больше того, грешно даже. Но то, что случайно услышала Александра, заставило ее остановиться, прокрасться к проему, ведущему из холла в гостиную и там затаиться за ею же полученной вчера из химчистки портьерой.

- Так ты намерена избавиться от Мишина и девчонок сразу же после свадьбы? - вот какой была фраза, произнесенная ведьмой Агой и услышанная Александрой.

Дальнейший подслушанный разговор был вот какой:

ЖАННА. Да, именно так. Видишь ли, у меня потом просто не будет времени, только короткий промежуток между нашей свадьбой и приездом этой псковской бабушки.

АГА. А когда приезжает бабушка?

ЖАННА. Она обещала явиться сюда в начале лета.

АГА. А свадьба когда?

ЖАННА. Еще не знаю. Но я буду настаивать, чтобы после объявления о помолвке на моем дне рождения - через две недели, не позже.

АГА. Все-таки в мае, значит... Ну а как же ты со всеми троими покончишь одним махом?

ЖАННА. Да очень просто! Жану обещали помочь в этом деле все крестовские бесы, они же и технических исполнителей подберут - пьяных лихачей. Это будет ДТП.

АГА. Понятно, дорожно-транспортное происшествие... Все трое и сразу! Неплохо задумано! А подробности можно узнать, змеюшечка?

ЖАННА. Пока я тебе ничего не скажу, чтобы не сглазить, ты не обижайся! А вот когда с ними будет покончено - тогда уж похвастаюсь.

АГА. Ну ладно, я подожду.

ЖАННА. (Со смехом.) Поверь, тебе не придется долго ждать! Через пару дней после свадьбы я предложу Мишину поехать со мной и падчерицами за город на пикник. Там в один прекрасный момент я выйду из машины, чтобы посетить кустики на обочине - и вот тут-то все и случится! Но больше я тебе ничего не скажу, не проси!

АГА. Придется уж потерпеть... И дорого это тебе обошлось?

ЖАННА. Ты меня за дуру принимаешь? Деньги по исполнению заказа. Из Мишинского наследства.

АГА. (Громко хохоча.) Так беднягу Мишина вместе с его дочками уберут за его же деньги!

ЖАННА. Я об этом как-то даже не подумала... Но в этом есть особая прелесть!

И они обе принялись хохотать самым разнузданным образом, с повизгиваниями и рыданиями от смеха.

Александра не могла больше слушать этот мерзкий и ужасный разговор двух ведьм: если бы она задержалась за портьерой еще на минуту, ее бы вынесло в гостиную, и тогда... тогда бы она просто за себя перестала отвечать! Поэтому она на цыпочках отступила в холл, подхватила свои сапоги и с ними в руках вышла прямо на холодное и мокрое крыльцо. Обувшись на крыльце, она побежала к машине и выехала за ворота. Ей было все равно, куда ехать, лишь бы сдержать гнев и не выдать себя, поэтому она отправилась снова на Каменный остров, остановилась возле ателье и стала ждать прихода хозяйки.

Модная портниха мадам Мари де Забилье из Парижа (в прошлом Маша Халатова из города ткачих Иваново) открывала свое ателье только в час дня. Она шила лишь для очень богатых дам, а богатые дамы, как известно, либо спят до полудня, либо, если это бизнес-леди, располагают свободным временем только после полудня. Но Александра-то этого не знала! Поэтому ей пришлось сидеть в машине часа два, не меньше. Она замерзла, особенно застыли промокшие ноги, хотя на улице уже было тепло, все-таки это был конец апреля. Но зато, сидя в машине, она немного успокоилась и стала думать, что же ей теперь делать? Вся их прекрасная поездка с Мишиным и девочками в Псков, их с Дмитрием Сергеевичем новые теплые отношения - все это померкло в ее памяти, затянулось густыми тучами. И не важно, что там показалось, почудилось Александре в глазах Мишина, не важно даже, что она поссорилась с Юлькой! Имело значение только одно: жизни сестер и их отца угрожает опасность, и спасти их, кроме нее, Александры, просто некому! И времени у нее, чтобы найти правильный путь, тоже нет, ну просто совершенно нет!

Ангел Александрос сидел рядом с Александрой и остужал ее горячую голову тихими умиротворяющими советами.

- Я пойду в милицию... Нет, в прокуратуру...

- Нет, Александра, в милиции тебя никто и слушать не станет.

- Нет, я лучше к Павлу Ивановичу пойду!

- Да, лучше рассказать все Павлу Ивановичу, а уж он решит, куда с этим следует обратиться.

- Только ведь он же мне не поверит! - Александра бабахнула кулаком по рулю, потом подула на ушибленные пальцы и стала обдумывать следующий вариант обезвреживания Жанны. - Надо частного сыщика нанять, у меня есть деньги!

Однако Ангелу Хранителю эта мысль не понравилась.

- И где же ты найдешь частного сыщика, Санечка?

- Может, все рассказать Акопу Спартаковичу - вдруг он поможет?

- Правильно, расскажи ему все и попроси совета, - согласился Ангел.

- А вдруг и он мне не поверит?

- А ты попробуй!

- Надо попытаться, - кивнула головой Александра, соглашаясь, как она думала, с собственными мыслями.

И она поехала обратно к дому. Павел Иванович был у себя, в кабинете рядом с комнатой охраны.

- Можно к вам, Павел Иванович? - спросила Александра, постучавшись и открыв дверь.

- Можно, заходи, Саня!

- Павел Иванович! Я случайно узнала, что на Дмитрия Сергеевича с Юлианнами готовится покушение! - выпалила она с порога.

- Прямо-таки покушение? - усмехнулся Павел Иванович. - Ну, проходи, садись и рассказывай.

Выслушав Александру, он покрутил головой и, вздохнув, сказал:

- Ох уж эти женщины! Чего только не выдумают!

- Вы что, не верите мне? - вспыхнула Александра.

- Да как тебе сказать? Я готов поверить, что Жанна способна на что-либо подобное, но я очень и очень сомневаюсь, что ей представится возможность такой план осуществить! Иди-ка ты, Александра, спокойно к своим девочкам, а я эту информацию обдумаю и приму меры.

- Поня-ятно! - разочарованно сказала Александра, вставая. - Вы мне не поверили! Я почему-то так и думала! - и она выскочила за дверь.

Акоп Спартакович тоже оказался на месте, но, выслушав Александру, он повел себя еще хуже.

- Знаете, что я вам посоветую, Александра Николаевна? Не читайте вы детективов на ночь! И триллеров по видео не смотрите! Мало ли о чем болтают женщины, когда думают, что их никто не слышит? Тем более женщины такого экзотического и авантюрного склада, как Жанна. Но в данном случае я СОВЕРШЕННО УВЕРЕН, что ничего подобного на практике госпожа Жанна Рачок не совершит. Я вам это просто гарантирую, Александра Николаевна!

Александра вздохнула, извинилась, что отвлекла Акопа Спартаковича от дел, и вышла из кабинета.

- Ну что ж, - сказала она, снова идя к машине, - если никто не хочет мне помочь, придется прибегнуть к какому-нибудь чисто женскому варианту!

- Ну, тут уж я тебе не помощник! - сказал Хранитель.

- Имеются два очень похожих отреза совершенно уникальной ткани, - начала размышлять над чисто женским вариантом Александра. - Как же это можно использовать? Думай, Санька, думай! Так?... Или вот так?... А может быть...

Дослушав до конца ее последний проект, Ангел Хранитель покачал головой и сказал:

- Ох уж эти женщины! Поищи другой путь, Александра, прошу тебя! Уж очень это не похристиански - то, что ты задумала. И благословить на это я тебя, конечно, уж никак не могу и даже... препятствовать стану!

Но, кажется, на этот раз Александра его не слышала, потому что глаза ее загорелись подозрительным блеском.

Приехав в ателье, Александра на этот раз застала хозяйку. Та вынесла ей из примерочной и вручила большую коробку с бальным платьем Жанны.

- Вот, пожалуйста!

- Спасибо. Скажите, мадам, а что вы будете делать с оставшимся материалом? Вот с этим, зеленым?

- Даже не знаю пока... Такую дорогую ткань сразу не пристроишь. Да тут еще и сложности: мадам Рачок ведь не захочет, чтобы кто-то появился одновременно с ней в похожем наряде. Да и мало кто захочет сшить платье, похожее на то, что уже будет у Жанны Рачок. Ума не приложу, что с ним делать...

- А сколько стоит весь этот кусок?

- Почему вы интересуетесь?

- Знаете, я ведь москвичка. Если я куплю этот материал, я могу дать вам честное слово, что никто меня в сшитом из него платье в Петербурге не увидит.

- А шить-то вам кто будет? Если я сошью для вас платье из этой ткани, а мадам Рачок об этом когда-нибудь узнает...

- Она не узнает! Я буду шить сама и тайно от всех!

- Милочка, да вы помните, сколько стоит один метр этой ткани? Восемьсот долларов! А тут четыре метра.

- Это будет... три тысячи двести долларов?

- Вот именно.

- Знаете, у меня есть три тысячи долларов. Я могу занять недостающую сумму...

- Они у вас с собой?

- Нет, они у меня дома, но я могу привезти их через полчаса.

- Хорошо! Мы договорились! Везите ваши три тысячи и забирайте ткань. Я снижаю вам цену на двести долларов.

- Спасибо вам огромное! - и счастливая Александра помчалась за деньгами. Которые, кстати сказать, составляли все ее накопления за время работы у Мишиных, она ведь уже на покупку комнатки начала откладывать... Но о какой комнатке можно думать, когда в опасности ее любимые воспитанницы Юлианны!

Сестры ждали отца с нетерпением, ведь им нужно было получить родительское благословение на строительство часовни. Кроме того, без отца им было скучно: стройка остановилась, а их любимая гувернантка каждый вечер запиралась у себя в комнате и там что-то шила втайне от всех. Юлька ее не спрашивала, что она там шьет, а вот Аннушка не выдержала и спросила:

- Александра, а что это вы шьете?
- Это секрет! - ответила почему-то сердито Александра. - Кое-что ко дню рождения Жанны.
- Подарок для нее?
- Можно сказать и так.
- А вот мы с Юленькой решили просто купить по коробке конфет - из вежливости.
- Правильно! Вежливость - прежде всего! - одобрила Александра, но секрет своего подарка Жанне так воспитанницам и не открыла.
- Ты знаешь, - сказала Аннушка Юльке, когда они вечером остались вдвоем. - По-моему я уже разгадала, какой такой «подарок» Александра шьет для Жанны!
- Как ты могла это угадать? Она же все время прячется ото всех со своим дурацким шитьем!
- Вот тут-то и разгадка! Неужели ты думаешь, Юленька, она будет так стараться и секретничать, чтобы угодить Жанне, которую на самом деле терпеть не может?
- Может, она как христианка хочет наладить с Жанной добрые отношения? - фыркнула Юлька.
- Шьет ей фартучек с оборочками!

Аннушка с мягким сожалением поглядела на сестру.

- Юленька! Да какие такие «добрые отношения» могут быть у православной девушки с ведьмой? Никаких!
- А зачем же тогда она готовит ей подарок? Из смирения?
- Ой, Юля, ну что ты говоришь! Ты на нее дуешься и потому неправильно о ней думаешь. Неужели наша Александра так смиренна, что будет целый день сидеть взаперти и смиренносмирно шить в подарок сопернице фартук с оборками!

- Ань, а почему «сопернице»?

- Ох, Юленька, да неужели ты еще не поняла, что с тех пор, как Александра появилась в нашем доме, наш папочка на Жанну и смотреть больше не хочет!

Юлька ахнула, расцвела, замахала руками и запрыгала на месте.

- Ой, Ань, неужели это правда? Неужели нашему папочке Александра нравится больше, чем Жанна?

- Правда, правда! А ты что, сама не заметила?

- Нет... Сейчас встану, оденусь и побегу к ней мириться!

- Юля! Ну зачем же сразу такой переполох?

- А сказано: «Да не зайдет солнце во гневе вашем!» Мы же с Александрой уже столько дней друг на дружку дуемся! Но уж сегодня солнце в гневе не зайдет!

- Солнце село почти сразу после обеда.
- Тем более надо спешить! - Юлька уже спрыгнула с кровати и натягивала джинсы.
- Знаешь, Юленька, а все-таки из нас двоих старшая, конечно же, я. Хоть на пять минуток, но я взрослее тебя, моя дорогая сестричка!
- Да ладно тебе! Постой, Ань! А как же Жанна? Ведь она убьет Александру, если узнает!
- Александра сама ее убьет, и сделает она это как раз в день рождения Жанны. Ты знаешь, что она делает у себя в комнате взаперти?
- Нет, конечно! А ты знаешь?
- Я-то? Да я уже давным-давно обо всем догадалась! Она шьет себе умо-пом-ра-чи-тельное бальное платье, в котором появится на Жаннином празднике и затмит Жанну!
- Ура! Явится и затмит насмер-р-рть!
- Нуда!
- Анька, дай я тебя расцелую! Жанна поймет, что проиграла свою войну за нашего папочку, и смоемся отсюда к чер-р-товой матер-р-ри!
- Ой, Юля, как ты выражаешься! - сказала Аннушка, пряча улыбку. - Вот бы бабушка тебя услышала!
- Ну а куда же по-твоему денется Жанна, когда наш папа ее выставит? Туда она и отправится, куда я сказала. А бабушка... Бабушка поймет, сколько же мы все натерпелись от этой Жанны! Ну ладно, пускай Жанна куда хочет отправляется, лишь бы подальше от нашего дома. Слушай, я побежала к Александре, а ты без меня не спи тут! Я попрошу у нее прощения, помирюсь быстренько и сейчас же вернусь, и мы еще про это поговорим, ладно?
- Да ладно, беги уж...

Юлька выскочила из комнаты, подбежала к двери Александры и постучала.

- Кто там? Я вообще-то уже сплю! - ответила Александра из-за двери.
- Александра! Откройте!
- Что тебе нужно, Юлия? - Александра никогда не путала девочек даже по голосу.
- Мне срочно нужно кое-что вам сказать, Александра!
- До завтра ты подождать никак не можешь?
- Не могу!

Раздался звук поворачиваемого в замке ключа, и на пороге появилась Александра в халате. Она вышла в коридор, прикрыв за собой дверь, и строго поглядела на Юльку.

- Ну, я тебя слушаю, Юля.

- Александра, я хочу вам сказать, что я очень, очень, очень вас люблю! То есть, конечно, мы с Аннушкой! Но все-таки я люблю вас даже чуточку больше, чем она!

Александра раскрыла объятия, и Юлька бросилась к ней, обхватила ее и заплакала.

- Я тоже очень, очень, очень люблю вас, мои дорогие Юлианны! - сказала Александра. - Вы, дурочки, даже представить себе не можете, как я вас люблю!

Они постояли так, молча и обнявшись, несколько долгих и блаженных минут. А потом Александра вздохнула, поцеловала Юльку и строго сказала:

- И все-таки ты должна идти спать, Юлианна. А мне надо идти и заканчивать свою работу.

- Александра! А может, не надо? - жалобно спросил Ангел Александрос.

- Надо! - непреклонно ответила Александра.

- Ну надо - значит, надо, - сказала Юлька, послала Александре воздушный поцелуй и побежала к сестре.

- Помирились? - сонным и довольным голосом спросила Аннушка.

- Конечно, еще как! На всю жизнь помирились!

- Слава Богу! Слушай, Юль, а как ты думаешь, Александра захочет, чтобы мы ее «мамой» звали, когда они с папой поженятся?

- Торопишься, сестренка, мы ведь их еще не поженили! А вот поженим - тогда и решим, как нам ее звать! Может, мы ее в старшие сестры определим, уж слишком она молода для мамы.

- Ой, Юленька, а как хорошо-то нам всем будет!

Юлька вдруг встрепенулась и села в постели.

- Послушай, Ань, а как же бабушка?

- А что бабушка? Насчет Александры бабушка с первого взгляда согласна, я же видела!

- И все-то ты, Аннушка, видишь и замечаешь, - вздохнула Юлька. - Не то что я, глупая.

- Я тоже глупая: так долго не могла помирить вас с Александрой. Я только все время молилась об этом.

- Ты не глупая, ты - поверхностная.

- Я - поверхностная? - удивилась Аннушка, но тут же согласилась: - А ведь верно!

Я часто бываю легкомысленной, глупости говорю и делаю...

- Да не в том смысле «поверхностная». Просто у тебя внимание скользит поверх разных житейских мелочей и проблем. Вот поэтому ты и заметила самое главное - про папу с Александрой.

- Ну, мне кажется, про папу и Александру уже давно все заметили, кроме троих... Нет, тебя я

уже просветила, так что остались двое.

- А кто эти двое, которые еще ничего не знают?

- Жанна и сама Александра, конечно!

Юлька ошарашенно замолчала и стала обдумывать новость. Больше всего ее запутало, что Александра, оказывается, и не знает, что папа собирается на ней жениться, но все-таки шьет себе платье, чтобы «насмерть затмить» Жанну. «Как это может быть? - размышляла она. - Нет, тут что-то не так!»

И ведь права оказалась Юлька!

Глава 12

Утром 30 апреля прилетел Дмитрий Сергеевич. Он поглядел на приготовления и беготню в доме и объявил, что лучше уедет до начала праздника к себе в офис. Конечно, он сначала заглянул к девочкам, и Александра с Юлианнами, не откладывая в долгий ящик, тут же ему рассказали, что вместе с ребятами строят на острове часовню и попросили его посмотреть на их стройку и дать благословение продолжать строительство. Но Дмитрий Сергеевич сказал, что он слишком устал, чтобы сегодня разъезжать по острову, что у него много срочных дел на работе, поцеловал дочерей, кивнул Александре и умчался.

- Эх, надо было ему сказать, что часовня будет на месте старого сарая! - сказала Юлька.

- Это зачем? - удивилась Александра.

- Услышав про это, папка наверняка захотел бы посмотреть на нашу работу.

- Возможно. Но ты не огорчайся, он еще успеет увидеть нашу стройку. А теперь, девочки, быстренько собирайтесь, я вас отвезу в лицей и вернусь - мне еще подарок Жанне доканчивать надо. Я пошла в машину, догоняйте!

- По-моему, ты ошиблась, Аннушка! - разочарованно сказала Юлька сестре, когда они остались вдвоем. - Они даже не взглянули друг на друга!

- Еще посмотрят, когда Жанны в доме не будет! - успокоила ее Аннушка.

Вернувшись из лицея, девочки застали в доме еще большую суматоху: то и дело приезжали посыльные из магазинов, привозили какие-то коробки, Екатерина Ивановна и Таня буквально сбивались с ног, и девочки поспешили убраться в свою комнату. Там Александра объявила, что оставляет их вдвоем, потому что у нее самый ответственный момент в приготовлении подарка Жанне.

- Давай хоть почитаем друг другу вслух или музыку послушаем, - сказала Юлька, когда Александра ушла. - Всем сегодня не до нас!

- Может, мы лучше помолимся, чтобы у Александры наряд получился лучше, чем у Жанны? - предложила Аннушка.

- Сестрица, я иногда тебе просто удивляюсь: ну неужели о таких вещах можно молиться? Давай лучше помолимся, чтобы Жанна перед праздником ногу подвернула и не могла танцевать.

- Юль, а ты помнишь кирпич, который ты разбила об асфальт? Ну тот, с молитвой о сломанной соседкиной ноге?

- Да, помню... Нет, давай лучше помолимся, чтобы нам самим ног не сломать!

- Не знаю я такой молитвы, Юль!

- Да знаешь! Ну, где на гремучую змею и василиска наступишь - и хоть бы хны!

- А, это ты про девяностый псалом говоришь, который читается в опасности: «На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия...». Ну, давай его прочтем.

Прочли девяностый псалом, а потом заодно еще несколько подходящих к случаю псалмов. Аннушка уже давно читала по-церковнославянски, а Юлька еще только училась, но псалмы ей уж очень нравились, и она любила их читать, причем обязательно вслух. «Про себя не так красиво и торжественно получается!» - объясняла она.

Потом они по очереди читали друг дружке чудесную повесть Владислава Крапивина, называвшуюся таинственно и маняще - «Пять фунтов брамсельного ветра». А потом за ними пришла чем-то очень довольная Александра, и они пошли обедать. Жанны на общем обеде не было - она готовила себя к празднику. После обеда Александра уговорила девочек прилечь отдохнуть, чтобы не слишком устать вечером. Они легли и нечаянно обе крепко уснули - и проспали до самого вечера.

Разбудила их Таня. Она вошла к ним в комнату с двумя большими коробками в руках и объявила:

- Вот! Это ваши новые платья. Жанна купила их для вас специально к своему празднику!

Девочки, естественно, кинулись к коробкам. На первый взгляд платья были очень хороши - два вороха голубого и нежно-зеленого шелка. Они их надели, поглядели друг на друга и чуть не расплакались. Платья были ужасны! На каждой юбке по три длинющих оборки, а сверху еще узкий и давящий воротник-стойка. Мало того, к каждому платью прилагался того же цвета пояс с пышным бантом, дурацким до невозможности!

- Танечка, солнышко, будьте другом, позовите к нам Александру! - сказала Юлька. - Мы даже в коридор в этом не выйдем, чтобы никто нас случайно не увидел!

- Хорошо, я позову. Только учтите, Жанна сказала, что вы пойдете на ее день рожденья в этих платьях или вообще не пойдете! - и она отправилась за Александрой.

- А может, мы и вправду не пойдём на этот день рожденья? Ну его, а?- предложила Аннушка, теребя отвратительные длинные оборки.

- Еще чего! - сказала Юлька. - Если Александра ничего не придумает, то мы просто наденем наши любимые голубые платья и спустимся вниз. Пусть только Жанна попробует нас прогнать - мы тут же папе пожалуемся!

Но явилась Александра и спасла положение.

- Все ясно! Кое-что придется подшить, но главным образом нас выручат ножницы!

Она сходила в свою комнату, принесла ножницы и коробку для рукоделья. Первым делом она

вырезала ужасные воротники и быстренько подшила вырез на Юлькином платье - она выбрала зеленое. Аннушка смотрела, как работает Александра, и вырез на своем голубом платье сумела быстро подшить сама. Пока Александра шила, девочки заметили, что пальцы ее совершенно исколоты иголкой. Они понимающе переглянулись: ясное дело, туалет самой Александры - это наверняка что-то потрясающее! Так исколоть пальцы!

Затем Александра велела девочкам надеть платья, еще раз осмотрела их и решительно взялась за ножницы. Раз, два - и две нижних оборки Юлькиного платья с мягким шелестом упали на пол. Три-четыре - верхняя оборка, разрезанная наискось в четырех местах, повисла веселыми косыми углами. То же самое было проделано и с платьем Аннушки.

- А что делать с поясами? - спросила Юлька. - Они какие-то дурацкие, а без них платье получается слишком широкое на талии.

- Ничего с ними делать не надо! Поменяться вам надо, только и всего. Но сначала намочите банты - пусть они висят, а не торчат.

Банты намочили, поясами обменялись - и теперь платья у девочек были что надо! У Аннушки зеленое платье с голубым поясом и бантом, а у Юльки - наоборот.

- Идите вы тоже одеваться, Александра! Причесаться мы и сами сумеем! - сказала довольная Аннушка.

Александра ушла к себе. Девочки причесались и, не дожидаясь, пока за ними кто-нибудь придет, ринулись вниз - встречать гостей.

Внизу уже царил, как принято говорить, праздничная атмосфера. В столовой, где заранее был накрыт стол, в полутьме тихонечко играл приглашенный оркестр. Был открыт обычно запертый на ключ парадный зал, сияющий огнями двух огромных хрустальных люстр и наполненный цветами, и по нему уже разгуливали первые гости. Увидев дочерей, Дмитрий Сергеевич одобрил их наряды:

- Веселенькие платья выбрала вам Жанна!

Девочки переглянулись и решили промолчать: будет еще время пожаловаться на Жанну и похвастать, какая находчивая у них Александра.

То и дело прибывали новые гости, входили в дом, раздевались в прихожей и проходили в зал, где здоровались с Мишиным и с девочками; потом они пили разносимые лакеями напитки, разговаривали между собой и ждали появления хозяйки.

К разочарованию девочек, Александра появилась ни в каком не ослепительном бальном платье, а в своей обычной длинной черной юбке и белой блузке со скромным галстучком. Она даже новую прическу себе не сделала, только кудри подвязала черной бархатной ленточкой.

- Это не классная гувернантка, а классическая гувернантка! - недовольно сказала Юлька и потащила Аннушку к Александре.

- Ну, и где ваш шикарный бальный наряд? - спросила она Александру.

- Да, где же ваше платье, Александра? - спросила Аннушка.

- Какой наряд, какое платье, девочки? - рассеянно спросила Александра.

- Новый, который вы столько дней шили!

- Я не шила никакого наряда, я готовила подарок для Жанны.

Девочки были разочарованы и даже слегка обиделись на Александру.

Но вот появилась хозяйка вечера, и уж она-то постаралась быть ослепительной! С гордо поднятой лакированной черной головкой, так похожей на змеиную, она вышла медленным шагом на середину зала и остановилась, давая всем на себя посмотреть. И посмотреть было на что! Платье Жанны было неопишимо, как и обещала Мари де Забилье! И все же мы попробуем его описать. Сверху платье... Но сверху платья как раз фактически не было, а были только две узенькие бретельки, унизанные мелкими бриллиантиками. Подол внизу был широкий, он плавно сужался к талии, и от самого низа вверх по подолу ползли, сближаясь на талии и расплываясь затем у груди, страшные зеленые змеи с бриллиантовыми глазами. Когда шевелилась Жанна - шевелились и змеи на ее платье. В общем, наряд был кошмарный, но впечатляющий - нервному человеку и смотреть опасно. Гости, взглянув на Жанну, сначала втайне содрогались, говорили себе мысленно успокаивающие слова, и только после этого вслух выражали свое восхищение. Некоторые, правда, при этом тихонько хихикали; в основном это были дамы и хихикали они, как решила про себя Жанна, несомненно от зависти.

Гости кинулись поздравлять Жанну и вручать цветы и подарки.

Через некоторое время Жанна, выслушав большую часть поздравлений и отправив с горничной Таней все полученные подарки к себе наверх, снова вышла на середину зала, трижды хлопнула в ладоши и объявила:

- Мы начинаем, дорогие гости! И я хочу вам сообщить, что сегодня не только мой день рождения, но и замечательный старинный праздник в честь весны - праздник Бельтайн! Музыка!

Из столовой в зал вышла высокая статная женщина в длинном красном платье с рисунком из оранжевых огненных языков - это была специально приглашенная Жанной певица, а за певицей шли музыканты с инструментами, на ходу играя вступление. Один из них играл на настоящей волынке! Певица остановилась рядом с Жанной и запела глубоким низким голосом:

Костры взметнулись в небеса

на празднике Бельтайн,

Звучали звонко голоса

на празднике Бельтайн,

вино шумело в голове

на празднике Бельтайн.

Ступая тихо по траве

Я подошел к кострам...

Песня была старинная, длинная, скорее даже баллада, а не просто песня. Рассказывалось в ней, как богатый проезжий молодец присмотрел на празднике деревенскую девушку и увел ее

под шумок прогуляться в лес, а потом у него из-за этого вышло недоразумение с ее отцом и братьями, деревенскими кузнецами. В общем, выходило, что праздник Бельтайн в старину проходил весьма разнузданно и бурно. Гостям песня понравилась, но еще больше они оживились, когда Жанна пригласила всех пройти в столовую. Когда девочки с Александрой проходили мимо нее, она сказала ей через голову сестер:

- Александра, после ужина отведите Юлианн сразу наверх и останьтесь там с ними. Сегодняшний праздник не для детей!

Сестры возмутились и хотели протестовать, но Александра кивнула Жанне и слегка, но настойчиво подтолкнула девочек в направлении дверей. В столовой специальный распорядитель провел их в самый конец стола: именно там были положены карточки с их именами. А напротив, на другом конце стола, было место Жанны и Дмитрия Сергеевича, и там вместо стульев стояли два красных кресла. Это, конечно, Жанна так распорядилась, чтобы Юлианны сидели не справа и слева от отца, как всегда, а переехали на другой конец стола. Наконец все расселись, и Акоп Спартакович встал и произнес очень длинный и замысловатый восточный тост, который никто толком даже не понял, но все одобрили и похлопали. А после все стоя вышли за виновницу торжества и принялись угощаться.

Ужин был роскошный, богатый, вкусный, но уж слишком длинный. Сестры перестали есть задолго до десерта, а потому сидели тихонько за столом и беседовали с Александрой.

- Александра, давайте мы после ужина попросим папу, чтобы нас не отправляли наверх, ладно?

- Нет, не ладно, девочки. Если бы это был день рождения вашего папы, я бы его уговорила, чтобы вы оставались с гостями подольше. А сегодня праздник Жанны. Поглядите, между гостями ходят совсем незнакомые люди: какие-то женщины, похожие на ведьм, бледные молодые люди с накрашенными губами, вылитые вампиры!... Кто все они? Чего они ждут от этого языческого праздника Бельтайн, и что это за праздник такой подозрительный? Нет уж, девочки, давайте мы все-таки уйдем к себе сразу после ужина.

- А потанцевать с папой? Мы очень любим с ним танцевать!

- Мы всегда так делали, на всех праздниках - танцевали с ним первый танец!

- Думаю, что сегодня он откроет танцы с Жанной, так уж положено.

- Ну да, и они как всегда будут танцевать танго - любимый танец Жанны!

- А у вас какой любимый танец?

- А мы с папой любим вальс! - сказала Аннушка.

- Мы его с ним по очереди танцуем, - добавила Юлька.

- Ну, хорошо, - сдалась Александра, - после ужина я попрошу вашего папу разрешить вам задержаться в зале на два танца. Но только на два! Договорились?

- Ладно, договорились, - сказала Юлька.

Ужин закончился каким-то удивительным мороженым - с экзотическими фруктами, огнем и брызгами шампанского. Гости встали из-за стола и проследовали в зал.

Александра, улучив момент, подошла к Дмитрию Сергеевичу и о чем-то тихо его попросила; тот улыбнулся и кивнул в ответ. Александра издали тоже кивнула сестрам, и они поняли, что папа разрешил им немного потанцевать.

Музыканты заиграли танго.

Мишин галантно повел Жанну на середину зала. Дмитрий Сергеевич танцевал прекрасно, и Жанна тоже ему не уступала. Так танцуют профессионалы и, видя это, гости им не мешали, а стояли широким кругом и любовались блестящим танцем. Кроме того, почти всем гостям Жанна уже успела намекнуть, что вечер этот устроен не только в честь ее сомнительного дня рождения и какого-то там языческого Бельтайна, но и в честь ее помолвки с Мишиным. Потому-то все гости восприняли этот танец как символический и не хотели мешать красивой паре в столь знаменательный день.

Но тут в пустой круг стремительно влетели танцующие Юлианны, и глаза зрителей сразу же устремились к ним. Ох, как танцевали эти сестрички! Движения их были абсолютно синхронны, даже головки они поворачивали и наклоняли одновременно, так что казалось, это танцуют не просто сестры-близнецы, а девочка со своим отражением. Александра, конечно же, сразу вспомнила их танец на рождественском празднике в лицее, когда она увидела их в первый раз. Юлианны сделали свой блистательный круг под аплодисменты гостей и приблизились к первой паре. Теперь они старались танцевать позади Жанны, чтобы Дмитрий Сергеевич видел дочерей, а Жанна - нет, и... сразу же пошли озорничать, комически передразнивая взрослую пару: Аннушка танцевала за партнера и изображала отца - с юмором, но и с любовью, а Юлька, уже безо всякой любви, сатирически копировала Жанну. Аннушка шла в танце с некоторой холодной важностью, равнодушно вертела, дергала и отбрасывала партнершу, а Юлька закатывала глаза, выгибалась дугой, строила томные рожицы и льнула к Аннушке - а та ее с подчеркнутой прохладцей отстраняла. Мишин сдерживал смех, искоса наблюдая за озорством дочерей, а Жанна, совершенно упоенная танцем и успехом, ничего не замечала. Гости же от души веселились! В конце танца Жанна так выгнулась назад, повиснув на руке Дмитрия Сергеевича, что почти коснулась головой пола. А Юлька, подражая ей, сделала настоящий «мостик» и при этом высунула язык и вытаращила глаза, изображая натужное усердие. И тут же девочки выпрямились, с самым невинным видом поклонились друг другу и степенно прошествовали через весь зал к Александре.

- Ну, как у нас получилось? - спросила Юлька.

- Уморительно! Если б Жанна вас увидела, она бы тебя, Юлька, растерзала на месте, не прекращая танцевать!

Но Жанна ничего не заметила, а улыбки и смех гостей приняла за знаки восхищения и одобрения, адресованные исключительно ее красоте и танцевальному мастерству.

Оркестр заиграл вальс. Мишин оставил Жанну и пересек зал по диагонали, направляясь к дочерям.

- Давай ты начнешь танцевать с папой, а потом я тебя сменю! - предложила Аннушка. - Мне надо немного отдышаться. Я, знаешь, все-таки ужасно волновалась!

- Так и сделаем! - сказала Юлька и уже подняла руку, чтобы положить ее на рукав отца - до плеча ему она не доставала, но Дмитрий Сергеевич, подойдя к ним, вдруг сказал:

- Прощу вас, Александра, на тур вальса!

Александра, ничуть не смутившись, благосклонно склонила голову и протянула Дмитрию Сергеевичу руку. Они медленно вышли на середину зала и начали вальсировать. Танец их был плавный и совсем не такой, как только что исполненное хозяином дома и Жанной танго. Они как будто плыли не по залу, а по воздуху, спокойно и серьезно глядя в глаза друг другу.

Юлька тут же подхватила Аннушку со словами «Не время сейчас отдыхать!», и они пошли радостно кружиться вокруг вальсирующей пары.

- Слушай, Юленька, а папа с Александрой случайно не поссорились? - спросила вдруг Аннушка, замедляя танец.

- Нет, конечно! А с чего ты это взяла, Аннушка?

- Они же совсем не разговаривают друг с другом!

- Ой, сестрица, похоже, что из нас старшая все-таки я! Неужели ты не понимаешь, почему они танцуют молча?

- Нет.

- Да потому, что они - танцуют!- вдвоем! - первый раз! - в жизни!

- Надо же... А ведь ты, наверное, права, сестренка!

И девочки закружились еще быстрее, вращаясь вокруг взрослой пары с такой скоростью и с такими замысловатыми фигурами, что все гости смотрели только на девочек, почти не обращая внимания на медленно вальсирующую пару в центре зала. Для того-то девочки и старались!

Когда танец кончился, Дмитрий Сергеевич сказал Александре:

- У меня к вам большая просьба, Александра! Проводите девочек наверх, уложите, а потом спускайтесь вниз и мы еще потанцуем.

- Я думаю, что останусь с ними, Дмитрий Сергеевич.

- Ладно, я попозже поднимусь наверх, попрощаюсь с дочками и попробую вас уговорить. Пичуги, по веткам и спать! - скомандовал он. Юлианны нехотя, стараясь идти помедленней, пошли к лестнице.

В это время певица вновь взяла микрофон и страдальчески затянула:

Бесами!

Бесами му-у-чим!

Гостям уже надоело любоваться чужими танцами, и они ринулись танцевать сами под заунывное пение мучимой бесами певицы, а сестры в сопровождении Александры поднялись на второй этаж и скрылись. Дмитрий Сергеевич постоял внизу, но танцевать больше не захотел и в зал не вернулся, а свернул от лестницы в другую сторону и прошел в темную библиотеку. Там он сел в кресло и глубоко задумался, подперев кулаком щеку. И сидел он так очень долго.

А в зале теперь танцевали уже все гости. Кроме тех, конечно, кому после ужина потребовалось зайти в туалет. Из туалета гости, все как один, возвращались, давясь от смеха. И все при этом

они насмешливо, сочувственно, злорадно или соболезнующе поглядывали на Жанну.

Вскоре Жанна заметила, что с гостями происходит что-то странное, и никак не могла понять, почему, взглядывая на нее, одни отводят глаза и кусают губы, а другие просто изнемогают от еле сдерживаемого смеха. Она недоумевала и нервничала все больше и больше. Ей захотелось немного передохнуть, принять успокоительное, и она поднялась в свои апартаменты.

- Жан, ты здесь?

Жан проявился: он лежал на ее кровати среди черных подушек.

- Ты знаешь, Жан, - сказала Жанна, сбрасывая туфли и присаживаясь рядом с ним, - что-то мне сегодня не по себе. Вроде бы все идет как надо - а радости нет. Даже какое-то нехорошее чувство появилось, будто предчувствие катастрофы.

- А чего ее предчувствовать, если она уже произошла.

- Что произошло?

- Катастрофа. Я тебе говорил, что надо было шить зеленое платье с черными змеями? - Говорил. Ты послушалась? - Нет. Вот теперь пожинай плоды своего упрямства.

- Ты считаешь, что платье надо было шить из зеленой парчи, а это платье - катастрофа? Ну, не знаю... Не уверена...

Жан отвернулся к стене.

Жанна поднялась и подошла к зеркалу.

- А по-моему, платье - люкс! Да нет, с платьем определенно все в порядке. Это просто у меня в душе какая-то тревога.

- Ну ты мне еще про свою бессмертную душу поговори! - проворчал Жан, отворачиваясь к стене.

Жанна глубоко задумалась.

- Хозяйка, а хозяйка! - раздался из угла мерзкий голосок Михрютки. - Ты бы спустилась вниз и заглянула в туалет для гостей.

- Это еще зачем? Что за ерунда?

- Загляни, загляни, хозяйюшка! Там тебя хорошенький сюрпризик ждет!

Жанна пожала плечами, но все-таки пошла вниз.

- Зачем ты ее предупредил, придурок ты наш домашний? - спросил Михрютку Жан.

- Я не домашний, а домовый! - оскорбился Михрютка. - Ну и предупредил! А что такого? Или ты боишься, что она скандал устроит и все погубит окончательно?

- А ты что, еще не понял, что все и так уже погибло? Что в этом доме нам с тобой УЖЕ делать нечего?

- А хозяйке?
- А хозяйке - тем более. В этом доме скоро другая хозяйка появится.
- Бабушка?
- Девушка!
- Дедушка? Какой такой дедушка?
- Не ДЕДУШКА, а ДЕВУШКА, ослиная голова!
- Не ослиная, а кошачья... - поправил его Михрютка. - Что за девушка такая, откуда?
- Девушка по имени Санька-Встанька, дурак!
- Ну ни-че-го не понимаю! Дедушка, девушка, Ванька, Встанька... Ты скажи проще, а?
- А проще - выметаться нам пора отсюда, друг Михрютка!

- Вон оно как! А может, оно и к лучшему, Жан? Это же не дом, а просто церковь какая-то: утром молятся, за обедом молятся, вечером молятся... Иконы во всех комнатах висят зачем-то! Что мы с тобой, места себе получше не найдем, без икон и ладана? Вот на Бычьем острове новый комплекс построят, туда и приткнемся. А пока можно в Клубном доме квартиру с приличными хозяевами подыскать...

- Отстань, дурень! Тебе кроме теплого да вонючего угла ничего не надо. А у нас с Жанной такие планы были, такие грандиозные планы! Первая в России школа для девочек-ведьм! - И бес скорбно и глухо завыл, роняя зеленые слезы на черную постель. А потом поднял голову и с надеждой спросил:

- А может, еще не все потеряно?

Михрютка пожал колючими плечами, махнул Жану волосатой лапой и удалился: он забрался в дымоход, через него вылез на крышу, сел у трубы и, глядя на луну, тоже принялся тосковать да подвывать, параллельно строя планы переселения на новое место жительства.

А тем временем Жанна вошла в туалет для гостей. Вошла и обомлела. Так вот почему так веселились сегодня гости, вот над чем они так издевательски смеялись! На окне туалетной комнаты висели новые занавески - из той же самой парчи, из которой было сшито вечернее платье Жанны, но только глумливо «обратной» расцветки - не зеленые змеи на черном фоне, а черные на зеленом! И даже глаза у змеюк были из камешков, только не прозрачных, а красных. Но занавески - это еще что! В углу просторного туалета стояла стеклянная душевая кабина, и перед нею на синем мраморном полу лежал квадратный коврик - из той же ткани! Она перевела глаза и задохнулась от ярости: точно такой же коврик, но только полуовальный и с соответствующим вырезом, лежал перед... унитазом! И даже крышка на унитазе была аккуратно обтянута той же самой «змеиной» тканью! Потемнев лицом и глазами, Жанна подошла к унитазу, ухватилась за его крышку, взвыла, рванула - и вырвала крышку прямо с корнями, то есть с шурупами.

- Мерзкие девчонки, да я вас сейчас убью! - прорычала она и бросилась вон из туалета с крышкой от унитаза в руках. Она пронеслась мимо стоявших в коридоре гостей - те очень удивились и расступились перед нею, а увидев в руках Жанны оторванную крышку от унитаза,

принялись смеяться уже не скрываясь. Некоторые прямо-таки давились от хохота. Жанна этот смех услышала и, как ошпаренная, выскочила в холл! По дороге она завернула к стойке с зонтами и выхватила один из них: по злополучной случайности зонт ей попался зеленый с черными клетками - как раз в тон унитазной крышке! Прыгая через две ступеньки, что-то рыча, тряся зонтом и крышкой, Жанна бросилась наверх - разить и убивать!

Мишин еще долго сидел бы в библиотеке, но в конце концов он вспомнил про обязанности хозяина, поднялся и пошел к гостям. Проходя мимо лестницы, он услышал наверху какой-то шум: сквозь грохотавший в зале оркестр и вопли певицы про какой-то там теплоход, на котором музыка играет, сверху доносились угрожающие крики и визг на несколько голосов. Мишин подумал, что дочери, возбужденные праздником, никак не могут уgomониться и озорничают, не давая покоя и отдыха бедной Александре. Он стал тихонько подниматься по лестнице, чтобы застать их врасплох, учинить разнос и выручить бедную гувернантку. Но, поднявшись наверх и пройдя в коридор, он увидел, что Александра стоит, упершись руками в косяки, спиной придерживая трясущуюся дверь, из-за которой доносятся плач Аннушки и визг Юльки. При этом гувернантка, набычившись и сверкая глазами сквозь кудри, твердит Жанне:

- Ты не пройдешь, ведьма! Ты не пройдешь к ним!

- Я тебя убью, мерзавка! Сначала тебя, а потом их! - шипит Жанна и раз за разом бросается на Александру, пытаясь проткнуть ее зеленым зонтом и размахивая каким-то щитом, тоже зеленым. Но ей никак не удается коснуться острием зонта не только Александры, но даже двери - все ее удары почему-то приходятся мимо! А гувернантка стоит неподвижная, гневная, совершенно невредимая - и ослепительно прекрасная!

Еще бы Александре не показаться Мишину «ослепительно прекрасной», когда перед ней и рядом с нею, защищая ее сверкающими огненными мечами от уколов зеленого зонта, стояли сразу трое Ангелов - Александрос, Юлиус и Иоанн. Это их сияние и сверкание огненных мечей слепило Жанну и делало прекрасной Александру. Ах, нет, простите, Ангелов стало уже четверо! Это Димитриус, Ангел Хранитель Мишина, тоже встал рядом с Александросом и обнажил свой меч.

Ну а что же вражья сила? А ее и не было на этом маленьком поле боя. Жан был зол на Жанну и, услышав ее яростные вопли, даже с боку на бок не повернулся. А Михрютка сидел на трубе и выл на луну. Другие же бесы, которые явились в мишинский дом по приглашению Жанны со своими подопечными, чтобы повеселиться на празднике Бельтайн, тоже были далеко от схватки, но только не над нею, как домовой, а под схваткой - в подвале дома. Им в доме настолько не нравилось, что они все по одному сбежали в подвал и там потихонечку тусовались, не осмеливаясь, как это бывало в прежние времена, вертеться между людьми.

Остолбеневший Мишин разобрал крики дочерей из-за двери:

- Александра, откройте! Александра, зовите на помощь папу!

- Ну, что ж ты не зовешь на помощь Мишина? Ведь ты это устроила, чтобы сорвать мою помолвку! - прошипела Жанна.

- Точно! Конечно, это я устроила, а не девочки!

- Так ты не боишься признаться, что сама влюблена в Мишина?

- Я признаю все, что ты хочешь, Жанна, но девочек я тебе в обиду не дам!

- Неужели ты думаешь, лахудра нечесаная, лимита московская, что Мишин на тебя посмотрит? Знаешь, как он тебя зовет, ничтожество? Пигалицей! Он тебя выгонит завтра же, так и знай, дурища самоотверженная!

- Александра, зовите же папу! Да что ж это он на звонки не отвечает? Наверное, телефон выключил... Что же нам делать? - слышал Мишин голоса дочерей за дверью.

- Ну, так что ж ты не зовешь папочку, Александра? - засмеялась Жанна.

- А зачем его звать? Он уже здесь, - раздался спокойный голос Мишина. Такой спокойный, что даже Александра поняла - Мишин в страшном гневе.

Он подошел к Жанне, вырвал у нее из руки зонт и переломил его о колено. А это, между прочим, не так просто: вот найдите где-нибудь старый зонт и попробуйте - там же распорки железные! Щит он тоже вырвал и отбросил в сторону - тот пролетел аж до самого конца коридора, едва не вылетел в окно и приземлился с грохотом на пол. Мишин схватил Жанну за плечи и спросил:

- Что тебе нужно от моих дочерей в такое время, Жанна?

- Я их ненавижу! Я их убью! - кричала Жанна, не помня себя от ярости. Она попыталась вырваться из рук Мишина и даже исхитрилась царапнуть его разок по щеке. Тогда Мишин скрутил ей руки и сказал холодно и тихо:

- Я запрещаю тебе приближаться к моим дочерям, Жанна, отныне и навеки запрещаю!

Слышишь? А сейчас тебе лучше пойти к себе и лечь спать. Чтобы завтра с утра пораньше собрать вещи и покинуть этот дом. - И он отбросил ее руки.

- Что-о?! Мне - покинуть дом?! Ну, Митенька, ты об этом пожалеешь! - Жанна развернулась и помчалась в свою берлогу, а вместе с нею летели по воздуху все ее зеленые змеи с бриллиантовыми глазами.

- Пропустите меня, Александра! - требовательно сказал Мишин. Он все еще был бледен от гнева.

Александра молча выполнила его просьбу и пропустила его в комнату девочек.

- Папочка! Папка! - зареванные и перепутанные Юлианны бросились к нему в объятия.

- Ну, теперь ты видишь, какая она, эта Жанна? - спросила Юлька, когда все успокоились.

- Я это давно вижу, дочери мои милые, дочери мои любимые. Мне просто было неловко выставить ее на улицу без причины, ведь она так прижилась в этом доме.

- Да уж, слишком прижилась! Целый год терпели ее из-за тебя!

Мишин легонько щелкнул ее по носу:

- По-твоему, взрослые не имеют право на ошибки?

- Не имеют! Только все равно они совершают их даже чаще, чем дети.

- Не чаще, Юленька, просто их ошибки имеют более серьезные последствия. А теперь,

Юлианны, спать и немедленно! Идите, милые, идите. Дверь вашу я снаружи на ключ закрою, чтобы вас никто больше не беспокоил, а ключ с собой унесу.

- А как же Александра, папочка? - спросила Аннушка, с тревогой глядя на него. - Она что, тоже не сможет к нам зайти?

- А зачем ей ночью к вам заходить? Вы большие девочки, можете ночью и без няньки спать. Разве не так?

- Ну, так...

- Вот и спите! Хватит на сегодня разговоров и переживаний! Дайте-ка я вас на сон грядущий еще разок поцелую и перекрещу!

Девочки еще немножко повздыхали и отправились в постель, а Дмитрий Сергеевич действительно запер за ними дверь и ключ опустил в карман. Потом он посмотрел в один конец коридора, где лежала крышка от унитаза, потом в другой - там валялся сломанный клетчатый зонт, после этого поглядел на Александру и покачал головой: теперь ничего ослепительного в гувернантке он уже не видел.

- Да, Александра, праздник Жанне вы хорошо подпортили!

- Уж как сумела, так и подпортила!

- Ну и к чему такая жестокость? Все-таки это ее день рождения. Зачем вы это сделали?

Я ведь тоже заглянул в туалет для гостей, но подумал, что это какая-то дурацкая фантазия самой Жанны. А это, оказывается, вы потрудились...

Александра молчала. Вот уж теперь-то, если даже она сейчас и расскажет ему всю правду о готовящемся покушении, Мишин ей точно не поверит! Ну так она ничего ему и не скажет!

- Ладно, идемте вниз, к гостям. Девочки заперты, им больше ничего не грозит.

- Лучше бы вы свою невесту Жанну заперли в ее норе, - сердито пробормотала Александра.

- Что? - не расслышал Мишин.

- Ничего. Проехали.

- Ну, так вы идете вниз?

- Нет, Дмитрий Сергеевич, вы меня простите, но вниз я не пойду.

- Почему, Александра?

- Это ведь не мой праздник, а Жаннин.

- Да. Но она больше на нем не покажется, так что вам нечего бояться.

- Я и не боюсь. Просто... Просто я себя чувствую виноватой.

- В чем?

- Я не предвидела, что она может подумать на девочек и напасть на них. Из-за этого я и не хочу идти вниз, сторожить буду. А вы уж идите... Да идите же скорей вниз, не стойте тут!

- Почему?

- Потому что мне очень, очень хочется танцевать, если хотите знать! - в голосе Александры задрожали слезы. - Но я не могу туда пойти! Идите, Дмитрий Сергеевич, идите!

- Может, ей все-таки пойти вместе с Митенькой? - спросил Ангел Димитриус у Александроса. - Они так хорошо танцевали вдвоем!

- Пусть идет, мы посторожим! - сказал и Ангел Юлиус.

- Нет, братие! - сурово возразил Ангел Александрос. - Не дело моей Александре торжествовать над поверженной соперницей - это не послужит ей на пользу. Прав я, брат Иван?

- Совершенно прав, брат Димитриус! - сказал Ангел Иоанн. - Душевный мир наших подопечных нам дороже, чем все их победы. Кроме победы над собой, разумеется.

- Ну что ж, - сказал Димитриус, - будь по-вашему, братие.

И Ангелы попрощались и разошлись: Димитриус спустился вниз за Мишиным, а Юлиус с Иоанном отправились сквозь запертую дверь детской сторожить сестер.

- Да, мне лучше идти, а вам - остаться, - сказал Мишин Александре после недолгого раздумья и пошел к лестнице. Он даже ни разу не оглянулся и не поглядел на нее!

Мишин вернулся к гостям и объявил, что у Жанны разболелась голова и она ушла к себе - чему никто не удивился, потому что все уже хоть разок да побывали в туалете. Он предложил гостям продолжать веселиться. И они продолжали веселиться кто как мог, втихомолку обсуждая необычный туалет хозяйки и интерьер туалета для гостей и гадая, кто же это и за что так жестоко над нею подшутил?

- Ты чем-то расстроен, Митя? - спросил Мишина Павел Иванович.

- Да.

- А что, случилось что-нибудь?

- Случилось. Александра фактически выставила из дому Жанну.

- Да ну?! Так это ж здорово!

- Здорово-то оно здорово, но я не хотел, чтобы Александра начинала хозяйничать в доме именно с этого. Знаешь, я ведь собирался немедленно сделать ей предложение, как только Жанна покинет этот дом.

- Так если она его покинула, за чем же дело стало?

- Дело не в Жанне, а в самой Александре.

- Так... Понимаю... А давай, Митя, прихватим какую-нибудь бутылку, пяток бутербродов, Акопчика и пошли в библиотеку - поговорим!

А Жанна в это время бушевала в своих апартаментах. Сначала она сорвала свое осмеянное гостями платье со змеями и «брюликами» и зашвырнула его в угол, а потом вытащила чемодан и принялась метать в него наряды, драгоценности и колдовские причиндалы.

С крыши, почуяв неладное, вернулся домовый, и теперь оба беса наблюдали за хозяйкой.

- Что, Жанна, это конец? Неужели ты вот просто так возьмешь и уйдешь? - спросил томным и больным голосом бес Жан, поднимая черную голову с черной подушки.

- Да! Придется все начинать сначала и в другом месте!

- А помолвка? А фейерверк? - робко спросил Михрютка, переминаясь на волосатых лапах.

- Помолвки не будет! Вышла полная размолвка, а не помолвка. А фейерверк... А вот фейерверк я им все-таки устрою!

Она бросила собирать вещи и принялась натягивать на себя спортивный костюм.

Наблюдавший за ее действиями Жан задумчиво почесал когтями безобразную голову.

- Жанна! Я знаю, что ты задумала! Дело хорошее, пакостное. Но тебе понадобятся помощники, и я знаю, где их найти.

- Где?

- На балу у Кактуса - вот где!

- А меня туда пустят?

- Со мной - пустят!

- Так едем скорей!

Александра лежала в постели и плакала. И злилась. То на Жанну, то на саму себя. В конце концов, она поняла, что уснуть не сможет: в комнате душно, в кровати неудобно. Она встала, накинула халат и пошла послушать, спокойно ли спят Юлианны? Убедившись, что из комнаты девочек не доносится ни звука, она постояла в коридоре, слушая доносящуюся снизу музыку. После ухода Жанны оркестр сразу же отправился ужинать, и теперь там звучала более привычная музыка с дисков.

В комнату возвращаться не хотелось. Она увидела, что на третьем этаже выключен свет и на лестнице между этажами тоже темно. Она поднялась наверх и села на ступеньку, поближе к стене, чтобы ее даже случайно никто не увидел снизу. Сидела и плакала, жалея и себя, и девочек, и Мишина, и даже Жанну... Она тихонечко поскуливала, в промежутках шепча: «Ну а что, что я могла сделать, если мне никто-никто не поверил?»

- Бедная ты моя, бедная! - говорил Ангел, стоя рядом с нею и глядя ее по голове. - А ведь я тебя предупреждал!

Вдруг Александра услышала, что кто-то поднимается снизу на второй этаж. Она замерла и еще плотней прижалась к стенке. Ей показалось, что она узнает шаги Дмитрия Сергеевича. Да, это был он.

- Александра! Я уверен, что вы не спите, так что выходите, нам надо поговорить, - сказал он,

постучав сначала в дверь. - Даю вам три минуты - одевайтесь и выходите!

«Вот оно, начинается!» - подумала Александра. Надо бы встать и гордо спуститься к нему и выслушать все, что он ей скажет. А утром собрать вещи и выехать из этого дома. Вслед за Жанной. Ничего, ведь к девочкам скоро приедет бабушка... Уж как-нибудь они побудут одни до ее приезда... Зато Жанна обезврежена!

- Александра, я вас очень прошу, выйдите на несколько минут. Я же знаю, что вы не спите!

«Не выйду!» - мысленно ответила ему Александра, осторожно натягивая полы халата на озябшие босые ноги.

- Ну, хорошо, я прошу у вас прощения, Александра! Я же ничего не знал о планах Жанны! А вы не знали, что ничего из этих планов у Жанны не выйдет, потому что никакой нашей с ней свадьбы и никаких пикников после свадьбы не будет и не должно было быть. Мне Павлуша с Акопчиком все сейчас рассказали. Глупенькая ты, Санька-Встанька, надо было просто прийти ко мне и все мне рассказать! Между прочим, Акоп с Павлом после разговора с тобой приняли все меры предосторожности и даже нашли этих отмороzków, с которыми Жанна договаривалась о ДТП! Ну, выходи же, глупая!

«Ни за что! А вот теперь уж точно не выйду!» - подумала Александра, от счастья осторожно приплясывая босыми ногами на холодной ступеньке. - С распухшим-то носом и красными глазами? Да ни за что на свете!»

- Ну ладно... Не хотите, как хотите, Александра Николаевна! - сказал Мишин. - Завтра утром поговорим на свежую голову. Спокойной ночи, Санька-Встанька! - и он быстро прошел по коридору, а потом спустился по лестнице.

Александра тут же поднялась и побежала в постель - отогреваться! И, забравшись под одеяло, мгновенно уснула.

Глава крестовских бесов демон Кактус, как всегда накануне 1 мая, давал бал в честь Вальпургиевой ночи. Место для бала было выбрано уединенное и жуткое: подвалы заброшенного Кировского стадиона. Когда Жанна и Жан подъехали к покосившимся и запертым на большой висячий замок воротам стадиона, бал был в самом разгаре. Выйдя из машины и двигаясь вдоль стены в поисках пролома - Жанна, в отличие от Жана, сквозь запертые ворота и глухие стены проходить не умела, - они слышали грохочущую откуда-то снизу страшную музыку. Наконец они нашли пролом, прошли к раздевалкам под трибунами и через них спустились в полутемный подвал, освещаемый редкими огоньками свечек.

Музыка вблизи звучала оглушающе. Играл оркестр бесенят, два бесенка пели пронзительными визгливыми голосами, а взрослые бесы танцевали. Между прочим, солистами оркестра были те самые два мелких беса из «ореха зависти» матушки Ахинеи: после ужаса, пережитого в гнилом орехе, они решили к «православной ведьме» не возвращаться и устроились на службу к демону Кактусу - развлекали его, сея между крестовскими жителями зависть и раздор. Оправившись от шока, они даже собрали инструментально-вокальную бесовскую группу под названием «Отвязные бесенята». Они пели для гостей Кактуса песенку собственного сочинения:

Бес Сердечный выпьет сердце, а бес Совестьный - убьет! Никуда от них не деться, погибай, честной народ!

Бес Пардонный учит хама, бес Пробудный учить пить, бес Законный учить прямо в ад дорогу находить!

Бес Покойный растревожит
людям душу навсегда,
бес Полезный спать уложит
среди учебы и труда,
бес Принципный совесть свяжет,
а бес Путный путь укажет
прямо в адские врата!

Бесы зависти вопили в микрофон, оркестр грохотал, а бесы лапами топали и черными крыльями хлопали в такт этой бессовестной песенке. Посреди подвала горел и дымил костер из старых автомобильных покрышек, раздуваемый бесовскими крыльями, и в этом красном дыму танцующие бесы казались особенно страшными. Даже у ведьмы Жанны мороз пошел по коже, когда Жан повел ее сквозь толпу пляшущих и подвывающих бесов к хозяину бала. Страшный демон Кактус сидел на высоком штабеле старых автомобильных покрышек, как на троне и принимал приветствия гостей.

- Рад вас видеть, Жанна, с вашим хозяином! - проскрипел он ведьме.

Жанна немного удивилась такому приветствию, ведь она-то привыкла считать хозяйкой себя, но виду не подала - не до того ей было! Какой бы ведьмой она ни была, но, увидев такое скопище бесов, она слегка оробела.

- Что, Жан, прахом пошли все ваши планы? - усмехнулся Кактус. - Да, противники вам попались сильные и опытные. Ну, ничего! Еще не утро! К утру поглядим, что еще можно исправить. А пока - веселитесь!

И Жан с Жанной смешались с толпой гостей.

- Смотрите, кто к нам пришел! Это же наша Жанна! - прозвучал восторженный визг. Перед ними, подпрыгивая от восторга, завертелся Прыгун, зеленый бес, похожий на помесь козла с кузнечиком: Прыгун много лет донимал Юльку - до тех пор, пока она не стала причащаться.

- Как поживаешь, Прыгунчик? - вежливо спросила его Жанна.

- Инвалид я, Жанна, а как может поживать духовный инвалид? Пока отдыхаю и отхожу от старых ран. Но вот как только приду в себя - сразу же отправлюсь на старое место службы! Буду Юльку с пути сбивать, козни строить. Уж коли приставлен к душе человеческой - не отвертись!

- Да, не повезло тебе с подопечной! - с плохо скрываемым злорадством прохрипел Жан.

- Да уж... Но бывает и хуже! Ты Нулька видел? - Нулек был мелкий бес, с детства приставленный к Юрику Сажину. - Он тоже где-то здесь ошивается. Танцевать не может - оглох начисто, контузило его, беднягу, когда его Юрка крестился. Вон он, в углу сидит, похожий на жареную курицу! - Прыгун засмеялся, ткнув лапой в угол: там и вправду сидел, устроившись на полуспущенной камере от футбольного мяча, мелкий бес Нулек. - А бесиха Брюха, ну, которая Гулю вела - та вовсе чуть от голода не умерла, теперь в адском госпитале на излечении

пребывает!

- Это как же так? - удивилась Жанна. - Гуля, хоть и крестилась, но отсутствием аппетита отнюдь не страдает!

- А посты? Она же мало того, что все четыре крупных поста соблюдает, так еще по средам и пятницам постится! Бедная наша Брюшка-хрюшка совсем отошала...

- Ну а Недокопка, он тоже тут? В доме его совсем не видно.

- Он теперь безвылазно в офисе Мишина сидит, и хоть через день, но все-таки влияет на вашего Акопа Спартаковича: в бизнесе пожива для опытного беса всегда найдется. Этот еще как-то держится. А сегодня он где-то здесь крутится, в толпе не видать, ну да сам отыщется!

- Выходит, Прыгун, вся крестовская бесобратия, опекавшая друзей Юлианн, так или иначе пострадала от Светлых?

- Выходит так.

- Ну а Кира? Кира-то ведь не крестилась?

- А ты поговори с Барби. Барби! - завопил Прыгун, подлетая к черному потолку подвала и оглядывая зал. - Ты где, Барби? Тут старые друзья хотят с тобой поговорить!

- Иду, Прыгун!

Ковыляя на тонких ножках с крошечными ступнями, к Жанне и Жану сквозь толпу танцующих бесов пробиралась бесовка Барби, «покровительница» Киры. Но что за вид у нее был! Бывшие белокурые локоны висели вдоль постаревшего лица длинными седыми патлами, само лицо покрылось глубокими черными морщинами, некогда сиявшие голубые глаза стали серыми и тусклыми, а спина - горбатой.

- Гад Всезлобный, до чего ты дошла, Барби! - воскликнул Жан, и в его голосе прозвучало что-то вроде сочувствия.

- Не дошла - довели! - беззубо прошамкала бывшая красавица Барби. - Истязает меня скверная отроковица Кира своими молитвами! А на Пасху ее крестить будут. Уж и не знаю, как я это переживу...

Жанна молчала, глядя на остатки когда-то сильной и наглой бесовской гвардии, окружавшей Юльку. И вдруг она сверкнула глазами и воскликнула:

- Нет! Мы должны отомстить скверным девчонкам, пока еще не слишком поздно, и отомстить жестоко!

- Ты думаешь, еще не поздно? - прищурился Жан.

- Нет! Сам Кактус сказал: «Еще не утро!» Пока темно - еще не поздно устроить им на прощанье хороший фейерверк! - И Жанна стала решительно пробираться сквозь толпу гостей к «трону» Кактуса.

- Ваше темное низкородие, помогите! - воскликнула она, бросаясь перед бесом на колени. - Помогите отомстить!

- Отомстить? Девчонкам твоим? Да с превеликим удовольствием! Пожар? Да какой хочешь! Устроим этой ночью настоящий Бельтайнский костер. - Он задумался. - А если повезет чуть-чуть, то и с настоящими бельтайнскими жертвоприношениями... Человеческими.

Среди ночи Александра вдруг проснулась оттого, что по потолку ее комнаты плясали разноцветные сполохи и откуда-то издали доносились приглушенные звуки, похожие на стрельбу. «Это фейерверк. Еще у кого-то на острове сегодня праздник!» - подумала она и уже собиралась снова заснуть, как вдруг услышала за стеной, в комнате девочек, сначала телефонный звонок, а после восклицания и быстрый разговор Юлианн. Потом она услышала стук распахнутого окна. «Кто-то из ребят им позвонил и сказал про фейерверк, полюбоваться хотят, - подумала она. - Не простыли бы! Надо им сказать, чтобы надели на себя что-нибудь теплое». Она вскочила, накинула халат и пошла к двери в комнату девочек. Из-под запертой двери на нее пахнуло холодом. Она постучала.

- Юлианны! Закройте сейчас же окно, простудитесь! Или оденьтесь как следует! Вы меня слышите, девочки? - Никто ей не ответил. «Не слышат из-за выстрелов!» - подумала Александра. Она постучала еще раз, громче, потом повернулась к двери спиной и стала бить в нее ногами. Никакого ответа. Тогда Александра побежала обратно в свою комнату, там распахнула окно, высунулась из него и... увидела бегущих к воротам сестер.

- Юлианны! Куда вы? Что случилось?

- Юрик звонил, сказал, что часовня горит! - крикнула, обернувшись на бегу, Юлька. - Мы бежим туда!

- Догоняйте нас, Александра! - крикнула Аннушка. И обе скрылись за воротами. Александра успела только заметить, что обе были одеты в теплые куртки, вот только шапки надеть позабыли.

- Ах, негодницы! - воскликнула Александра и стала гадать, как же это Юлианны из запертой комнаты оказались вдруг в саду? Не выпрыгнули же они в окно! Она перевесилась через подоконник, повертела головой и все поняла: возле окна девочек шла водосточная труба - вот по ней они и спустились! Ну, она им потом задаст!

Через несколько минут Александра, тоже уже одетая и тоже без шапки, кубарем скатилась с лестницы и бросилась к дверям сквозь толпу гостей.

У самых дверей она наткнулась на Павла Ивановича.

- Ты куда это направилась среди ночи, Александра? - спросил он, останавливая ее за плечо.

- К часовне! Часовня горит! Да пустите же меня - там Юлианны!

- Что за чушь! - воскликнул подошедший Мишин. - Я же их запер на ключ, он и сейчас у меня в кармане!

- Как же - удержишь ваших дочерей ключами и запорами! Они по водосточной трубе спустились и убежали. Скорее туда, к часовне! - крикнула Александра, летя к дверям.

- Да по стойте же! Объясните... Какая часовня горит? Что за часовня? Где она? - Но Александры уже и след простыл.

Мишин бросился наверх, в комнату девочек. Там гулял ветер, окно было распахнуто, а комната

была пуста. Он побежал вниз, выскочил на крыльцо и успел увидеть выезжающий за ворота автомобиль Александры.

- Куда это она? Какая часовня горит? Где мои дочери? Ты что-нибудь понимаешь, Павлуша? - спросил Мишин у подошедшего Павла Ивановича.

- Понимаю. Кто-то поджег их часовню, вот они и побежали на пожар. Ну, а гувернантка, как ей и положено, за ними отправилась.

- Куда ее опять понесло? Нет чтобы остановиться, объяснить в чем дело...

- Она ведь обещала тебе, Митя, никогда и ни при каких обстоятельствах не оставлять твоих дочерей без присмотра? Вот она и помчалась за ними присматривать!

- Сумасшедшие девчонки! И она тоже сумасшедшая!

- Есть немного. А теперь, Митя, надо срочно ехать за ними к старому сараю. Думаю, что там сейчас не только они, но и вся их крестовская компания - Юрик Сажин, Гуля Гуляровская, Кира Лопухина и остальные.

- Так что горит - часовня или сарай? Я что-то опять ничего не понимаю.

- Сарай и есть часовня, Митя. Дети старый сарай в часовню перестраивают.

- Теперь кое-что проясняется... Эй, послушайте все! Там, в конце острова - пожар, горит часовня, и наши дети побежали ее тушить! - крикнул Мишин вышедшим на крыльцо гостям. - По машинам! Дети в беде!

- Какие дети? Какая часовня? Это просто фейерверк! Нет, Митя знает что делает - это же его девочки! Ах, эти девочки Мишины! Вечно они что-нибудь придумают и всех детей увлекут! Безобразницы! Да нет, они хорошие девочки, смышленные, только уж очень любят всякие приключения. Ну да, на нашу голову! - переговаривались между собой гости, стоя на крыльце.

Павел Иванович уже вывел из гаража джип и распахнул дверцу со стороны пассажира:

- Садись, Митя! Я знаю, где они!

- Надо ехать за Мишиным! - крикнул Сажин гостям и тоже бросился к своей машине.

На выезде из ворот джип Павла Ивановича чуть не столкнулся с «хондой» Жанны.

- Жанна! Ты видела Юлианн? - закричал ей Мишин.

Жанна остановила машину, открыла дверцу и один долгий миг пристально глядела на Мишина, а потом подняла руку и легонько помахала ею Дмитрию Сергеевичу. Он успел заметить, что лицо у нее перемазано чем-то черным, и явно не тушью для ресниц, а на сиденье рядом с нею лежит пластиковая канистра.

Потом Жанна откинулась на сиденье и отвернулась.

- А, ну да черт с тобой! - Мишин в сердцах махнул на нее рукой.

Он был прав: черт, а вернее бес, был с Жанной - сидел на заднем сиденье в ее машине и злобно скалился.

- Давай, Павлуша, трогай! Ты вправду знаешь, где дети?

- Знаю, Митя, не волнуйся! Это недалеко.

У полыхающего в ночи сарая были не только дети.

Ангелы и демоны сражались в воздухе. Это была Вторая битва при сарае.

Горела пленка на крыше, горели сухие стропила и новенькая рама окна. Хуже того, внутри сарая горели сложенные там доски и даже новый смолистый пол. В воздухе пахло бензином, горящим пластиком и дымом.

Бесы метались вокруг детей, подталкивая их к сараю и крича им: «Спасайте, спасайте свою часовню! Кидайтесь в огонь! Смелее, детки! Вперед!».

Прыгун прыгал вокруг Юльки, Нулек подскакивал к Юрику и толкал его в спину: «Ну будь же ты рыцарем, лезь прямо в огонь - пусть все на тебя смотрят, какой ты герой!».

Барби улучила момент и пролезла к Кире: «Ах, как хорошо было бы совершить перед крещением настоящий христианский подвиг! Все бы тебя хвалили и тобой любовались! Лезь в огонь, дура, кому говорят!»

Ангелы с мечами бросались на бесов и отгоняли их от ребят, а мальчишек и девчонок разворачивали за плечи и выталкивали за опасную черту жара.

Александра помогала Ангелам, как могла. Ей приходилось оттаскивать храмостроителей, пытавшихся спасти из огня то доску, то рулон пластиковой пленки, то ящик с раскаленными гвоздями. Она их тащила, уговаривала, на кого просто кричала и ни на секунду не выпускала из виду обеих Юлианн. В воздухе летали горящие клочья пленки, искры и хлопья черной сажи. За какие-то четверть часа все перемазались, а больше всех сама Александра.

Тут раздался рокот автомобильных моторов и бешеные гудки. Прямо напролом сквозь голые кусты сирени первым выехал к месту пожара джип с Павлом Ивановичем за рулем. Рядом с ним сидел бледный от волнения Дмитрий Сергеевич. Джип еще не успел остановиться, как Мишин выскочил из кабины, крича:

- Юлианна! Юлианна! Аннушка, Юлька, Александра, где вы?

- Мы здесь!

Он увидел чумазую Александру, державшую за плечи его растрепанных и заплаканных дочерей, подбежал к ним и обнял всех троих.

- Слава Богу, целые! Ну я вам задам! Дорогие вы мои, солнышки мои! На месяц под домашний арест! Все трое!

- А, да ладно вам, Дмитрий Сергеевич! - сказала Александра, шмыгая носом. - У нас такая беда, а вы...

Раздался вой сирены и к сараю подъехали две пожарные машины. Для профессионалов потушить такой пожар было раз плюнуть - из брандспойтов плюнуть, конечно, - и его затушили буквально в несколько минут.

Потом подсчитывали ожоги и материальный урон. Ожогов благодаря Александре оказалось

совсем немного.

Ну и благодаря Ангелам, само собой! Сверкая мечами, они разогнали всю стаю Крестовских бесов во главе с Кактусом и оттеснили их далеко за Гребной канал.

А вот недостроенной часовне урон был нанесен значительный. Проще говоря, на месте часовни теперь опять стоял старый полуразрушенный сарай, только на этот раз еще и дочерна обгоревший. На месте еще недавно золотистых новеньких стропил и перекладин теперь дымились длинные мокрые головешки, и пожарники стаскивали их с крыши длинными баграми.

- Да, хоть и отогнали мы бесов от детей, а битву, кажется, все-таки проиграли, - сказал, убирая меч, Ангел Юлиус. - Нет больше часовни святых Анны и Иулии!

- Не спеши, брат, еще не утро! - сказал Ангел Иоанн.

- Ну что вы, что вы теперь-то плачете? - успокаивал дочерей Дмитрий Сергеевич. - Никто серьезно не пострадал, никого даже в больницу везти не надо. Перемазались все, как чушки, ну так ведь это ваше хобби - то у вас зайцы, то у вас стройка, а теперь вот еще и пожар! Ох, скорее бы ваша бабушка приехала, нам с Александрой, чувствую я, вдвоем с вами никак не справиться!

- Папочка, как же ты не понимаешь? Ведь Жанна сожгла нашу часовню! - рыдая, проговорила Аннушка.

- Она обещала нам устроить фейерверк - вот и устроила! - мрачно сказала Юлька.

- Вы уверены, что это именно Жанна устроила пожар? - спросил Дмитрий Сергеевич. Он вспомнил и копоть на лице Жанны и пустую канистру рядом с ней в машине, но ему хотелось все выяснить до конца.

- Да вы посмотрите вокруг, Дмитрий Сергеевич! - сказал Юрик. - Вон же упаковки от ее берлинских ракет повсюду валяются!

При свете горящих машинных фар Мишин, Павел Иванович и его гости увидели валявшиеся на земле яркие упаковки от дорогущих германских ракет и шутих.

- Да, это те самые ракеты, которые Жанна покупала в магазине «Фейерверки и салюты», - сказал Павел Иванович. - Она советовалась со мной, какие ракеты и где покупать, и я сам велел ей брать только немецкие и в специальном магазине. Лучше бы я ей посоветовал взять китайские: глядишь, хоть одна бы у нее под носом взорвалась и опалила ее слегка - для вразумления.

- Да бросьте вы, Павел Иванович! - сказала Александра. - Не нужны нам никакие несчастные случаи перед нашей часовней!

- Была у нас часовня, - мрачно сказал Юрик.

- А может, это сами дети купили ракеты и стали их тут запускать? - сказал кто-то из гостей. - Вот и устроили пожар...

- Выдрать их всех до одного и под домашний арест посадить, как Митя говорит! - поддержали его другие.

- Да вы что, с ума все походили? - взорвался вдруг всегда спокойный Павел Иванович. - Дети отдавали все свои карманные деньги на кирпичи, на гвозди, на цемент, на песок. Они дисков не покупали, в кино не ходили, мороженого не ели! С каких это капиталов им на фейерверки тратиться? Да и с какой такой радости им было фейерверки запускать, скажите, пожалуйста? Строительство часовни остановилось, потому что родители не дают благословения на это дело, а без родительского благословения строить им нельзя. Ну, а теперь, видно, часовня так и не будет достроена... Эх, жаль ребят. Мало того, что собственные родители их не понимают, так еще и эта ведьма Жанна спалила дело на корню!

Мальчишки насупились, а девочки снова заплакали.

И тут не выдержал Мишин.

- Да что же это такое творится, братья островитяне! Это же стыд и позор нам, взрослым! Понастроили мы тут всего, вон какие элитные дома отгрохали, гостиницы, яхт-клубы, бассейны, дельфинарий - как хотим, так и строим себе на острове счастливую и комфортную жизнь, полное, так сказать, процветание на отдельно взятом островке! Все исключительно для собственного удовольствия! А где у нас на нашем островке храм Божий, и какое может быть процветание без Бога и без храма? Наши дети умнее оказались и сами о нас с вами позаботились! Они по своим силенкам дело затеяли - часовню начали строить. Да еще втайне, потому что от нас ни понимания, ни одобрения, ни тем более помощи не ждали. Вот такие уж мы с вами русские православные родители! И нам после этого их наказывать и под арест сажать? Да нам впору самим под арест садиться, поститься да каяться! Не стыдно вам, островитяне?

Островитяне молчали и только переглядывались и кивали: большинство уже соглашалось, что Мишин дело говорит.

- Не знаю, как вам, а мне очень стыдно перед моими дочурками. И перед их друзьями тоже! Простите меня, ребятишки, Христа ради!

- Ничего, дядя Митя, мы ж понимаем! Да мы не сердимся на вас! Спасибо, что хоть вы-то нас понимаете! - наперебой закричали ребята. - Не то что наши родители!

- А вот я им сейчас кое-что скажу за себя и за вас. - И Мишин повернулся к родителям. - И вот что я вам скажу, дорогие родители! А давайте мы не будем ни ругать, ни наказывать наших сыновей и дочерей, а просто, вот прямо здесь и сейчас, благословим их на хорошее дело!

Пока Мишин говорил свою речь, родители уже отыскали в общей неразберихе собственных детей и теперь каждый стоял рядом со своим сыном или дочерью, крепко держа их за руку.

- Ну, так что, благословим детей строить часовню? - повторил Мишин.

- Благословим, конечно! Отчего не благословить на хорошее дело?

И каждый крестовский родитель благословил своего ребенка как умел и поцеловал его.

- Ура! - закричали дети.

- А поджигательницу под суд отдадим! - предложил какой-то еще не откипевший родитель.

- Пойдите, пойдите! Я еще не все сказал! - остановил сердитого родителя Мишин. - Пожар - это, конечно, преступление. Еще хуже, что дети пытались потушить пожар и могли сильно

пострадать. Преступник должен был это предвидеть и даже наверняка предвидел. Но в суд мы подавать на этого человека не станем, хотя все знаем кто это. Не станем, чтобы не задерживать строительство часовни. Начнется расследование, то да се... Но я вам прямо скажу, что лучше этой поджигательнице больше никогда не попадаться мне на глаза!

- Я думаю, что за такое святотатство эту любительницу фейерверков и без нас накажут, да так, что мало не покажется, - вставил Павел Иванович. - Есть суд человеческий, но есть и суд Божий!

- Накажут, да нескоро, - сказал Ангел Павлос.

- Страшный грех, страшна и расплата. Но всего страшней ожидание расплаты! - сказал Ангел Иоанн. - Впору пожалеть несчастную Жанну.

- Что ж, так и оставить? Дети вон плачут! - возмутился отец Юрика Сажина. - Это ж какая обида детям нанесена!

- Нет, так мы это дело не оставим. А сделаем мы с вами вот что. Завтра ведь у нас воскресенье? Ну так вот, давайте мы все после обеда, а православные - после обедни, соберемся здесь возле недостроенной часовни в честь... Как там, Юлианны?

- В честь святых Анны Кашинской и Иулии Карфагенской, - сказала Аннушка, и чумазое ее личико осветилось улыбкой: она уже знала, что сейчас скажет ее ненаглядный папочка.

- Вот... В честь святых Анны и Юлии. - И давайте мы все вместе поможем им эту часовню достроить!

- Ура-а-а! - закричали дети на этот раз так дружно и громко, что воробьи, уже давно проснувшиеся от огня, света и шума, всполошились еще больше и оглушительно зачирикали в кустах, будто тоже кричали «Ура!» - по-своему, конечно, по-воробьиному.

- Все согласны?

- Согласны! Конечно, поможем в таком деле! Таким детям - да не помочь!

- Дмитрий Сергеевич! - кто-то дергал Мишина за рукав. Он оглянулся - это была Александра.

- Что... Санька-Встанька?

- Надо бы сначала благословение от священника получить!

- Ты думаешь?

- Уверена!

- А как его получить?

- Легко! - Это вмешался Павел Иванович. - Я завтра поеду в Лавру и привезу отца Георгия. Он нас всех и благословит, и молебен отслужит о призывании помощи Божией на строительство новой часовни имени Иулии Карфагенской и Анны Кашинской.

- Вот так, - сказал Ангел Иоанн. - И Вторая битва при сарае, последняя Сараевская битва, закончилась полной победой Светлых Сил!

- А почему «последняя битва», Иванушка? - спросил Ангел Димитриус. - Ты ведь не думаешь, что бесы теперь совсем угомонятся?

- Да нет, бесы совсем никогда не угомонятся, до самого Страшного Суда, на то они и бесы. Просто сарая не станет, вот и не будет больше Сараевских битв. А другие битвы будут, это уж точно!

- Но на месте старого сарая на Крестовском острове все-таки будет стоять часовня святых Иулии Карфагенской и Анны Кашинской! - мечтательно проговорил Ангел Юлиус.- Стены голубые с белым, а купол и крест - золотые, и голубые цветы у стен. И море сирени кругом!

- Так тому и быть, - кивнул Ангел Иван.

Взрослые разобрали детей по машинам и развезли их по домам. Но еще за полчаса до того, как джип, в котором сидели Павел Иванович, Дмитрий Сергеевич и Юлианны с Александрой, подъехал к дому Мишиных, из ворот его вырулил доверху нагруженный чемоданами автомобиль марки «хонда». Это Жанна Рачок навсегда выехала из дома Мишиных в неизвестном направлении - и из нашей повести тоже.

- Как хочется спать! Какая сегодня была длинная-предлинная ночь! - сказала Аннушка сестре, когда они наконец-то снова оказались в постели.

- И какая прекрасная, полная приключений ночь! - сладко простонала Юлька.

- Тебе бы все приключения, Юленька! - пробормотала сквозь сон Аннушка. - А знаешь, какое самое прекрасное приключение нас еще ждет впереди?

- Свадьба Александры и нашего папы?

- Это, конечно, просто счастье, что вместо мачехи Жанны у нас будет старшая сестра Александра. Но я о другом приключении. Представляешь, мы к приезду бабушки вместе со всеми нашими родителями своими руками достроим часовню!

- Да, это, конечно, самое приключенческое приключение на свете - своими руками построить храм Божий! - восторженно проговорила Юлька. - Ну ладно, ладно, не храм - часовенку... Но ведь с чего-то надо начинать?

- Правильно. С чего-то надо начинать - и вот мы и начали. Спи теперь, Юленька, и пусть поскорее начнется завтра.

- Уже сплю, Аннушка.

Спокойной ночи, Юлианны, и светлого вам завтра!

Конец и Богу слава

Эфа - ядовитая змея.

Скорпена - ядовитая рыба.

Григорий Петрович Грабовой, известный аван-тюрист и обманщик, выдававший себя за академика и профессора, а также и за новое воплощение Хрис-та. Главная афера - воскрешение мертвых. Пред-сказал о себе, что в 2008 г. станет президентом Рос-сии, что

навряд ли исполнится, поскольку вскоре после обещания воскресить детей, погибших в Бес-лане, был арестован (5 апреля 2006 г.) за мошенничество и обман.

Песня группы «Мультики».

Стихи Д. Кудрина.

Благодать - Божественная энергия, проявление и действие Божией силы в мире. Основанием для действия благодати в человеке является присутствие Святого Духа - Третьего Лица Пресвятой Троицы.

Бренд (от англ. brand), эконо. - фабричная марка, тавро, сорт, клеймо. Здесь всемирно известная торговая марка; ставший модным и популярным товар массового потребления

Фэйк (от англ. fake), жарг. - здесь подделка известной торговой марки, модного продукта, фальшивка.

Я хочу, чтобы моя соседка сломала ногу (англ.).

От названия ядовитого паука каракурта.

Ядозуб - ядовитая ящерица.

Вальпургиева ночь - в германской средневековой мифологии ночь с 30 апреля на 1 мая (день католической св. Вальпургии, Уимбурнской монахини (Англия), приехавшей в Германию в 748 году с целью основания монастыря). По поверью, в эту ночь на горе Броккен происходил ежегодный шабаш ведьм, на который они слетались верхом на метлах и вилах. Совпадает с языческим кельтским праздником весны Бельтайн, отмечаемым 1 мая, на котором, по некоторым данным, делались человеческие жертвоприношения.

Стихотворение Дм. Бельского